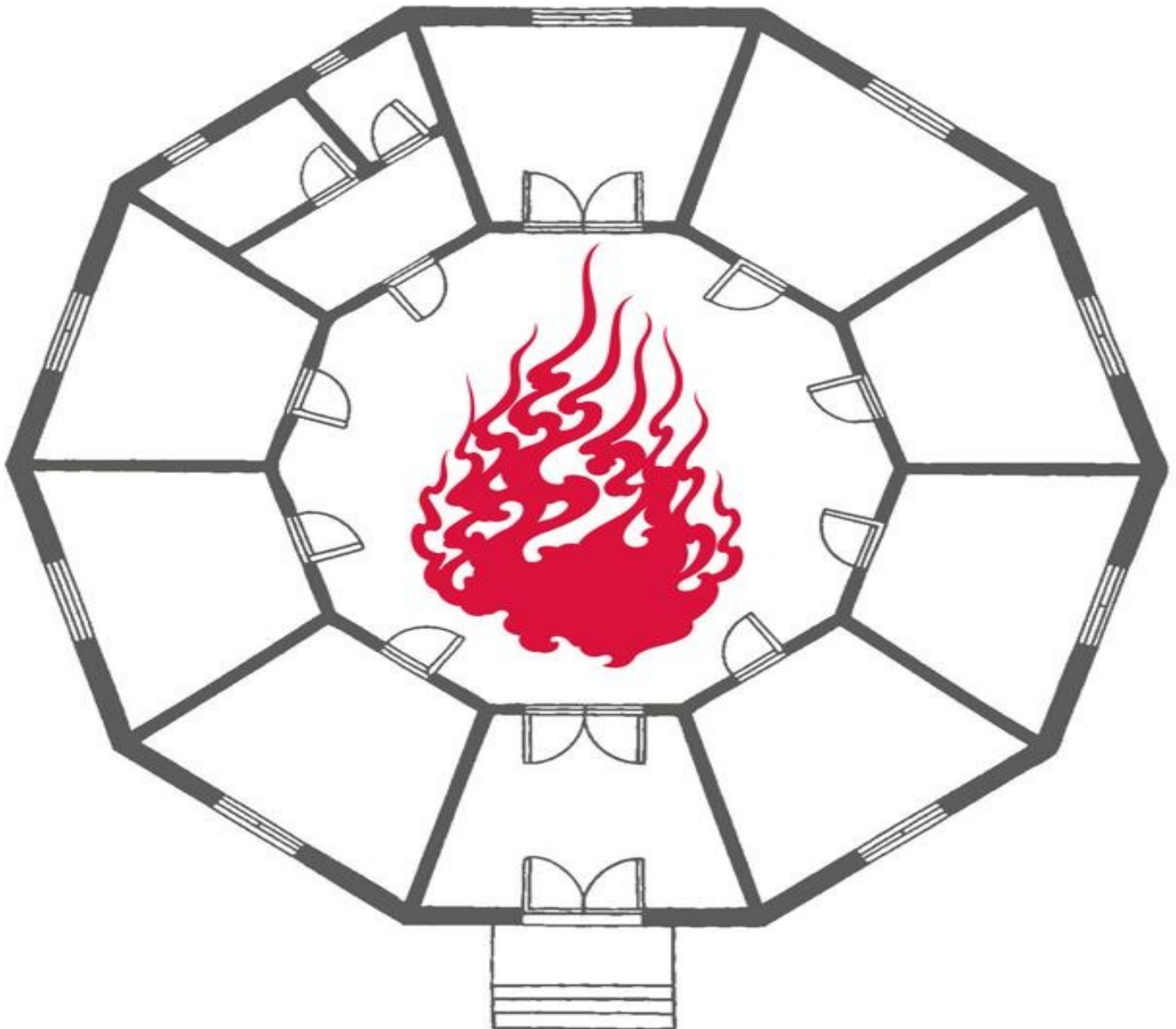

本
格

ЮКИТО АЯЦУДЗИ

УБИЙСТВА
В ДЕСЯТИУГОЛЬНОМ ДОМЕ

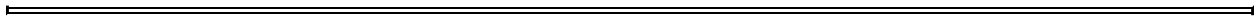
Annotation

Уединенный остров, где полгода назад произошло таинственное массовое убийство. Маленький клочок суши с вычурными зданиями – творениями странного хозяина этих мест, Сэйдзи Накамуры, среди прочих погибшего в той жестокой бойне. Поговаривают, его призрак до сих пор бродит там в темноте... Разве есть на свете более подходящее место для членов студенческого детективного клуба, обожающих такие тайны? Загадка, с которой им предстоит столкнуться, – вовсе не одна из кабинетных головоломок, к которым они привыкли: сами того не зная, детективы-любители отняли кое-что дорогое у покойного Накамуры, и теперь некто жаждет возмездия...

В соответствии с канонами жанра хонкаку мы с самого начала знаем, что этим персонажам суждено умереть. И по ходу действия узнаем все, что поможет нам на равных соревноваться в отчаянных поисках убийцы с его будущими жертвами. И с невероятным детективом, чье имя – Киёси Симада...

-
- [Юкито Аяцудзи](#)
    -
    -
    - [Эксперимент под названием «Убийства в десятиугольном доме»](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Эпилог](#)
  - [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

Юкито Аяцудзи

Убийства в десятиугольном доме

Yukito Ayatsuji
JUKKAKUKAN NO SATSUJIN

Jukkakukan no Satsujin <Shinsou Kaiteiban> © 2007 Yukito Ayatsuji.

All rights reserved.

First published in 1987 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo.

Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd.,
Tokyo

© 2007 Yukito Ayatsuji. All rights reserved. First published in 1987 in
Japan by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition
arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© Логачев С. И., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Всем моим уважаемым
предшественникам посвящаю*

Эксперимент под названием «Убийства в десятиугольном доме» (предисловие к американскому изданию 2015 г.)

В мире японской остросюжетной беллетристики есть особый термин – «хонкаку-детектив», то есть «традиционный, ортодоксальный детектив». Он описывает тот вид детективных историй, что является не только литературным жанром, но и в той или иной степени типом игры. Такие истории построены на принципе «высокого уровня логических размышлений» – ключевом требовании, которого должны придерживаться детективщики, чтобы их произведения оказались крайне захватывающими: его выдвинул С. С. Ван Дайн, выдающийся представитель «золотого века» англосаксонского детектива (1920–1930-е гг.).

Я кратко опишу историю хонкаку для поклонников традиционного жанра, останавливаясь преимущественно на работах, переведенных на английский. Одним из первых японских рассказов подобного рода стал опыт Эдогавы Рампо с «убийством в запертой комнате», «Убийство на улице Д.» (1925). Среди других произведений этого писателя можно отметить «Психологический тест» (1925) и «Чудовище во мраке» (1928).

До Второй мировой войны хонкаку был представлен в основном малой формой, хотя имелось и несколько романов. Среди наиболее важных творений предвоенного десятилетия назову «Убийцу» Сиро Хамао (1932), написанного под сильным влиянием Ван Дайна и «Трагедию семьи Фунатоми» Ю Аои, на которую оказали влияние Ф. У. Крофтс и И. Филлпотс.

Почти сразу после войны появился ряд превосходных романов в жанре хонкаку – например, книги Акимидзу Такадзи и Сэйси Ёкомидзо. Дебют Такадзи, «Убийство за татуировку» (1948), увидел свет благодаря Рампо, рекомендовавшему его издателю. «Убийство» вместе с «Кланом Инугами» Ёкомидзо (1951) – важнейшие хонкаку послевоенного периода. В Японии главной книгой Ёкомидзо считается «Остров Тюремные Врата» (1949), но на английском доступен только «Клан», поэтому я упомянул именно его.

В 1950 г. началась переписка Эдогавы с Эллери Куином, а спустя два года Рампо и Такадзи вступили в Клуб детективных писателей Америки.

Во второй половине 50-х японскую остросюжетную литературу потряс масштабный катаклизм. Один за другим стали выходить детективные романы, равняющиеся на стиль социального реализма, – и главным автором этого направления выступил Сэйтё Мацумото. Направление быстро набрало популярность и буквально в одночасье превратилось в основную тенденцию. Хонкаку был смещен со своих позиций. Новая мода получила в литературных кругах название «социальной школы», а ее сосредоточенность на реализме начала рассматриваться как следующая ступень в эволюции детектива. Вот романы Мацумото 50–60-х, переведенные на английский: «Точки и линии» (1958), «Инспектор Иманиси берет след» (1961) и «Безвозмездно» (1961).

Когда в 1977 г. Эллери Куин (точнее, его половина, Фредерик Даннэй) [\[1\]](#) посетил Японию, он участвовал в дискуссии с Мацумото, в ходе которой последний утверждал, что главные составляющие детектива – мотив преступления и описание психологии преступника. К этому мнению стоит отнестись внимательно, однако оно сильно отличается от взглядов Ван Дайна. Мацумото не воспринимал всерьез характерные особенности хонкаку, такие как гениальные дедуктивные умозаключения выдающегося сыщика, театральная манера, в которой он порой изъясняется, а также то, что действие ограничивается узким кругом людей. По сути, Мацумото порицал эти особенности, объявляя их нереалистичными.

После появления на сцене Мацумото издатели перестали печатать старые добрые детективы в духе «золотого века», и для хонкаку настал «ледниковый период». Критика, которую один из персонажей высказывает в адрес «социальной школы» в первой главе «Убийств в Десятиугольном доме», как раз затрагивает японское книгоиздание того времени. Среди тех писателей, кто выдержал испытание и продолжал писать хонкаку, – Аюкава Тецуя и Такао Цучия. На сегодняшний день на английский переведен только один рассказ Цучии, а вот Тецуе не досталось даже этого.

Конец «ледниковому периоду» пытался положить я собственными скромными усилиями – романами «Токийский Зодиак» (1981) и «Дом кривых стен» (1982). Лед, сковавший хонкаку усилиями Мацумото, слегка тронулся, но, к сожалению, не сразу получилось обрести достойных последователей в этом деле. И вот в 1987 году писатель-детективщик, которого я так ждал, явился. Это был Юкито Аяцудзи со своими «Убийствами в Десятиугольном доме». Я сразу почувствовал важность творчества Аяцудзи, поэтому всеми силами поддержал его дебют и написал к нему предисловие.

Судьба круто обошлась с детективами, написанными по канонам

«золотого века», однако они по-прежнему пользуются успехом в Японии, хотя в Великобритании и США эта лавочка, похоже, прикрыта. Все дело в том, что у нас есть целая философия хонкаку. Это слово не просто означает произведения, где ключевую роль играют логические умозаключения; оно является своего рода знаком отличия авторов, в особом интеллектуальном уровне чьих книг читатель может быть уверен. Хонкаку – слово, придававшее многим детективщикам – не только выдающимся – сил, помогая писать.

Уверен, если нам удастся привить эту философию к древу британо-американской остросюжетной беллетристики, маятник «золотого века» снова качнется в нужную сторону, чего в Японии удалось достичь благодаря «Токийскому Зодиаку» и «Убийствами в Десятиугольном доме». Сегодня многие японцы помнят первый роман Аяцудзи как эпохальное событие, изменившее нашу детективную литературу своими новаторскими идеями.

Чтобы оценить важность этой работы, нужно коснуться и истории западного детектива. Новая литературная форма, которую мы знаем под этим именем, – детище научно-технической революции, полностью изменившей общество Запада. Эдгар Аллан По был тем, кто впервые изобразил запутанный случай, где злое существо ужасающей силы, проникнув в запертую комнату, убило молодую женщину, – а также описал, как трезвый научный рассудок, решая дело, открывает совершенно невероятную истину. За По последовал Конан Дойл, давший миру истории о Шерлоке Холмсе, молодом исследователе, открывшем целую новую область – искусство дедукции, пленившее читателей по всему миру и утвердившее детектив как жанр. Спустя более восьмидесяти лет после По, в 1928 г., Ван Дайн вдохнул в него вторую жизнь. Это ему в голову пришла идея поместить и убийство, и расследование, и все остальное от начала до конца внутри дома или другого ограниченного пространства, создав подобие спортивного развлечения, – как это сделано и в «Убийствах в Десятиугольном доме».

Когда вступил в дело Ван Дайн, преданные поклонники детективов уже привыкли к различным литературным приемам в стиле По и Дойла и в отличие от читателей времен молодости жанра догадывались, что можно ожидать на следующей странице. Стало быть, авторам следовало перестроиться и взять новый курс.

Ввод в действие подозрительных обитателей дома и откровенная подача характеров прямо с самого начала; четкое описание окружения, где разыгралась трагедия убийства; недопустимость лжи в повествовании;

неприемлемость сокрытия от читателя информации, необходимой для дедуктивных умозаключений; ликвидация элементов, мешающих наслаждению чистой игрой ума (подобных китайской магии в бульварных любовных историях) – такие правила игры предложил Ван Дайн. Джон Диксон Карр и Эллери Куин загорелись идеей и создали (иногда, правда, и нарушая правила) собственные успешные произведения, вдохновленные также готическим романом. Так возникали условия для «золотого века».

Впрочем, описанный творческий подход ограничивает писательский инструментарий, и есть основания посетовать, что после «золотого века» жанр толком не развивался. Помимо прочего, активное использование По и Конан Дойлом новейших научных достижений было отброшено Ван Дайном, и детектив двадцатого века плелся в хвосте революционных открытий.

Оглядываясь на проделанную Аяцудзи работу, можно сказать, что он провел литературный эксперимент, руководствуясь подходом Ван Дайна, однако ему хватило смелости и мастерства внести в жанр новую струю. Вот почему его стиль был назван «син-хонкаку», то есть «новым традиционным детективом», и множество авторов последовали за ним.

Приличное число новых хонкаку-детективщиков смогли поймать новую волну и дебютировали в краткий период с 1987 по 1990 г.: Сёго Утано, Рейто Никайдо, а также товарищи Аяцудзи по детективному клубу в Киотском университете – Ринтаро Норидзуки, Такемару Абики и Ютака Мая. Ко всем этим дебютам я тоже написал предисловия. Откликаясь на произошедшие сдвиги, разными путями пришли в литературу такие писатели, как Арису Арисугава, Каору Китамура, Ая Имамура и Таку Асибе. Все перечисленные объединились и создали движение син-хонкаку. Создавалось такое впечатление, что великий дух хонкаку весь «ледниковый период» провел в ожидании нужного момента, – и когда тот наступил, дух возродился.

«Убийство в Красном зале» (2004) Асибе было переведено на английский, а два рассказа Норидзуки, «Загадка городской легенды» и «Искус зеленой двери», опубликовал «Детективный журнал Эллери Куина», как и мой собственный «Запертый дом Пифагора» (в 2004, 2014 и 2013 гг. соответственно).

Подобно Ван Дайну, Аяцудзи в «Убийствах в Десятиугольном доме» отказался использовать новейшие научные достижения и выстроил сюжет с убийствами и расследованием вокруг полностью уединенного здания. Но в то же время он безжалостно искоренил другие вещи, которые Ван Дайн считал придающими произведению «литературности»: изображение

представителей высшего класса общества, острословие, особую роль надменных женщин, любезные диалоги за ужином с вином, вышколенных слуг во главе с дворецким. Этим он приблизил свой роман к игре более, чем кто-либо ранее.

В итоге его персонажи действуют почти как роботы, их мысли схематично доносятся посредством однообразных фраз. Повествователь совершенно не озабочен тонкостями письма и красотами стиля, его интересует только сама история. Читатели, привыкшие к американским и британским детективам, были в шоке. Роман казался им похожим на иллюстрирующие его элементарные схемы.

Люди лишены эмоций и повинуются лишь электрическим сигналам: вы словно находитесь внутри видеоигры. Уникальный метод Аяцудзи – как бы разыгранная в театре пьеса об абстрактных убийствах, где среди персонажей затаился убийца, – проистекает из традиций игр-головоломок детективного клуба Киотского университета. Участники подобных игр, не имея никаких сведений, перенесенных на бумагу, должны вычислить убийцу, следуя за устным рассказом о преступлении. В такой напряженной ситуации, когда каждое слово исчезает тут же после произнесения, нужда в литературных изысках отпадает.

Аяцудзи первым обнаружил эту технику под названием «условное воссоздание» в эксперименте «Убийства в Десятиугольном доме» – он же его дебютный роман. Некоторые приняли точно рассчитанную отвлеченность от деталей за вопиющую неопытность в выражении мыслей, а то и вовсе за отсутствие литературной жилки. Когда книга вышла, автор подвергся резкой критике. Однако у него были причины написать эту книгу именно так, и никак иначе. Ко всеобщему удивлению, роботоподобные персонажи из видеоигр очень быстро обрели широкую популярность – что неудивительно, если принять во внимание потенциал выбранного стиля. «Десятиугольный дом» занял заслуженное место в ряду детективных шедевров. Думаю, в анимэ, которое ныне захватило чуть ли не весь мир, замкнутые миры школы Аяцудзи придутся весьма кстати.

Содзи Симада

Токио, 2015 г.

Пролог

Ночь, море, покой.

Тишину нарушает лишь монотонный шум волн. Они закипают где-то в бескрайнем мраке, набегают на берег и исчезают.

Он сидел на прохладном бетоне волнореза, один против простирившейся перед ним неоглядной тьмы, окруженный белыми облачками пара, поднимавшегося от дыхания.

Он страдал уже несколько месяцев, и уже несколько недель его одолевала одна и та же мысль, не отпускавшая ни на день. И вот сейчас стремления приобрели совершенно четкую форму и двинулись в одном направлении.

План готов.

Приготовления практически завершены.

Оставалось только ждать, когда *они* попадут в ловушку.

Он не питал иллюзий, понимая, что план не идеален. Его нельзя было назвать тщательно проработанным; скорее наоборот, план был небрежный, составленный кое-как. Но он и не собирался разрабатывать его во всех деталях.

Ведь, как ни старайся, в конце концов человек – это человек, и богом ему не быть никогда.

Можно, конечно, вообразить себя богом, это совсем не трудно, однако, как ни крути, человек – всего лишь человек, и какими бы талантами он ни обладал, достичь того он не в состоянии.

И разве может существо, не являющееся богом, предсказать, что может произойти в будущем, которое формируют психология, поведение человека или же просто случайность?

Даже если представить мир в виде шахматной доски, а людей – фигурами на ней, все равно существует предел, за которым невозможно предугадать дальнейшие ходы. Самый тщательный, до последней детали проработанный план может когда-то, где-то, в чем-то не сработать. Окружающий мир настолько переполнен случайностями, а душам людским так свойственно непостоянство, что этого не в состоянии учесть даже самый изощренный план.

Человеку, сидевшему на берегу, больше всего подходил план, который не ограничивал бы его действия; максимально гибкий, позволявший адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. Вот к какому заключению

он пришел.

Нельзя быть твердолобым.

Нужен не план, а руководство к действию, в рамках которого можно выбрать вариант, наиболее соответствующий сложившейся в определенный момент обстановке.

Исход дела будет зависеть от умственных способностей, сообразительности и быстроты реакции, удачи, наконец.

Я знаю: человеку никогда не стать богом.

Но в каком-то смысле ему предстояло взять на себя роль «бога». Это несомненный факт.

Приговор. Да, именно приговор.

Во имя мести ему предстоит вынести *им* приговор. Им всем.

Приговор, выходящий за рамки правосудия.

Он не бог, и поэтому ему не будет прощения за то, что он собирается совершить. Он это прекрасно знает. Его действия общество назовет «преступлением», и если о них станет известно, он будет осужден по закону.

Но, несмотря ни на что, соображения здравого смысла не могли больше сдерживать его эмоции. Эмоции? Нет, это слово совершенно не подходит.

Это не просто сильное чувство.

Это крик души, последняя связь с жизнью, причина, ради чего он существует.

Глубокая ночь, море, время молчания.

Ни сияния звезд, ни огней проплывающих в море судов. Ничто не нарушало темноты, куда был устремлен его взгляд. Он снова обдумывал свой план.

Подготовка близилась к концу. Скоро *они* – его грешная добыча – окажутся в приготовленной им ловушке. Ловушке, которая представляет собой фигуру, состоящую из десяти равных сторон и десяти внутренних углов.

Они попадут в нее, ни о чем не подозревая. Без боязни и сомнения ступят в капкан-декагон^[2], из которого им не суждено выбраться...

Что ожидает их там? Смерть, разумеется. Заслуженное наказание, которое должны понести все без исключения.

Их смерть не должна быть легкой. Конечно, можно было бы, к примеру, без особого труда взорвать всех их разом. Способ простой и надежный. Но он не может выбрать этот путь.

Он должен убивать их по порядку, по очереди. Точно как в романе

известной английской писательницы – медленно, одного за другим. Он даст им понять, что есть страдание, что есть скорбь, боль и страх смерти.

Возможно, рассудок его помутился. Он готов это признать.

Знаю: сколько бы я ни оправдывал себя, только человек не в своем уме способен на то, что я собираюсь сделать.

Он тряхнул головой и посмотрел туда, где простиралось черное ночное море, накатывавшее на берег свои волны.

Рука в кармане пальто ощутила что-то твердое. Он вынул предмет из кармана и поднес к глазам.

Бутылочка из прозрачного зеленого стекла.

В плотно закупоренной бутылочке было собрано все, что крылось в самых потаенных уголках его души. Все, что по-простому называется совестью. Несколько сложенных листов бумаги. На них мелкими иероглифами изложено содержание плана, который он намеревался осуществить. Письмо без адреса, письмо-признание...

Я знаю: человеку никогда не стать богом.

Он понимал это и именно поэтому не хотел доверять окончательный приговор кому-то из людей.

Не важно, куда приплывет эта бутылка. Ему просто хотелось задать морю, откуда произошла вся жизнь, последний вопрос: прав он или нет?

Ветер подул сильнее.

Пронизывающий холодок пробежал по затылку, невольно заставив его содрогнуться.

Он размахнулся и забросил бутылочку в темноту.

Глава 1

День первый

Остров

1

– Боюсь, у нас с тобой получается какой-то тухлый спор, – сказал Эллери, худощавый белокожий парень высокого роста. – Для меня детектив – это интеллектуальная забава. Волнующая логическая игра. Читатель против сыщика или читатель против автора. Игра, ни больше ни меньше. Реализм «социального детектива», одно время весьма популярного, в том числе в Японии, себя изжил. Какую-то конторщицу находят убитой в ее тесной квартирке. Следователь ценой титанических усилий и пары обуви, стертой в процессе расследования, арестовывает начальника жертвы, который оказывается ее любовником. Хватит с меня таких историй! Не надо больше про коррупцию, про всякие заговоры в политических кругах, трагедии, в которых виновато современное общество. Что требуется от детектива? Пусть скажут, что я отстал от жизни, но мне нужны знаменитые сыщики, особняки, где разворачивается действие, их подозрительные обитатели, кровавые трагедии, невероятные преступления и хитрости, к которым прибегают изворотливые преступники. Важна игра воображения. Мне приятно находиться в таком мире. Обязательное условие – присутствие во всей этой каше интеллекта.

Парни сидели в пропахшей машинным маслом и соляркой рыбацкой шхуне, которая покачивалась на волнах, мирно перекатывавшихся по воде. Мотор, приводивший шхуну в движение, натужно пыхтел.

– Ну и вонь!

Карр, сидевший облокотившись о поручни, скривился и выпятил вперед длинный, до синевы выбритый подбородок.

– Мне не нравится, Эллери, что ты заладил одно и то же: «интеллект, интеллект»... Ты считаешь детектив игрой – ну и на здоровье. Только не надо все время про интеллект. У меня от этого настроение портится.

– Очень жаль.

– Это называется элитизм. Не все же читатели такие интеллектуалы,

как ты.

– Точно... – Эллери спокойно посмотрел на Карра. – ...И очень прискорбно. Я остро ощутил это, просто пройдясь по кампусу. Даже в нашем клубе не все обладают интеллектом. Есть такие, у кого он под вопросом.

– Поссориться хочешь?

– Упаси бог! – Эллери пожал плечами. – Никто не говорит, что ты – один из них. Под словом «интеллект» я имею в виду отношение к игре. Это не значит, что кто-то умный, а кто-то глупый. На свете нет людей совсем без ума. Точно так же не найдешь человека, незнакомого с играми. Я говорю о том, готов ли человек психологически играть в интеллектуальные игры.

Карр насмешливо фыркнул и отвернулся.

Мягкая улыбка появилась на лице Эллери, когда он перевел взгляд на сидевшего рядом с ним паренька с ребячьим лицом и очками в круглой оправе на носу.

– Скажу больше, Леру. Детективы строятся на основе особых правил, и если воспринимать их как отдельный мир, созданный для интеллектуальной игры, то должен признать, что время, в котором мы живем, – чрезвычайно сложный период для этой конструкции.

– О-о! – Леру слегка наклонил голову набок, а Эллери продолжил:

– Эта дискуссия продолжается уже много лет. Следователи-работяги, отдающие работе все силы, прочная организационная структура, методы расследования, основанные на последних достижениях науки... Мы не можем считать современную полицию некомпетентной. Пожалуй, с компетенцией у нее даже перебор. Известным детективам прошлого, полагавшимся исключительно на серое мозговое вещество, не нашлось бы места для деятельности. Это факт. Появись сейчас мистер Холмс в одном из больших городов, его подняли бы на смех.

– Ну уж ты скажешь! Современный Шерлок Холмс вполне может появиться.

– Ты прав, конечно. Появится человек, до зубов вооруженный новейшими знаниями в области судебной медицины и экспертизы, и начнет наставлять беднягу Ватсона с помощью доступных лишь специалистам словечек и формул, в которых не разберется ни один читатель. «Это же элементарно, Ватсон! Как можно не знать такие вещи...»

Эллери, держа руки в карманах бежевого плаща, снова пожал плечами.

– Естественно, я преувеличиваю, намеренно довожу свои аргументы до крайности, чтобы нагляднее проиллюстрировать то, что хочу сказать.

Я не собираюсь аплодировать победе полицейского механизма с его сухой, лишенной всякого романтизма техникой расследования над не имеющими с ним ничего общего логикой и умопостроениями блестящих детективов «золотого века». Любой автор, которому приходит в голову написать детектив, непременно оказывается перед дилеммой: либо то, либо другое. И самый простой (хотя, может, это и не точное выражение) способ решения данной дилеммы – это «домик в горах в снежную бурю». Показать крупным планом изолированную среду, в которой происходит действие.

– Понятно. – Леру кивнул с серьезным видом. – Ты хочешь сказать, что самая современная тема классического детектива – это «домик в горах в снежную бурю»?

Март близился к концу. Весна была на подходе, хотя ветер на море задувал еще холодный.

На полуострове S, на восточном побережье префектуры Оита, что на острове Кюсю, есть мыс J. Шхуна отчалила от пристани в рыбацком городке S, приютившемся на мысе, и, оставляя за собой пенный след, держала курс на маленький островок, лежавший в море километрах в пяти от берега.

Безоблачное небо, вместо того чтобы отливать голубизной, было каким-то белесым. Причиной тому служил желтый песок, который с приходом весны ветер поднимал в воздух в этих краях. Лучи солнца, расположившегося на небосклоне, падали на шумевшие за бортом волны, превращаясь в серебряных рыбок. Шхуна, словно покрывалом, была окутана дымкой, принесенной ветром с берега.

– Что-то я больше рыбаков здесь не вижу, – произнес высокий парень, который до этого молча курил. Он стоял напротив Эллери и его приятелей, опершись одной рукой о поручень. У него были жесткие, давно не стриженные волосы и густая борода, закрывавшая пол-лица. Это был По.

– Течение с той стороны острова больно опасное, потому все и обходят это место, – отозвался пожилой жизнерадостный рыбак. – Рыбные места лежат дальше к югу, так что у острова мало кто плавает. Даже те, кто, отчалив от пристани, проходит мимо, стараются держаться подальше. А что это вы, ребята-студенты, вроде какие-то не такие?

– Да? А что не так-то?

– Ну, имена у вас странные. Вот я слышал вроде Лулу, Эрари... Это что за имена такие? Неужто вам нравятся?

– М-м... Это что-то вроде прозвищ.

– И что ж, теперь все студенты с такими кличками ходят?

– Да нет. Не думаю.

– То есть одни вы, значит, такие чудики?

Напротив рыбака и По на длинном деревянном ящике, поставленном в центре шхуны вместо лавки, сидели две девушки. С сыном рыбака, стоявшим у руля, на шхуне было восемь человек.

Шестеро молодых пассажиров шхуны были студентами университета К** в городе О, что в префектуре Оита, и членами университетского Клуба детективов. Эллери, Карр, Леру, По... так они называли друг друга.

Незачем и говорить, что студенты позаимствовали эти имена у американских и европейских писателей-детективщиков, которых очень уважали: Эллери Куина, Джона Диксона Карра, Гастона Леру и Эдгара Аллана По. Девушек звали Агата и Орци – от королевы детектива Агаты Кристи и баронессы Орци, автора «Старика в углу»^[3].

– Эй, гляньте! Вон она, Цунодзима! И дом стоит. Видите? – прокричал рыбак. Все дружно повернули головы в сторону острова, который становился все ближе.

Остров был маленький и ровный.

Над морем почти вертикально возвышалась высокая круча, украшенная темным гребнем, напоминавшим по форме гигантские десятииеновые монеты, уложенные друг на друга. Остров имел три небольших выступа, выдававшихся в море и напоминавших рога. Отсюда, видимо, и пошло название – Цунодзима, Рогатый остров. Со всех сторон он круто обрывался вниз, и причалить можно было лишь в единственной тесной бухточке. Вот почему любопытные рыбаки-любители очень редко заплывали на остров. Лет двадцать назад какой-то человек перебрался на Цунодзиму, построил странной формы дом и назвал его Голубой виллой, но через какое-то время остров опять обезлюдел.

– А что виднеется там, на вершине того утеса? – подала голос Агата, поднимаясь с ящика. Приглаживая рукой растрепавшиеся на ветру длинные волосы, она довольно щурилась на солнце.

– Это пристройка. Сгорела наполовину, а главный дом, как я слышал, сгорел дотла, – в полный голос объяснял рыбак.

– Ага! А вон там Десятиугольный дом, да, папаша? – спросил Эллери. – Вы бывали на этом острове?

– Я несколько раз заходил в эту бухту, чтобы укрыться от ветра, но на остров не вылезал. Да и вообще, после того, что тут случилось, лучше держаться от него подальше. Вот и вы давайте поосторожнее там.

– А чего бояться? – спросила, повернувшись к рыбаку, Агата.

Тот понизил голос:

– На острове... м-м-м... появляется он. Так люди говорят.

Агата и Эллери быстро переглянулись в недоумении.

– Призрак. Мужик, которого здесь убили. Накамура, что ли...

Рыбак скривился в улыбке, словно хотел согнать множество морщинок, опутавших его смуглое лицо:

– Люди рассказывали: когда в дождливый день проплываешь мимо острова, вон на том утесе, на самом верху, появляется фигура в белом. Призрак того самого Накамуры. Он машет руками, заманивает... А еще говорили, что видели блуждающие огни там, где никого быть не должно, духов каких-то возле сгоревшего дома... А у кого-то на глазах призрак даже лодку с рыбаками под воду уволок.

– Ерунда это все, папаша, – с трудом выдавил из себя Эллери. – Зря вы нас пугаете. Вы своими историями только всех развеселите.

Из всех студентов слегка напуганной выглядела лишь Орци, оставшаяся сидеть на ящике. Всех остальных рассказ рыбака совершенно не смутил. Агата, радостно бормоча себе под нос: «Вот здорово!» – прошла на корму шхуны.

– Слушай! Это правда? – весело спросила она сына рыбака, совсем еще мальчишку, по-прежнему сжимавшего в руках румпель.

– Все это враки, – отрезал мальчишка. Он взглянул на Агату и отвел глаза, как от яркого света. – Я разное слышал, но сам призрака не видал.

– Неужели ни разу? – слегка разочарованно проговорила девушка, но тут же озорно улыбнулась. – Я против призраков ничего не имею.

– Да уж, раз тут *такое* случилось.

Было одиннадцать утра среды, 26 марта 1986 года.

Бухточка находилась на западном берегу острова.

С двух сторон ее окружали кручи. С правой стороны поднимались вверх голые скалы, образуя сплошную стену высотой метров двадцать, которая тянулась до южного берега. С восточной стороны, где течение было очень сильное, скалы достигали пятидесяти метров. К бухте спускался крутой склон, по которому навверх вели узкие каменные ступеньки, обрамленные то тут то там прицепившимися к скалам кустиками темной зелени.

Шхуна медленно вошла в тесную бухту. Волны здесь были не такие высокие. Вода тоже казалась другой – тяжелой, изумрудно-зеленого цвета.

С левой стороны приткнулся деревянный причал. Чуть дальше стоял

ветхий обшарпанный сарай, где хранились лодки.

– Значит, не хотите, чтобы я вас тут навещал? Посмотреть, мало ли что... А то я могу, – решил предложить рыбак, пока шестеро студентов выбирались на причал, опасно поскрипывавший под ними. – На телефон не рассчитывайте. Нету его тут.

– Всё в порядке, папаша. Сами справимся, – ответил Эллери и, похлопав по плечу По, присевшего с сигаретой в зубах на свой рюкзак, добавил: – У нас даже почти дипломированный врач есть.

Бородач По учился на четвертом курсе медицинского факультета.

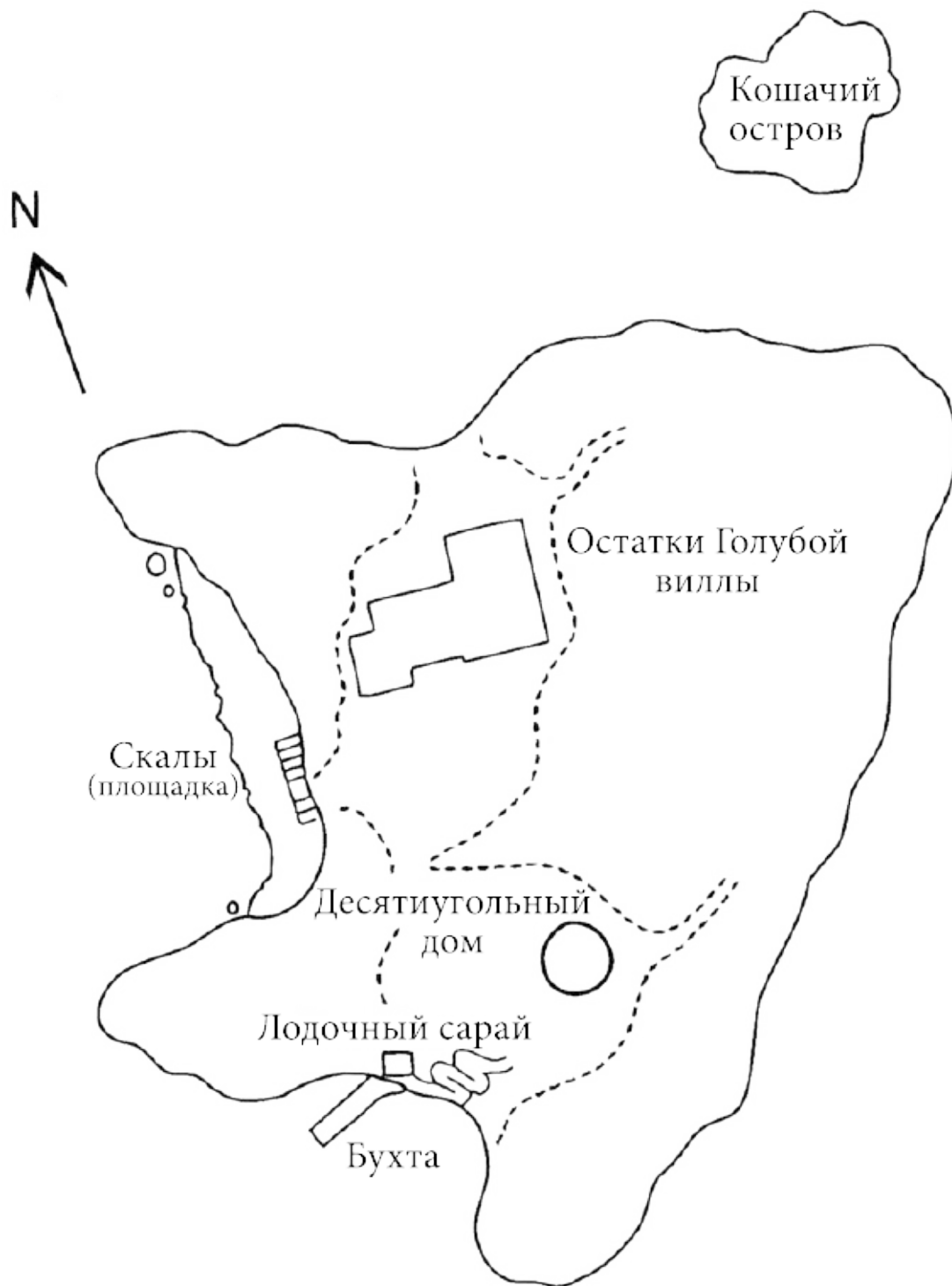
– Все правильно, Эллери, – поддакнула Агата. – Не так часто появляется возможность пожить на необитаемом острове, и все настроение пропадет, если нас тут будут проверять.

– Смелые у вас девчата, я смотрю... – Рыбак рассмеялся, показывая крепкие белые зубы, и принялся отвязывать веревку от столба на причале. – Тогда, значит, ждите меня на следующей неделе во вторник утром, в десять. И давайте поосторожнее.

– Спасибо, будем. Особенно с призраками.

* * *

Когда долгий крутой подъем по ступенькам был завершен, перед молодыми людьми открылась лужайка, поросшая высокой травой. Она была разбита вместо сада перед небольшим зданием с белыми стенами и голубой крышей, которое будто специально ожидало студентов.

Рис. 1. План Цунодзимы

Выкрашенная голубой краской двустворчатая дверь, видимо, и служила главным входом и вела в прихожую. Чтобы попасть в дом, надо было подняться по ступенькам.

– Это и есть Десятиугольный дом? – первым подал голос Эллери, с трудом переводя дыхание после долгого подъема. Поставив на землю темно-бежевую сумку, он постоял немного, глядя на небо. – Ну как тебе здесь, Агата?

– Класс! Я даже не ожидала. – Агата приложила платок к белому лбу, на котором выступили капельки пота.

– А я... думаю... вот... – пропыхтел запыхавшийся Леру. Он тащил сразу несколько сумок, в том числе багаж Агаты. – Как бы это сказать... я думал, это более дикое место.

– Ожидания не всегда оправдываются. Войдем, посмотрим. Ван должен нас встречать, он приехал раньше. Что-то его не видно...

Как только Эллери произнес эти слова, перевел дыхание и поднял сумку, голубые ставни слева от входа распахнулись и в окно выглянул человек.

– Всем привет!

Так на сцене появился Ван, седьмой член Клуба детективов. Он жил на острове в этом доме уже неделю. Свой псевдоним Ван позаимствовал у С.С. ван Дайна, создателя знаменитого сыщика Фило Вэнса.

– Минуточку, я иду, – странно надтреснутым голосом сказал он и закрыл ставни. Через минуту выскочил из прихожей. – Не смог встретить вас на причале, извините. Вчера простыл немного, температура поднялась, я и прилег. И все время прислушивался, когда подойдет шхуна.

Ван высадился на острове раньше остальных, чтобы все приготовить.

– Простудился? Ничего серьезного? – озабоченно поинтересовался Леру, поправляя очки, соскользнувшие на кончик потного носа.

– Да нормалек, – неуверенно хохотнул Ван, передернув худыми плечами.

* * *

Следом за Ваном его товарищи вошли в дом.

Миновав голубую двустворчатую дверь, прибывшие очутились в просторной прихожей. Впрочем, они тут же поняли, что это оптический обман. При ближайшем рассмотрении прихожая получалась не такой уж большой. Форма у нее была не прямоугольная, и из-за этого помещение выглядело больше, чем на самом деле.

В стене перед ними оказалась еще одна двустворчатая дверь, которая вела в глубь дома. Приглядевшись, студенты заметили, что эта стена

уступает в ширине той, что была у них за спиной. То есть прихожая напоминала трапецию, сужавшуюся от входа к противоположной стене.

Странный вид комнаты произвел впечатление на всех, кроме Вана, но когда, миновав дверь, они вошли в холл, замысел планировщика стал понятен. Перед ними было десятиугольное помещение, все стены которого имели одинаковую ширину.

Чтобы понять устройство этого дома, лучше всего, наверное, изобразить его план на бумаге.

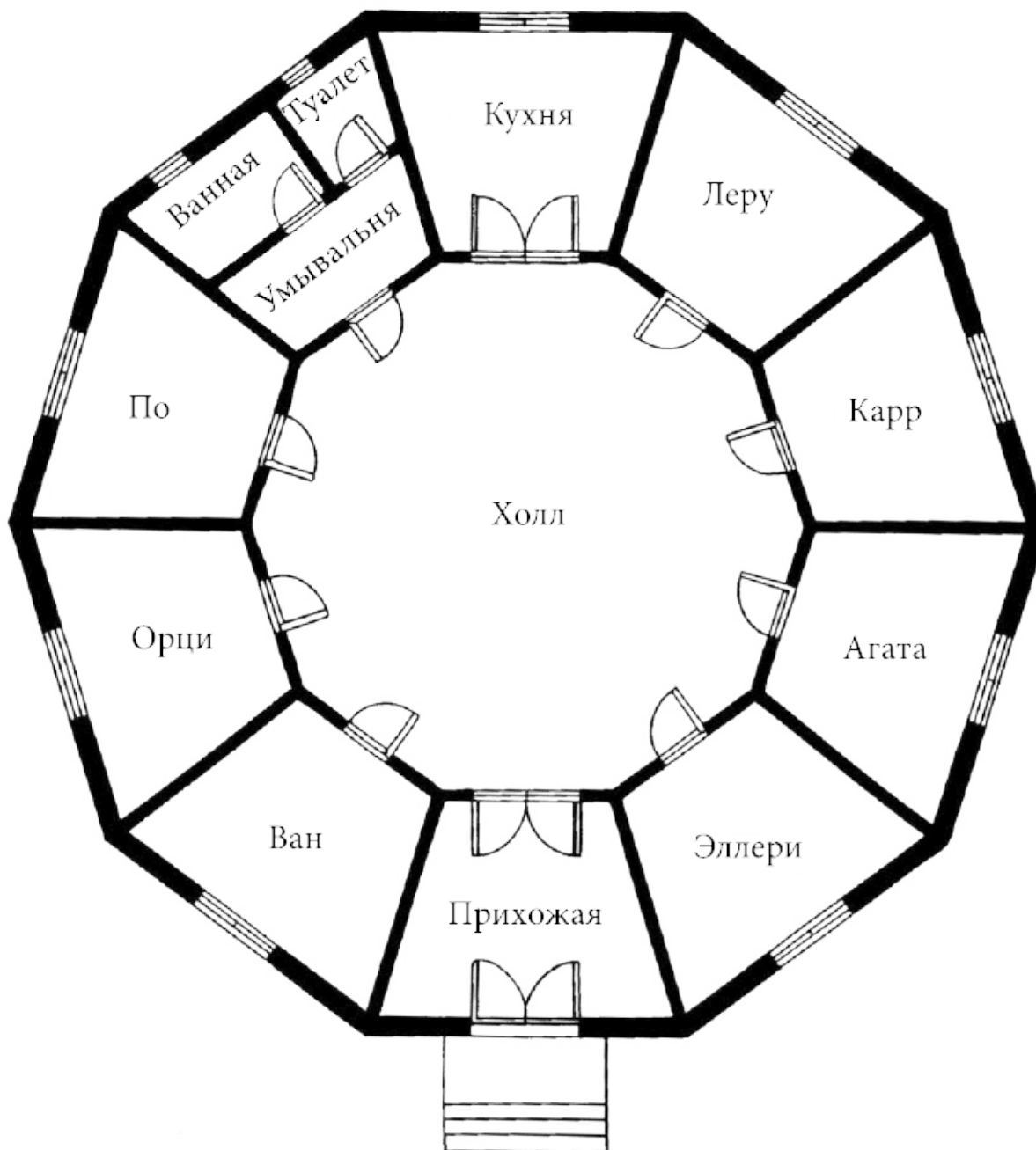
Отличительной чертой дома-декагона, как следует из названия, было то, что его внешние стены имели форму правильного десятиугольника. Внутри этого большого десятиугольника находился холл – малый декагон, образованный десятью прилегающими друг к другу отдельными блоками. Иначе говоря, внутренний декагон (холл) находился в окружении десяти трапециевидных помещений. Одним из них была прихожая, через которую только что прошли студенты.

– Ну как? Чудно, правда? – спросил Ван, оборачиваясь. – Вон та двойная дверь напротив – кухня. Слева от нее – туалет и ванная. Остальные семь комнат – гостевые.

– В десятиугольном доме десятиугольный холл... – Оглядевшись как следует, Элери подошел к большому белому столу, стоявшему в центре холла, и забарабанил пальцами по краю. – Надо же! Стол и тот десятиугольный. Круто! Может, убиенный Сэйдзи Накамура страдал от мономании?^[4]

– Всяко бывает, – отозвался Леру. – Я слышал, в сгоревшей Голубой вилле все было голубое – от пола до потолка, даже мебель.

Человека, который двадцать лет назад перебрался на этот остров и возвел на нем Голубую виллу, звали Сэйдзи Накамура. Он же, конечно, построил и Десятиугольный дом.

Рис. 2. План Десятиугольного дома

– Но как же мы будем отличать эти комнаты? – ни к кому особенно не обращаясь, задала вопрос Агата.

В прихожую и на кухню вели одинаковые двойные двери. Обе были украшены узорчатым стеклом, заключенным в рамы из некрашеного дерева. В закрытом состоянии никто не смог бы найти разницу между ними. По каждую сторону от этих дверей располагались по четыре двери – все из некрашеного дерева и не отличимые с виду, за которыми находились

комнаты гостей. В холле не было никакой мебели или каких-либо предметов домашней утвари, которые помогали бы ориентироваться, так что опасения Агаты имели под собой основания.

– Есть такая проблема. Я сам сегодня утром несколько раз заходил не в те комнаты. – Ван криво усмехнулся. Веки у него слегка припухли – из-за температуры, наверное. – А давайте сделаем таблички с именами и повесим на двери. Орци! Ты взяла свой альбом?

Услышав свое имя, Орци робко подняла голову.

Она была маленького роста, да еще и пухленькая и, наверное, поэтому всегда носила только черное, но проблему это не решало – в таких нарядах она выглядела старомодной простушкой. Особенно на фоне яркой и живой Агаты. Из-за этого Орци при разговоре все время опускала глаза. Зато она здорово рисовала. Ее хобби была традиционная японская живопись.

– Да, взяла. Принести?

– Можно потом... Ну что, ребята, разбирайте комнаты. Все они одинаковые, так что можете не спорить. Только эту не занимайте. Я уже в ней живу. – Ван указал на одну из дверей. – Если кому нужны ключи, они в замочных скважинах.

– Все понятно, – живо отозвался Эллери.

– Тогда давайте передохнем и осмотрим остров.

Комнаты поделили быстро.

Левую сторону от прихожей заняли Ван, Орци и По, правую – Эллери, Агата, Карр и Леру.

Когда вновь прибывшие разошлись с багажом по комнатам, Ван, привалившись спиной к двери своей комнаты, достал из кармана жилета цвета слоновой кости пачку «Севен старз» и закурил. Затем с чувством выполненного долга обвел внимательным взглядом полутемный холл.

Стены холла покрыты белой штукатуркой, пол выложен большими голубыми плитками, поэтому по дому можно было ходить в обуви. В центре потолка, который образовывали панели, отходившие вверх по диагонали от каждой из десяти стен, находилось окно, тоже в форме десятиугольника. Свет из него проливался на голые стропила и потом падал на такой же десятиугольный белый стол, стоявший посреди холла. Вокруг стола стояли десять стульев из некрашеного дерева в голубых матерчатых чехлах. Кроме них и круглой, похожей на маятник лампы, свисавшей со

стропил, других предметов интерьера в холле не было.

Электричество отсутствовало. В холл проникал лишь дневной свет из окна в потолке, от чего помещение даже днем казалось пристанищем таинственных теней.

Через несколько минут из своей комнаты неторопливо вышел По. На нем были вылинявшие джинсы и светло-синяя рубашка.

– Ого! Быстро ты, однако... Подожди, сейчас кофе принесу.

Держа горящую сигарету между пальцами, Ван отправился на кухню. Он учился на третьем курсе естественного факультета и был на год младше По, четверокурсника факультета медицины.

– Ты извини, старик, что тебе пришлось здесь за нас париться – одеяла таскать и прочее...

– Да ничего. Мне тут помогли.

В холле, подвязывая косынкой длинные волосы, появилась Агата.

– Какие замечательные комнаты, Ван! Я думала, здесь все куда хуже... Кофе? Давайте я приготовлю, – весело предложила она.

В кухне Агата увидела стеклянную банку с черной этикеткой.

– Растворимый? – разочарованно протянула девушка, встряхивая банку.

– Ну а какой еще? – парировал Ван. – Мы же не на курорте, а на необитаемом острове.

Агата слегка надула губки, подкрашенные розовой помадой.

– А еда?

– В холодильнике. Только он не работает – из-за пожара вырубился свет и телефон. Но, я надеюсь, продуктов хватит.

– Будем надеяться. А вода есть?

– Да, водопровод я открыл и еще подключил газовый баллон, который привез с собой. Так что можно пользоваться плитой и бойлером. Можно даже попробовать помыться, хотя я бы не советовал.

– Молодец! Хм-м... Тут и кастрюли есть, посуда... Это ты все на себе притащил?

– Нет, от старого хозяина осталось. Еще есть три кухонных ножа. А разделочная доска совсем заплесневела.

К Вану и Агате робко подошла Орци.

– А-а, Орци! Давай-ка подключайся. Тут столько всего осталось... надо все вымыть как следует.

Агата пожалала плечами и сняла черный кожаный жакет. Потом обернулась к По, который заглядывал в кухню из-за спины Вана и Орци, и сказала:

– Нечего тебе тут делать, если помогать не собираешься. Пойди осмотри остров. Все равно, пока мы всё тут не уберем, кофе не получишь.

Уперев руку в бок, она бросила сердитый взгляд на По. Ван криво улыбнулся и с грустным видом удалился вместе с приятелем. Агата холодно бросила им в спину:

– И не забудьте про таблички на двери. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из вас ввалился ко мне, когда я буду переодеваться.

В холле появились Эллери и Леру.

– Что? Выставила вас королева? – рассмеялся Эллери, прикладывая тонкий палец к худому подбородку.

– Совершенно верно. Повинуясь приказанию ее величества, лучше сначала прогуляться по острову.

– Пожалуй. А где Карр? Не выходил еще?

– Он ушел. Один, – сказал Леру, бросив взгляд на входную дверь.

– Уже?

– Он у нас любит одиночество, – с иронией произнес Эллери и улыбнулся.

* * *

Справа от Десятиугольного дома, с северной стороны, стояли высокие сосны. В одном месте в ряду деревьев образовался разрыв, и ветви растущих напротив черных сосен наклонились так, что получилось подобие арки, пройдя под которой четверо приятелей оказались на том месте, где стояла Голубая вилла.

Все, что от нее осталось, – это фундамент и кучи мусора. Разбитый перед домом большой заброшенный сад был засыпан толстым слоем пепла, вокруг – даже больно было на это смотреть – торчали стволы деревьев, засохшие от опалившего их огня.

– Смотрите-ка, все сгорело. Какой же должен быть пожар, чтобы ничего не осталось?

Глядя на открывшуюся перед ними картину полного запустения, Эллери вздохнул:

– Да уж. Ничегошеньки.

– Ван, ты тоже здесь в первый раз?

Тот кивнул:

– Дядя много рассказывал мне об острове, но раньше я здесь не бывал. Сегодня утром я порядком намучился с вещами, перетаскивая их туда-

сюда, а тут еще температура, так что решил один по острову не лазить.

– Ну и правильно. Тем более что здесь, кроме пепла и мусора, ничего нет.

– А ты бы обрадовался, если б мы здесь труп нашли? Да, Эллери? – Леру ухмыльнулся.

– Отстань! Сам ты труп!

Узкая тропинка уходила на запад, в сосновую рощу, и упиралась в скалы. Вдали, в открывшейся перед ними морской лазури, неясной темной тенью маячил мыс J.

– Ну и погодка! Тишь да гладь.

Сладко потянувшись, Эллери повернулся к морю. Невысокий Леру, укутав руки в полу толстовки, последовал его примеру.

– Трудно поверить, что всего полгода назад здесь случился такой ужас. Скажи, Эллери?

– Ужас... Лучше не скажешь. «Загадочное убийство четырех человек на “Голубой вилле” на Рогатом острове».

– В книгах чего только не напишут – и пять человек, и десять на тот свет отправят. Мы уже привыкли. А тут все было по-настоящему, и, можно сказать, совсем недалеко... Я просто был в шоке, когда узнал про это в новостях по телику.

– Когда точно это произошло? Ранним утром двадцатого сентября? На острове Цунодзима в так называемой Голубой вилле, принадлежавшей Сэйдзи Накамуре, возник пожар. Здание сгорело полностью. На пожарище были найдены четыре трупа: самого Сэйдзи Накамуры, его жены Кадзуэ и живших с ними слуг-супругов. – Голос Эллери звучал бесстрастно, он будто зачитывал текст по бумажке. – В телах всех погибших обнаружили высокое содержание снотворного, при этом экспертиза установила, что смерть была вызвана разными причинами. Слуги задушены веревкой в своей комнате, головы разбиты топором. Хозяина виллы, Сэйдзи, облили керосином и, очевидно, сожгли. Его жену, Кадзуэ, нашли в той же комнате. Она умерла от удушья; орудием убийства стала веревка или шнурок. Кроме того, у нее была отрублена левая кисть. Обнаружить ее на пожарище не удалось. Вот такая картина, Леру.

– Еще вроде был садовник, который исчез...

– Да-да. Он нанялся к Накамуре на работу и появился на острове всего за несколько дней до того, как это все случилось, но полиция его так и не нашла. Как в воду канул.

– Ну да.

– Есть две точки зрения на это дело. Первая – садовник и есть

преступник, поэтому он и исчез. Вторая – преступление совершил кто-то другой, а садовник – например, спасаясь от убийцы – свалился с утеса, и его унесло течением...

– Полиция, похоже, склонялась к версии, что преступником был садовник. Хотя что показало расследование, неизвестно. А ты что об этом думаешь, Эллери?

– Так... – начал Эллери, легким движением откидывая назад упавшую на лоб прядь волос, растрепавшихся на ветру. – К сожалению, у нас слишком мало информации. Все, что нам известно, мы знаем из новостей, пока вокруг этого дела несколько дней стоял шум в газетах.

– Куда подевался твой боевой настрой?

– Да никуда он не подевался. Можно рассуждать сколько угодно, строить разные теории... Однако у нас не хватает информации, чтобы считать теорему доказанной. Кроме того, в данном конкретном случае полиция провела расследование довольно топорно. Хотя на месте преступления больше ничего не осталось. Так ведь? Выживших на острове не было. Естественно, следователи поспешили объявить преступником пропавшего садовника.

– Все так.

– Истина лежит под этими головешками.

Эллери повернулся и, пройдясь по заваленному битым кирпичом пожарищу, поднял с земли обломок доски. Нагнулся, разглядывая место, где она лежала.

– Ты чего? – Леру наклонил голову.

– А забавно было бы найти сейчас пропавшую руку жены Накамурэ, – с серьезным видом отозвался Эллери.

– Еще скажи: хорошо бы найти под полом Десятиугольного дома скелет садовника.

– Ну, вы даете! – По, до сих пор молча слушавший разговор Эллери и Леру, изумленно посмотрел на них и погладил длинную бороду. – А ты, я смотрю, шутник, Эллери.

– Это точно, – согласился Леру. – Если завтра на острове что-нибудь произойдет, получится любимый Эллери классический случай «домика в горах в снежную бурю». Мы говорили об этом, когда плыли сюда. Как бы он обрадовался, если б здесь произошло серийное убийство, как в «Десяти негрятках»!

– И его первого и убили бы.

По вообще был неразговорчив, но иногда бросал ядовитые реплики в стиле «редко, но метко».

Леру и Ван посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– «Серийное убийство на покинутом острове». А что? Звучит неплохо, – без малейшего смущения и робости заявил Эллери. – Это как раз то, что нужно. А я возьму на себя роль детектива. Ну, кто бросит вызов мне, Эллери Куину?

4

– В таких ситуациях, как сейчас, женщинам достается больше всего. Мы для них что-то вроде прислуги, – ворчала Агата, быстро разбирая вымытую посуду. Вызвавшаяся ей помогать Орци стояла рядом, следя за быстрыми движениями белых тонких пальцев Агаты, пока не сообразила, что ее собственные руки ничем не заняты.

– Пусть мужчины тоже на кухне поработают. Они не должны думать, что на нас можно все свалить. Как считаешь?

– Э-э... ну да...

– Эллери все время так важничает... Представляю его в фартуке и с половником. Сногшибательное зрелище!

Агата весело расхохоталась. Орци покосилась на ее резко очерченный профиль и вздохнула.

Умное лицо, нос безукоризненной формы. Глаза подведены легкими фиолетовыми тенями. Длинные волнистые волосы хорошо ухожены.

Всегда веселая и излучавшая уверенность в себе Агата обладала скорее мужским характером, но при этом прекрасно понимала, что она женщина. Ей нравилось ловить на себе взгляды мужчин, привлеченных ее яркой красотой.

А я по сравнению с ней...

Маленький кругленький носик. Детские красные щеки, усыпанные веснушками. Большие глаза, беспокойно рыскающие по сторонам, совсем не подходили к ее лицу. Орци понимала, что, даже если она попробует накраситься, как Агата, толку не будет. Она не просто стеснялась своей внешности, а испытывала отвращение к своей робости, неуверенности, склонности к одолевавшим ее напрасным страхам и к отсутствию интереса к происходящему вокруг.

Их семерка часто собиралась вместе, и всякий раз девушек было только двое – она и Агата. Эта повторяющаяся неизбежность давила на Орци.

Не надо было мне сюда ехать. Вот такая мысль настойчиво

преследовала ее.

Сначала у Орци не лежала душа к поездке на этот остров. Ей казалось, что появление там их компании осквернит память погибших. Однако робость не позволила ей устоять перед настойчивыми просьбами приятелей.

– Ой, какое суперское колечко! – сказала Агата, заметив кольцо на среднем пальце левой руки Орци. – Давно оно у тебя?

Орци уклончиво покачала головой:

– Не... не очень.

– Не иначе кто-то подарил? Хороший человек...

– Нет, что ты!

В конце концов Орци все-таки решила ехать. Она не осквернит память, она поедет, чтобы отдать последний долг тем людям, которые там умерли.

– Орци, ты всегда такая?

– Какая?

– Закрытая. Все держишь в себе. Мы уже два года знакомы, но мне кажется, что я о тебе почти ничего не знаю. Я не имею ничего против, конечно... Просто это как-то странно.

– Странно?

– Ну да. Мне приходит в голову эта мысль, когда я читаю твои рассказы в журнале нашего клуба. В них ты такая живая, ясная, а на деле...

– Потому что рассказы – это выдуманный мир.

Избегая взгляда Агаты, Орци отвернулась. На губах ее появилась смущенная улыбка.

– У меня с реальностью как-то не ладится. Я терпеть себя не могу. Мне всё во мне не нравится.

– Ну что ты! – Агата рассмеялась и провела пальцами по аккуратным коротким волосам Орци. – Просто тебе не хватает уверенности. А без нее никак. Ты очень милая, симпатичная... Ты ничего про себя не знаешь. Ну что ты голову все время опускаешь? Смотри гордо.

– Ты хорошая, Агата.

– Да ладно тебе. Давай уберем все быстрее и приготовим перекусить что-нибудь.

* * *

Эллери, Леру и Ван все еще бродили по пепелищу, на месте которого еще недавно стояла Голубая вилла. Они решили осмотреть раскинувшуюся

напротив рощу.

– Эллери! И ты, Ван! Нам тут жить ровно неделю, и я хотел вас попросить...

Глазки Леру за стеклами комичных очочков в круглой серебряной оправе – хотя сам он не считал их комичными – засверкали.

– Я не говорю о ста страницах, пусть будет пятьдесят.

– Ой-ой, Леру! Шутишь?

– Я всегда серьезен. Ты же знаешь, Эллери.

– Но мы же совсем не за этим сюда приехали. Скажи, Ван?

– Согласен.

– Но я же вам уже объяснял. Я хочу выпустить следующий номер «Острова мертвых» пораньше, к середине апреля. Он нам нужен для привлечения новых членов в наш клуб, и еще – это специальный выпуск, посвященный десятилетию клуба. Я тоже сделаю все, что смогу, ведь я же буду редактором. Вы же не хотите, чтобы я облажался с журналом с самого начала?

Леру, студент второго курса литературного факультета, в апреле должен был стать редактором «Острова мертвых» – журнала Клуба детективов.

– Послушай, Леру. – Эллери извлек из кармана рубашки цвета красного вина пачку «Салема» и распечатал ее. Он учился на третьем курсе юридического факультета и до апреля считался редактором «Острова мертвых». – Тебе надо подбить на это дело Карра. О содержании говорить не буду, но то, что он самый плодовитый автор в нашем клубе, это факт. Ван, дай прикурить...

– Подколоть его решил?

– Вовсе нет. Карр первый начал.

– Если уж ты про него, что-то он не в духе, – заметил Леру.

– Есть причина. – Эллери, хмыкнув, выпустил изо рта тонкую струйку дыма.

– Что за причина?

– Наш бедный Карр попробовал на днях подкатиться к Агате и получил от ворот поворот. Тяжелый случай!

– К госпоже Агате? Ого! Какой храбрец!

– Может, со злости, а может, еще почему-то он сунулся к Орци – и тут ничего не выгорело.

– К Орци... – Ван нахмурил брови.

– Ну да. То есть нашему писателю невесело.

– Да-а, какое уж тут веселье... Под одной крышей с девчонками,

которые тебя послали.

– Так что, дорогой Леру, тебе придется сильно постараться, если хочешь, чтобы Карр что-то написал для журнала.

В этот момент юноши увидели направлявшуюся к ним Агату. Она остановилась возле арки, образованной ветвями черных сосен, и замахала им руками:

– Обед готов. А где По и Карр? Они разве не с вами?

* * *

Узкая тропинка начиналась от заднего двора Десятиугольного дома и вела в сосновую рощу.

Он намеревался пройти по ней, чтобы посмотреть на утесы на восточном берегу острова, но чем дальше он шел, тем уже становилась тропа. Кроме того, она все время виляла из стороны в сторону, и через каких-то пятьдесят метров он перестал ориентироваться.

В роще было сумрачно и уныло. Стебли бамбука, росшего между деревьями, цеплялись за одежду при каждом шаге. Он несколько раз спотыкался о кочки и едва устоял на ногах. Думал повернуть назад, но его охватила досада – с какой стати! Островок крошечный, и потеряться здесь невозможно.

Высокий ворот свитера, пододетого под куртку, промок от пота. Когда, казалось, терпеть это неудобство стало невозможно, тропинка наконец вывела его из рощи.

Он очутился на вершине утеса. Яркая синева моря слепила глаза. В конце тропинки лицом к морю стоял высокий человек. Это был По.

– Ты что здесь...

По обернулся на звук шагов и, увидев Карра, снова перевел взгляд на море.

– Это северная часть острова. А вот там, наверное, Кошачий остров.

Он указал пальцем на островок, торчавший из воды в нескольких десятках метров от берега. Его и островом назвать было нельзя. Скорее риф, на круглой макушке которого росло несколько низких кустиков. Формой он напоминал сжавшееся в комок, покрытое темной шерстью животное. Отсюда и название.

Поглядев на остров, Карр повел носом: «Фу-у!»

– Что с тобой? Чего ты такой кислый?

– Хм-м... Жалею, что приехал сюда. Не надо было. – Нахмурившись,

он принялся жаловаться на жизнь: – Если в прошлом году здесь что-то произошло, это еще не значит, что сейчас нас ждет что-то интересное. Я думал, поездка поможет стимулировать воображение, вот и поехал. Но как представляю, что целую неделю придется видеть эти физиономии... Поневоле скиснешь.

Карр, как и Эллери, учился на третьем курсе на юриста. Он поступил в университет с первого раза, поэтому был ровесником четверокурсника По. Карр был среднего роста и средней упитанности, но из-за сутулости и короткой шеи казался ниже, чем на самом деле.

– Ты чего тут один-то?

– Да так...

По сощурил под густыми бровями и без того узкие глазки. Извлек сигарету из похожего на коробочку для лекарств портсигара, сделанного из березовой коры и висевшего у него на поясе, и сунул в рот. Потом протянул портсигар Карру.

– Сколько пачек ты привез? Так все сигареты раздашь, самому не останется... Ты же много куришь.

– Да, люблю покурить, хотя и медик.

– И только «Ларк»... Интеллигенция такие не курит, – бесцеремонно заметил Карр, однако предложенную сигарету принял. – Но все ж лучше, чем ментолки малыша Эллери...

– Послушай, Карр, я не советовал бы тебе все время собачиться с Эллери. Ничего интересного в этом нет. Что толку его задирать? Он просто посмеется над тобой, и всё.

Карр прикурил от своей зажигалки и отвернулся:

– Кто бы говорил...

Слова Карра По не задели. Он молчал, с удовольствием вдыхая дым сигареты.

Постояв немного, Карр швырнул недокуренную сигарету в море, сел на камень и достал из куртки фляжку с виски. Нетерпеливо выдернув пробку, сделал большой глоток.

– Прямо днем начинаешь?

– Не твое дело.

– Молодец! – Тон По стал жестким. – Ты бы как-то себя ограничивал. Кабы только днем, а то...

– А-а! Так ты все об *этом* переживаешь?

– Да ты пойми...

– Нечего тут понимать. Сколько уже времени прошло... Что теперь, до самой смерти об этом думать?

Не обращая внимания на неодобрительный взгляд, который, не сказав ни слова, бросил на него По, Карр еще раз приложился к фляжке.

– Меня не только Эллери достает. Это же необитаемый остров. Бабы что здесь делают?

– Ну да, остров необитаемый. Но у нас все-таки не игра на выживание.

– О'кей, пусть так. Но у меня нет никакого желания торчать здесь вместе с Агатой, которая только и может, что нос задирать. И еще эта Орци... Так получилось, что за последнюю пару лет у нас образовалось что-то вроде «дружной семерки». Так что громко об этом не скажешь, но это ничего не меняет – толку от этой угрюмой, совершенно никчемной девицы никакого, зато самомнение ого-го!..

– Что ты к ней придираешься?

– А-а! Вы ведь с Орци друзья детства...

По с угрюмым видом раздавил ногой окурок и посмотрел на часы, будто вспомнил о чем-то.

– Уже полвторого. Пошли обратно, а то без обеда останемся.

* * *

– Пока не сели за стол, я хотел сказать... – обратился к членам Клуба детективов Эллери, на носу которого красовались пижонистые очки в золотой оправе. – Точнее, наш будущий редактор имеет кое-что сказать.

На десятиугольном столе уже был накрыт ланч – яичница с беконом, простой салат, багеты и кофе.

– Э-э... прошу извинить, что отрываю всех от еды, но позвольте мне несколько слов... – лучезарно улыбаясь, официальным тоном начал свою речь Леру и тут же закашлялся. – На нашем новогоднем вечере мы говорили, как было бы здорово приехать в Десятиугольный дом. Тогда еще никто не думал, что это получится. Но через некоторое время выяснилось, что дядя Вана приобрел этот дом, и Ван пригласил нас сюда.

– Да никакого особого приглашения не было. Я просто сказал, что могу попросить дядю, если мы соберемся ехать сюда.

– Ну-ну! Не надо скромничать. Как мы все знаем, дядя Вана занимается торговлей недвижимостью. У него фирма в S. Он большой мастер в своем деле и планирует в скором времени превратить Цунодзиму в базу отдыха для молодежи. Так ведь, Ван?

– Не думаю, что у него такие уж широкомасштабные планы...

– Так или иначе, мы находимся здесь, можно сказать, в качестве тест-

группы. Ван приплыл сюда первым рано утром, чтобы подготовиться к нашему приезду, и мы должны поблагодарить его. Спасибо тебе от всей души.

Неожиданно для всех Леру отвесил Вану глубокий поклон.

– А теперь о главном...

– Яичница стынет, и кофе тоже, – прервала его Агата.

– Я уже почти закончил. В самом деле все остынет... Прошу вас, приступайте, а я буду говорить. Э-э... За всеми, кто собрался здесь сегодня, старшие члены нашего клуба, уже окончившие университет, признали кое-какой талант и передали нам свои имена, которые мы с благодарностью приняли. Можно сказать, мы – главная пишущая сила клуба.

Со времени создания в Клубе детективов университета К** был такой обычай: члены клуба называли друг друга по псевдонимам. Десять лет назад его основатели – фанаты детективного жанра, а их тогда было немного – решили поребятиться и взяли себе имена знаменитых европейских и американских писателей. По мере роста числа членов имен стало не хватать, ведь заметных авторов не так много. Вышли из положения, введя систему «наследования имен». Выпускники, покидая университет, передавали свои имена кому-нибудь из младших по собственному выбору. Потом уже преемников стали выбирать по их вкладу в выпускаемый клубом журнал. Расположившиеся в Десятиугольном доме студенты, каждый из которых имел псевдоним, считались «мозговым центром» Клуба детективов и в силу этого часто собирались вместе по разным поводам.

– ...и начиная с сегодняшнего дня ведущие члены клуба в течение недели будут жить на этом безлюдном острове, где ничто не будет нас отвлекать. Так не станем же терять время даром. – Леру обвел всех взглядом. – Я захватил с собой довольно много бумаги и хочу попросить вас написать за это время по одному рассказику для нашего апрельского номера.

– Ага! – воскликнула Агата. – Теперь понятно, почему только у тебя такие большие сумки. Вот что ты задумал!

– Да, это мой план. Агата... И ты, Орци... Напишите тоже что-нибудь.

Леру склонил в поклоне голову и, прижав ладони к круглым щекам, захихикал. В такой позе он очень напоминал куклу «фукусукэ»^[5], только в очках. На лицах сидевших за столом появились ядовитые усмешки.

– Все сочинения будут на одну тему – «Серийное убийство на покинутом острове». Что будешь делать с этим счастьем, Леру? – решил уколоть приятеля По.

Леру выпятил грудь.

– Скажу, что это специальная тема номера. А что? Давайте так и сделаем. Так даже лучше будет. Ведь журнал называется «Остров мертвых». Это название романа Агаты Кристи «Десять негритят» в японском переводе.

Эллери, который смотрел на Леру, облокотившись о стол, шепнул сидевшему рядом Вану:

– Боюсь, мы недооценили нашего нового редактора.

Первый день прошел без происшествий.

Кроме просьбы Леру о рассказах для журнала, больше ничего заезжих островитян не напрягало. Они были не такие люди, чтобы ходить толпой и водить вместе хороводы, так что свободное время каждый проводил, как ему заблагорассудится.

Наступил вечер...

– Ты что, Эллери? Сам с собой в карты играешь?

Агата вышла из своей комнаты. Косынка цвета золота, которой она повязала длинные волосы, ярко выделялась на фоне монотонного наряда – белой блузки и черных кожаных лосин.

– В последнее время увлекся. Не мания, конечно, но что-то вроде этого. – Эллери вытянул из колоды карту и улыбнулся.

– Увлекся чем? Гадать, что ли, начал?

– Уж ты скажешь! Гадание нам без надобности. – Эллери ловко перетасовал карты и добавил: – Меня интересуют фокусы.

– Карточные фокусы? – Глаза Агаты на секунду округлились, но она тут же понимающе кивнула. – Вот, значит, чем ты решил заняться...

– Чем же?

– Людей дурачить – и радоваться.

– Ничего у тебя формулировочки...

– Да? – Агата вдруг рассмеялась. – Ладно, покажи мне что-нибудь. Давно фокусов не видела.

– Любительница детективов и не интересуешься фокусами? Редкий случай.

– Не то чтобы не интересуюсь... Просто случая не было. Ну, давай же.

– Уговорила. Иди сюда, садись.

Солнце садилось, в холле Десятиугольного дома сгущались сумерки.

Агата села за стол, Эллери собрал карты и положил их перед собой. Потом достал из кармана пиджака еще одну колоду.

– Итак, имеем две колоды – с красной и синей «рубашкой». У каждого должна быть своя колода. Какую выбираешь?

– Синюю, – тут же прозвучал ответ Агаты.

– Хорошо. Синяя так синяя. Вот, держи.

Эллери передал ей через стол синюю колоду.

– Сначала проверь, что все честно, и перемешай карты, как тебе нравится. А я перемешаю свою колоду.

– Готово. Обыкновенные карты... Американские?

– Классические «Байсикл Райдер Бэк». Видишь, на «рубашке» картинка – ангелок на велосипеде катит? Самые популярные карты.

Эллери положил на стол тщательно перемешанную колоду.

– Теперь поменяемся колодами. Ты мне – синюю, я тебе – красную... Так, поехали дальше. Возьми из колоды одну карту и запомни. Я тоже возьму карту из колоды, которую ты перемешала, и запомню.

– Любую?

– Угу. Запомнила? Теперь положи ее на колоду сверху... Так, правильно. Теперь сними один раз, как я. Верхняя и нижняя часть колоды поменялись местами. Отлично! Повтори два-три раза.

– Так, что ли?

– Ага. Молодец! Теперь еще раз меняемся колодами...

Синяя колода вернулась к Агате. Эллери посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Порядок. Что мы с тобой сделали? Из двух перемешанных колод вытянули по одной карте, запомнили их, положили обратно и снова перемешали колоды.

– Ну да.

– А теперь, Агата, достань из своей колоды карту, которую ты запомнила, и положи на стол «рубашкой» вверх. А я найду свою карту в этой колоде.

Через несколько секунд на столе лежали две карты – синяя и красная. Эллери сделал глубокий вдох и попросил Агату перевернуть карты вверх лицом.

– Ой! Как ты это сделал?! – воскликнула изумленная Агата. Обе карты были одинаковой масти и достоинства.

– Четверки червей? – Эллери удовлетворенно рассмеялся. – Ничего фокус, скажи?

Солнце село, и на десятиугольном столе зажгли древнюю керосиновую лампу. Ее привез Ван, узнав о том, что электричества в доме нет. Еще он припас много толстых свечей и разложил их в каждой комнате.

Поужинали. Шел уже восьмой час.

– Эллери, ну почему ты не скажешь, в чем секрет того фокуса? – спросила Агата, тряхнув Эллери за плечо. Она только что принесла всем кофе.

– Все равно не скажу, сколько ни проси. Раскрывать секреты не положено. Это табу. В этом отличие от детективов. Потому что человек расстраивается, узнав, как прост бывает самый необъяснимый фокус.

– Агата, тебе Эллери фокусы показывал?

– Ты тоже о них знаешь, Леру?

– Еще бы мне не знать! Он целый месяц их на мне отрабатывал, как на подопытном кролике. Пока у него не стало получаться втайне от других. Иногда он ведет себя как малое дитя.

– Леру!..

– Что ты ей показал?

– Да так... пару простеньких.

– Простенькие, значит? – У Агаты закипало раздражение. – О'кей. Рассказывай, как ты это делал.

– Я же сказал, что не расскажу. Именно потому, что фокусы совсем простые. Особенно первый. Элементарный даже для ребенка. Дело не в секрете, а в том, как показать фокус, как дезориентировать зрителя.

– Вон оно что...

– Именно. Вот, например... – Эллери протянул руку к чашке с черным кофе и сделал глоток. – Есть такой фильм, «Магия» называется, с Энтони Хопкинсом, который играет иллюзиониста. Там есть сцена, когда Хопкинс показывает почти такой же фокус одной особе, по которой когда-то сходил с ума. Но в фильме этот фокус преподносится не как обыкновенная ловкость рук, а как экстрасенсорный эксперимент. Фокусник заговаривает этой даме зубы, убеждая ее в том, что одинаковые карты могут открыться лишь у тех, у кого сердца бьются в унисон, и в результате соблазняет ее.

– Ого! Ты, случаем, не собирался и меня так же соблазнить?

– Что ты! Я бы не посмел. – Эллери показно пожал плечами; на его ярких губах мелькнула недовольная улыбка. – К сожалению, у меня не хватает смелости, чтобы попытаться обольстить королеву.

– Очень тонкое замечание.

– Спасибо. Однако... – Эллери поднял чашку с кофе, пристально посмотрел на нее и продолжил: – ... сменим тему. Сэйдзи Накамура, о котором мы говорили днем... По-настоящему одержимый. Вот я смотрю на эту чашку, и у меня холодок по спине пробегает.

Фасонные, темно-зеленого цвета чашки они нашли на полке в кухне среди другой кухонной утвари. Сразу бросалась в глаза их форма. Такая же, как у дома, – равносторонний десятиугольник.

– Спецзаказ. Вот эта пепельница, тарелки – все одинаковое, десятиугольное. Что ты об этом думаешь, По?

– Ничего. – По положил недокуренную сигарету в десятиугольную пепельницу. – Конечно, все это не совсем нормально, но богачи иногда любят почудить, ты же знаешь.

– Чудачество, и больше ничего? – Эллери обхватил чашку обеими руками и заглянул в нее. Несмотря на десятиугольную форму, дно у нее оказалось почти круглое. – Из-за одного только Десятиугольного дома стоило приехать на этот остров. Мне даже хочется выпить за тех, кто здесь умер.

– Дом, конечно, классный, никто не спорит, – заявила Агата, – но на самом острове вообще ничего нет. Обыкновенные сосны, и всё. Так ведь, Эллери?

– Нет, не так, – ответил за него По. – Под скалами, к западу от сгоревшей виллы, находится вырубленная в камне площадка, довольно удобная. Там есть лестница; можно спуститься к самому морю, рыбу половить...

– А удочку ты привез? Было бы здорово завтра поесть свежей рыбки! – Леру облизнулся.

– На многое не рассчитывай, – проговорил По, медленно поглаживая бороду. – Кроме того, позади дома растет сакура, несколько деревьев. Почки уже набухли, так что через пару дней появятся цветки.

– Вот здорово! Будем смотреть на сакуру и радоваться.

– Замечательно!

– Сакура, сакура... Почему, как весна, все начинают носиться с сакурой? По-моему, персик и слива цветут куда красивее.

– Эллери! Ты всегда не как все.

– Неужели? А ты знаешь, Леру, что в старину в Японии августейшие особы и знать предпочитали сакуре сливу?

– Правда?

– Правда, Орци?

Та вздрогнула от неожиданности. Затем, покраснев, еле заметно кивнула.

– Расскажи поподробнее, Орци.

– Э-э... ладно. В «Манъёсю»^[6] из растений чаще всего упоминаются веерник и слива. О каждом из них больше ста стихотворений, а о сакуре – всего сорок.

Орци вместе с Леру училась на втором курсе литературного факультета. Специализировалась на английской литературе, но здорово разбиралась и в японской классике.

– Ого! А я не знала, – призналась Агата. Видно было, что слова Орци произвели на нее впечатление. Для третьекурсницы факультета фармацевтики литература была terra incognita.

– Еще расскажи, а?

– М-м... ладно, – без особого энтузиазма согласилась Орци. – «Манъёсю» создавалась в период, когда была мода на все китайское. Тренд главенства континентальной культуры. Китай повлиял и на авторов «Манъёсю». Стихи о сакуре вошли в моду с «Кокин вакасю»^[7], и то там главным образом об облетающем цветке.

– «Кокин вакасю» – это Хэйан?^[8] – решил уточнить Эллери.

– Правление императора Дайго. Начало десятого века...

– Почему так много стихов об облетающей сакуре? Такое время, что ли, было, пессимистическое?

– Как сказать... Время правления императора Дайго известно как «эпоха долгой радости». Но время, когда начинает облетать сакура, совпадает с началом сезона инфекционных заболеваний. Говорят, сакура вызывает болезни, поэтому при дворе императора устраивали праздник «усмирения цветов», во время которого молились, чтобы эпидемии обошли их стороной. Так что, наверное, с этим связано...

– Понятно.

– Эй, Ван! А ты чего такой тихий? – По посмотрел на Вана, сидевшего рядом с опущенной головой. – Плохо себя чувствуешь?

– Да, что-то голова болит.

– Вид у тебя нездоровый. И температура, по-моему...

Ван покрутил шейю, расслабляя плечи, и глубоко вздохнул:

– Пожалуй, я пойду прилягу.

– Давай, конечно.

– Угу. Всем пока... – Опираясь обеими руками о крышку стола, Ван тяжело поднялся. – Можете резвиться сколько хотите. На меня шум не

действует.

Пожелав всем доброй ночи, он удалился в свою комнату. Дверь за ним закрылась, и в полутемном холле на миг наступила тишина. Потом едва слышно металлически клацнул замок.

– Ну что это такое? – тихо бросил не проронивший до этого ни слова Карр, мелко подрагивая коленями; глаза его нервно округлились. – Взял и заперся! Прямо как девчонка какая-нибудь!

– Ночь сегодня светлая... – Сделав вид, что ничего не слышал, По посмотрел в десятиугольное окно в потолке.

– Да, два дня назад было полнолуние, – заметил Леру.

В ту же минуту открывшееся в окне пространство наискось прочертил скользнувший по небу луч света. Он шел от маяка, установленного на мысе J.

– Смотрите! Вокруг луны венчик. Завтра будет дождь.

– Ха-ха! Ты что, суеверная, Агата?

– Ты ничего не понимаешь, Эллери. Никакое это не суеверие. Так получается, когда в воздухе собирается пар.

– По прогнозу, всю неделю будет ясно.

– Во всяком случае, я говорю про научный факт. Это тебе не сказочка про лунного зайца^[9].

– Лунный заяц... – Эллери натужно улыбнулся.

– А вы знаете легенду про человека с кувшинами, который объявился на островах Мияко?

– Да, слышали. – Круглое лицо Леру расплылось в улыбке. – Это про то, как Бог послал своего вестника к людям с двумя кувшинами – с эликсиром бессмертия и эликсиром смерти? Вестник все перепутал: эликсир бессмертия дал змее, а эликсир смерти – человеку. В наказание Бог обрек его вечно таскать на себе эти кувшины. Про это?

– Похожая легенда есть у племени готтентотов, – сказал По. – Только у них в роли посланца не человек, а заяц. Он не смог передать слова Бога Луны, тот разгневался, запустил в зайца палкой и расщепил ему губу.

– То есть везде истории похожи?

Долговязый Эллери откинулся на затянутую голубой тканью спинку стула, сложив руки на груди.

– Легенды о лунном зайце рассказывают во многих странах – в Китае, в Центральной Азии, в Индии...

– Даже в Индии?

– Слово «луна» на санскрите звучит как *śāsīn*, у него тот же корень, что у слова *śāśa* – «заяц» или «пятно на луне».

– Вау!

По протянул руку к лежавшему на столе портсигару и снова поглядел на окно в потолке. В вырезанном десятиугольнике ночного неба плыла размытая желтая луна.

Цунодзима, Десятиугольный дом.

Слабый свет лампы отбрасывал тени собравшихся в холле молодых людей на окружавшие их со всех сторон белые стены.

Ночь неспешно вступала в свои права.

Глава 2

День первый

Большая земля

Тиори, которую вы убили, – моя дочь.

Такааки Каваминами, растянувшийся на разложенной посреди его тесной комнатухи постели, нахмурился.

Было одиннадцать утра. Он только что вернулся домой и нашел это письмо в почтовом ящике.

Такааки всю ночь играл в маджонг у своего приятеля. Как обычно, в затуманенной голове все еще звучал стук перемешиваемых игральных костей, но, увидев письмо, он очнулся окончательно.

– Что... что это такое?

Протирая глаза, Такааки взял в руки конверт и рассмотрел его.

Самый обыкновенный конверт из коричневой бумаги. Почтовый штемпель вчерашний – 25 марта. Отправлено из города О. Единственная особенность – все иероглифы на конверте набраны на цифровом процессоре.

Адреса отправителя не было. На оборотной стороне значилось только имя – Сэйдзи Накамура.

– Сэйдзи Накамура, – пробормотал Такааки. Это ему ни о чем не говорило. Хотя нет! Где-то он слышал эту фамилию...

Такааки сел на постели, скрестив ноги, и посмотрел на лежавший перед ним листок, извлеченный из конверта. Письмо тоже было набрано на процессоре и напечатано на хорошей бумаге.

«Тиори, которую вы убили, – моя дочь».

Имя Тиори он помнил. В письме, видимо, имелась в виду Тиори Накамура. А Сэйдзи Накамура, получается, ее отец?

Это случилось больше года назад. В январе прошлого года Клуб детективов при университете К**, членом которого был Такааки, устроил новогоднюю вечеринку. Тиори Накамура была тогда первокурсницей и моложе его на год. Сам он заканчивал третий курс и в апреле должен был

перейти на четвертый^[10]. Прошлой весной Такааки покинул Клуб детективов. Это было связано со смертью Тиори Накамуры. А случилось все после того, как вечеринка закончилась и часть ее участников решила продолжить веселье.

Все произошло в его отсутствие – Такааки ушел с вечеринки раньше по каким-то делам. Тиори страдала от хронического заболевания сердца. Причиной смерти стал сердечный приступ, спровоцированный алкогольным отравлением. Когда «Скорая помощь» привезла ее в больницу, было уже поздно.

Такааки вместе с другими ходил на похороны.

Тиори жила в городе О у деда по материнской линии. В его доме и проходила траурная церемония. Но главного распорядителя на похоронах звали не Сэйдзи. Такааки это точно помнил. У него было какое-то другое имя, старомодное. То есть распорядителем был не отец, а дед. А отца на похоронах вроде и не было. Во всяком случае, Такааки его не видел.

Тогда почему человек, назвавшийся отцом Тиори, прислал ему это письмо? Ведь они даже никогда не виделись.

В письме этот Сэйдзи утверждал, что Тиори убили. Его дочь скоропостижно скончалась из-за того, что перебрала на вечеринке, и, наверное, у него были основания считать, что она была убита. Такааки мог это понять. Но зачем он послал это письмо сейчас, когда прошло больше года? Захотел свести счеты?

Такааки резко выпрямился.

Сэйдзи Накамура. Ага!

Он потянул правильную нить в клубке своих воспоминаний.

Такааки резко вскочил с постели, подошел к металлическому стеллажу, прислоненному к стене, и вытащил несколько папок. В них были газетные вырезки, которые он собирал из интереса.

Точно! Где-то в сентябре прошлого года...

Покопавшись немного в папках, он нашел, что искал.

Пожар на Голубой вилле на Цунодзиме. Загадочное убийство четырех человек?

Такааки уселся на пол с открытой папкой в руках и постучал пальцем по набранному крупным шрифтом заголовку.

– Мне предъявляет обвинение покойник?!

– Извините, это дом господина Хигаси? Моя фамилия Каваминами, я из университета К**. Можно попросить Хадзимэ?

– Каваминами, говорите.

Подошедшая к телефону женщина, видимо, была матерью Хадзимэ.

– Хадзимэ уехал сегодня утром. Вместе с друзьями из клуба.

– Клуба детективов?

– Да. Сказал, что едет на необитаемый остров.

– Необитаемый остров? А как он называется?

– Э-э... Вроде Цунодзима. Недалеко от городка S.

– Цунодзима... – У Такааки перехватило дыхание, он крепче сжал в руке трубку. – Скажите, а письмо Хадзимэ не получал?

– Письмо?

– Да, от человека, которого зовут Сэйдзи Накамура.

– Я...

Женщина замялась, но, уловив в голосе Такааки тревогу, попросила подождать. С минуту в трубке играла органная музыка, потом снова послышался ее запинаящийся голос:

– Да, есть письмо. А что такое?

– Значит, есть?

– Ну да.

Такааки вдруг почувствовал, как его оставляют силы. Плечи опустились, он не знал, что делать.

– А-а... спасибо большое. Ничего страшного... Извините за беспокойство.

Такааки положил трубку и привалился к стене. Дом был старый – стоило посильнее опереться о стену, как она начинала скрипеть. Сквозь перекосившееся окно в комнату проникало судорожное гудение стиральной машины, которая, судя по звуку, находилась на последнем издыхании.

Хигаси тоже получили письмо от Сэйдзи Накамуры.

Такааки несколько раз моргнул красными, налитыми кровью глазами.

А может, это чья-то шутка...

Он взял список адресов членов Клуба детективов и попробовал дозвониться до кое-кого из ребят, которые были с Тиори в тот злосчастный вечер. Попытка результата не принесла. Большинство из них снимали комнаты с пансионом, и он так и не смог ничего добиться.

Они уехали. На Цунодзиму, туда, где все произошло. Или это просто

совпадение?

Подумав немного, Такааки снова взял список и стал искать телефонный номер покойной Тиори Накамуры.

От городка S, откуда отправились на Цунодзиму члены Клуба детективов университета K**, город O отделяли полчаса езды на автобусе и еще минут сорок на электричке. По прямой расстояние между ними – каких-то сорок километров. Такааки сошел с электрички на станции Камэгава, четвертой по счету от O, и быстро зашагал по дороге, ведущей в горы.

Перед этим он позвонил в дом деда Тиори Накамуры и представился университетским другом внучки хозяина. Трубку сняла женщина, судя по голосу, средних лет – скорее всего проживавшая там домработница.

Конечно, Такааки не решился задавать интересовавшие его вопросы, что называется, в лоб. Понадобились такт и терпение, чтобы удостовериться: отцом Тиори был тот самый Сэйдзи Накамура с острова Цунодзима. Плюс к тому, ему удалось получить адрес Кодзиро Накамуры, младшего брата Сэйдзи. Такааки узнал о его существовании из газетных заметок.

Кодзиро Накамура жил в городе Бэппу, район Каннава. Он был школьным учителем и вполне мог оказаться дома – ученики ушли на весенние каникулы.

Семья Такааки тоже была из Бэппу, хотя и уехала оттуда, и он думал, что сумеет сориентироваться. Любопытство и нетерпение его росли.

Он решил тут же навестить Кодзиро Накамуру, предварительно позвонить и предупредить о своем визите ему даже не пришло в голову.

Каннава славится горячими источниками и является одной из точек на туристическом маршруте «Ады Бэппу». Такааки видел столбы белого пара, поднимающиеся в безоблачное небо из водосточных канав, проложенных вдоль идущих в гору улочек и выстроившихся на них домов. Слева стеной уходил вверх черный склон горы Цурумидакэ.

Миновав небольшой торговый квартал, Такааки окунулся в тишину разбегавшихся в разные стороны улочек. Его окружали многочисленные гостиницы и пансионы, виллы, сдающиеся в аренду приезжающим в городок подлечиться на горячих источниках. Адрес по телефону ему назвали точный, поэтому он нашел нужный ему дом без особого труда.

Это было симпатичное одноэтажное строение. За низкой живой изгородью уже окрашивались в весенние цвета ярко-желтый раkitник, белоснежная спирея, розовая айва.

Такааки вошел в решетчатые раздвижные ворота и прошел к дому по выложенной камнем дорожке. Сделал глубокий вдох и нажал кнопку звонка. Через некоторое время из-за двери послышался мягкий баритон:

– Кто там?

С этими словами на пороге появился человек, внешность которого плохо вязалась с обликом традиционного японского дома. На нем был коричневый кардиган, надетый на белую рубашку с отложным воротником, темно-серые фланелевые брюки и очки в роговой оправе. В небрежно зачесанных назад волосах начинала пробиваться седина.

– Извините, вы Кодзиро Накамура?

– Да, а что такое?

– М-м... моя фамилия Каваминами. Мы с Тиори в университете состояли в одном клубе... Извините, я без предупреждения.

Лицо Кодзиро с резкими, будто вырубленными чертами смягчилось.

– Вы имеете с виду Клуб детективов университета К**?* И зачем я вам понадобился?

– Сегодня я получил странное письмо...

Такааки протянул конверт. Кодзиро взял его и, взглянув на ровные иероглифы, которыми было написано имя отправителя, удивленно поднял брови. Потом посмотрел на Такааки.

– Ладно, заходите. У меня сейчас сидит друг, но он не помешает, не беспокойтесь. Я живу один, так что, как говорится, прошу извинить за скромный прием.

* * *

Хозяин провел Такааки в глубь дома, в застланное татами помещение в форме лежащей буквы L. Оно состояло из двух комнат по шесть татами каждая^[11]. Раздвижные перегородки, разделявшие эти комнаты, были убраны, и получилась одна большая, на двенадцать татами.

Передняя половина помещения использовалась как жилая комната и гостиная. На полу лежал темно-зеленый ковер, на котором стояла мягкая мебель того же цвета. Вторая половина выходила на разбитый с правой стороны дома сад и, похоже, служила кабинетом. Здесь стояли несколько книжных шкафов под самый потолок и большой письменный стол.

Комнаты сверкали чистотой, трудно было поверить, что здесь живет мужчина.

– Симада! К нам гость.

Кодзиро обратился к своему другу, сидевшему в ротанговом кресле-качалке на веранде, обращенной в сад.

– Это Каваминами-кун^[12] из Клуба детективной литературы при университете К**. А это мой друг – Киёси Симада.

– Детективная литература? – почти воскликнул Симада и энергично вскочил с места. Кресло качнулось, больно ударило его по ноге, и он с негромким стоном повалился обратно.

Симада был худой, высокий и нескладный. Своим видом он напомнил Такааки богомола.

– Э-э... вообще-то я в прошлом году ушел из клуба.

– Да?

– Хм.

Симада с гримасой боли потер ногу и сказал:

– И зачем же ты пожаловал к старику Ко?

– Вот. – Кодзиро протянул Симаде письмо, которое принес Такааки. Увидев, кто отправитель, тот перестал тереть ногу и повернулся к Такааки:

– Можно прочесть?

– Пожалуйста.

– Я хочу сказать, Каваминами-кун, – проговорил Кодзиро, – что получил такое же письмо.

– Что?!

Кодзиро подошел к письменному столу, взял письмо, лежавшее на столешнице из бордовой кожи, и передал его Такааки. Тот посмотрел на конверт, перевернул. Такой же конверт, такой же штампель, шрифт. И имя отправителя – Сэйдзи Накамура.

– Можно достать?

Кодзиро молча кивнул.

Тиори убили

И всё. Хотя текст писем отличался, оба были набраны на одном и том же процессоре и напечатаны на одинаковой дорогой бумаге.

Такааки, не в силах оторвать взгляд от письма, будто лишился дара речи.

Таинственное письмо от мертвеца... Можно представить, что такие же письма получили все участники злополучной прошлогодней вечеринки, но

чтобы письмо послали еще и Кодзиро Накамуре...

– Что все это значит?

– Понятия не имею, – отвечал Кодзиро. – Я удивлен не меньше твоего. Наверное, это чья-то дурная шутка. Мы с Симадой перед твоим приходом как раз говорили о том, что есть люди, которым делать нечего. И тут появился ты...

– Письмо не только мне прислали. Всем членам клуба.

– Ого!

– Извините, а может быть так, что ваш брат жив?

– Это совершенно невозможно. – Кодзиро категорически покачал головой. – Брат погиб прошлой осенью. Я его опознал. Это было ужасно... Не хочу об этом вспоминать.

– Извините. Тогда получается, что эти письма – действительно всего лишь злая шутка?

– Как еще объяснишь? Брата не стало полгода назад. Это несомненный факт. Я не верю в призраки.

– А что вы думаете о содержании этих писем?

– Ну... – На лице Кодзиро мелькнула тревога. – Я знаю о той беде, но мне казалось, что с Тиори произошел несчастный случай. Она – моя племянница, я ее очень любил, у меня в самом деле есть такое чувство, что ее отняли у нас, убили, но ненависти к вам у меня нет. А вот того, кто рассылает эти письма от имени брата, кто так зло шутит, я простить не могу.

– Думаешь, это просто шутка? – поинтересовался Симада.

Уверенности у Такааки не было. Он уклончиво кивнул и бросил взгляд на своего друга, который сидел в своем кресле нога на ногу, упершись локтем в колено, и почему-то смотрел на него с очень довольным видом.

– А вы знаете, – сказал Такааки, возвращая письмо Кодзиро, – что группа из Клуба детективов сейчас находится на Цунодзиме?

– Нет, – безразлично ответил Кодзиро. – После смерти брата остров и все строения перешли по наследству мне, но месяц назад я продал их одному риелтору, который живет в S. Он здорово сбил цену, но я все равно решил для себя больше туда не ездить. А что будет дальше, меня не интересует.

Такааки попрощался с Кодзиро, после того как тот сказал, что у него

есть работа, которую надо закончить.

Перед тем как уйти, Такааки спросил о полных книг шкафах, привлечших его внимание. Кодзио ответил, что, кроме работы в местной школе, где преподает общественные науки, он еще занимается изучением буддизма.

– Предмет моей работы – пустота совершенной мудрости в буддизме ранней Махаяны, – смущенно пояснил он.

– Пустота совершенной мудрости? – Такааки вопросительно склонил голову набок.

– Слышал, наверное, о Сутре сердца? – спросил Симада, поднимаясь с кресла. – В ней сказано: «Форма – пустота, а пустота – форма». Вот наш уважаемый Ко-сан как раз и изучает, что такое «пустота».

Упругой походкой он подошел к Такааки и, возвращая ему письмо, которое внимательно рассматривал все это время, поинтересовался:

– Каваминами-кун, какими иероглифами пишется твоя фамилия?^[13]

– «Река», как в реке Янцзы, и «юг».

– Ага! «Кава» и «минами»... Замечательное имя. Ко-сан, я тоже откланяюсь, пожалуй. Не буду тебе мешать. Пойдем вместе, Каваминами-кун.

* * *

Они вышли из дома и зашагали вниз по пустынной улице. Симада сложил руки и, подняв их кверху, потянулся. В черном свитере его долговязая фигура казалась еще худее.

– Конан. Здорово звучит. – Симада заложил руки за голову. Он выбрал альтернативный вариант прочтения иероглифов из фамилии Такааки^[14]. – Почему ты бросил Клуб детективов? Атмосфера не подошла, так?

– Верно. Вы угадали.

– Я по твоему лицу понял. – Симада усмехнулся. – А интереса к детективам не потерял?

– Нет, я и сейчас их люблю.

– Я тоже. Мне они нравятся больше, чем буддистские тексты. Ну что, Конан-кун? Может, чайку где-нибудь попьем?

– Давайте, – сказал Такааки и рассмеялся.

Улица плавно спускалась вниз. Навстречу мягко задувал ветерок, наполненный весенними запахами.

– Ты интересный парень, Конан.

– Разве?

– Поехал бог знает куда из-за письма, которое запросто может оказаться чьим-то дурацким розыгрышем...

– Но это же совсем недалеко.

– Хм... Впрочем, я на твоём месте поступил бы так же. Тем более что свободного времени у меня хоть отбавляй. – Симада засунул руки в карманы черных джинсов и рассмеялся во весь рот. – А ты? Что ты думаешь? Это была неудачная шутка без всякого тайного умысла?

– Это Кодзиро-сан так считает, но меня это объяснение не удовлетворяет, – ответил Такааки. – Конечно, я не говорю, что письма написал призрак. Кто-то сделал это от имени умершего человека. Слишком много усилий ради простой шутки.

– То есть?

– Все письма напечатаны на процессоре. Использовать такую технику, чтобы пошутить. Это как-то...

– Может, для автора это в порядке вещей. Процессором в последнее время мало кого удивишь. У Ко-сан тоже есть. Купил в этом году и теперь жизни без него не представляет.

– Да, их все больше становится, с этим не поспоришь. Среди моих приятелей у многих уже есть. В университете в каждой аудитории стоит процессор, чтобы студенты могли пользоваться... И все же не думаю, что все на них теперь пишут письма.

– Ну, это да...

– Конечно, если письмо написано на такой машинке, догадаться, кто писал, невозможно. Но зачем скрывать почерк ради простой, пусть и злой, шутки? А текст... Вам не кажется, что письмо слишком сухое? Всего одна строчка. Если автор хотел напугать меня своим посланием, мог бы, наверное, что-то посерьезнее в него вложить. Угрозы или еще что-то... Письмо Кодзиро-сан такое же. Поэтому у меня ощущение, что за этим стоит более глубокий замысел.

– Хм. Замысел, говоришь?

Спустившись с холма, они вышли на широкую набережную. По морю, сверкавшему под лучами солнца, скользили лодки и суденышки самого разного размера.

– Заглянем туда, – указал Симада. – Неплохое местечко.

На той стороне дороги, тянувшейся вдоль набережной, стоял домик под красной крышей с флюгером. На вывеске было написано затейливыми буквами: MOTHER GOOSE^[15]. Увидев ее, Такааки улыбнулся.

Когда они сели друг против друга за столиком у окна, Такааки смог как следует разглядеть человека, с которым познакомился у Кодзио.

На вид ему было за тридцать, пожалуй, уже ближе к сорока. Из-за длинных мягких волос и без того впалые щеки, казалось, ввалились еще больше. Такааки сам был худощав и довольно высок ростом, однако до Симады ему оказалось далеко. Смуглое лицо венчали крупный крючковатый нос и запавшие глаза.

Первое впечатление, которое оставлял Симада, можно было охарактеризовать одним словом – странноватый. Он выглядел человеком угрюмым и тяжелым, при этом его внешность плохо сочеталась с манерой держаться. Такааки, как ни странно, это несоответствие даже нравилось. Было в нем что-то близкое, знакомое.

Шел уже пятый час. Такааки вспомнил, что с утра ничего не ел, и заказал пиццу-тост с кофе.

Из широкого окна открывался вид на синее море, вдававшееся в берег огромной плавной дугой, которую окаймляло шоссе номер 10. Залив Бэппу. Выбранное Симадой заведение оказалось маленьким и уютным. Именно такое ожидаешь встретить на окраине города, где много студентов. Его владелец, похоже, был неравнодушен к «Матушке Гусыне». Судя по всему, это произведение вдохновило его на то, чтобы украсить кафе соответствующими названию литографиями и куколками.

– Ну что, Конан-кун, продолжим наш разговор? – предложил Симада, не спеша наливая в чашку «Эрл грей» из чайника, который ему принес официант.

– О письмах?

– Конечно. О чем же еще?

– Собственно, я уже сказал все, что об этом думаю. Можно я закурю?

– Давай, не стесняйся.

– Спасибо.

Такааки закурил и зажмурился – дым попал в глаза.

– Как я уже говорил, вряд ли это просто шутка. Но если вы спросите: «А что тогда?», ответа у меня нет. Сказать по правде, мне в голову не приходит, зачем кому-то понадобилось рассылать такие письма. Но...

– Но... что?

– Есть кое-какие соображения.

– Ну, давай же, не томи.

– Хорошо. Если взять письмо, которое получил я, и представить, какой смысл хотел вложить в него отправитель, можно выделить три момента. Первое – письмо обвиняет: «Тиори была убита». Это сказано прямо. Второе вытекает из первого: я вас ненавижу, я вам отомщу. То есть прямая угроза. Имя Сэйдзи Накамуры использовали для оглашения обвинения и угроз, потому что он больше всего подходил для этого.

– Понятно. А что же третье?

– Третье – надо попробовать посмотреть на письмо с другого угла, чтобы увидеть в нем скрытый смысл.

– Скрытый смысл?

– Ну да. Почему отправитель решил воспользоваться именем покойного, Сэйдзи Накамуры? Даже если он хотел нагнать страху, никто в наше время не воспримет такое письмо всерьез. Можете представить себе призрака за текстовым процессором? Не намекает ли автор своим посланием: обратите еще раз внимание на то, что произошло в прошлом году на Цунодзиме? Хотя, может, я слишком глубоко копаю...

– Нет, почему же? Мысль интересная.

В узких глазах Симады мелькнула усмешка, он протянул руку к чашке с чаем.

– В самом деле очень интересно. Взглянуть по-другому на происшествие на Цунодзиме? Мне кажется, для этого есть достаточно оснований. Что ты о нем знаешь, Конан-кун?

– Только то, что писали в газетах. Больше ничего.

– Тогда давай расскажу, что знаю я.

– Да, пожалуйста.

– В общих чертах тебе должно быть известно, что там случилось. Время: сентябрь прошлого года. Место: так называемая Голубая вилла на Цунодзиме. Четверо погибших: Сэйдзи Накамура, его жена Кадзуэ и двое слуг. Садовник бесследно исчез. Пожаром, начавшимся после убийства, вилла уничтожена полностью. Преступник до сих пор не найден.

– Полиция подозревала, что пропавший садовник и есть убийца, не так ли?

– Верно. Вот только убедительных доказательств не имеется. Думаю, его взяли под подозрение лишь потому, что он пропал. А теперь кое-какие детали...

Симада понизил голос.

– Прежде всего следует рассказать немного о хозяине Голубой виллы. Сэйдзи было сорок шесть лет, он на три года старше Ко-сана. Хоть к тому

времени он уже и отошел от дел, но среди людей знающих по-прежнему считался выдающимся архитектором, можно сказать, с задатками гения.

Старший сын в состоятельной семье, родился в городе Уса, префектура Оита. Окончив школу, самостоятельно перебрался в Токио, чтобы поступить в университет. Во время учебы на факультете архитектуры в университете Т** победил в общенациональном конкурсе и привлек к себе всеобщее внимание. По окончании университета курировавший молодое дарование профессор настоятельно рекомендовал ему остаться в аспирантуре, но в это время скоростижно умер отец Сэйдзи, и пришлось возвращаться домой.

Отец оставил семье огромное состояние. Разделив с младшим братом наследство, Сэйдзи построил по собственному проекту виллу на Цунодзиме и половину времени стал проводить там.

Кадзуэ Накамура, в девичестве Ханабуса, знала Сэйдзи с детства, которое они вместе провели в Уса. Говорят, родители давно договорились поженить их и устроили помолвку. Свадьба состоялась примерно в то же время, когда Сэйдзи перебрался на Цунодзиму.

– И он перестал заниматься архитектурой?

– Совсем он это дело не забросил и, как говорит Ко-сан, по-прежнему что-то делал для удовольствия. Занимался только тем, что было ему интересно, что нравилось. Исключительно необычными проектами. Клиенты с нестандартным вкусом чрезвычайно ценили его, многие приезжали к нему на остров издалека. Однако последние десять лет Сэйдзи почти не принимал заказов и крайне редко покидал свой остров.

– Оригинал, ничего не скажешь.

– Ко-сан тоже человек со странностями. Кто станет изучать буддизм просто для удовольствия? Но даже он говорит, что брат его был большим чудаком. Похоже, они не очень ладили.

Поехали дальше. В вилле на Цунодзиме жили еще слуги – муж и жена Китамура. Муж следил за домом, водил катер – средство сообщения с большой землей; жена выполняла всю работу по дому. На острове работал еще один человек – тот самый пропавший садовник. Его звали Сэйити Ёсикава, обычно он жил в Адзиму. Раз в месяц приплывал на остров и находился там несколько дней; в последний раз приехал за три дня до пожара.

Это что касается действующих лиц. Теперь – как все произошло. Всего было обнаружено четыре трупа. Они обгорели дочерна, и экспертам пришлось потрудиться. И вот к каким выводам пришла экспертиза.

Супругов Китамура убили в спальне, разбив им головы. Орудием

убийства, скорее всего, послужил топор, найденный в их комнате. Еще на обоих телах обнаружили следы от веревок. Предполагаемое время смерти – после полудня девятнадцатого сентября, за день до пожара.

Кадзуэ Накамуру задушили в спальне, на ее кровати, веревкой или шнурком. У трупа отсутствовала левая кисть, она была отделена от тела уже после смерти. Ее до сих пор не нашли. Предполагаемое время смерти – семнадцатое или восемнадцатое сентября.

Сэйдзи Накамуру облили керосином и сожгли в той же комнате. В останках обнаружили большую дозу снотворного, как, впрочем, и в телах других жертв. Предполагаемое время смерти – раннее утро двадцатого сентября, когда произошел пожар. Считается, что возгорание произошло на кухне. Преступник разлил керосин по всему дому и поджег.

Как ты знаешь, полиция записала в преступники Сэйити Ёсикаву, пропавшего садовника, и на этом успокоилась. Однако несколько моментов осталось невыясненными. Например, куда делась левая кисть Кадзуэ? Зачем Ёсикаве понадобилось отрубить ее и уносить с собой? Вопрос второй: каким образом ему удалось скрыться? Единственный катер, на котором он мог уплыть с острова, остался в бухте. Трудно представить, чтобы человек после убийства четырех человек в конце сентября мог добраться до большой земли вплавь.

Конечно, полиция рассматривала и версию «пришлого» убийцы, но чем глубже ее прорабатывали, тем больше не сходились концы с концами. Исходя из тождества «Ёсикава = преступник», версия картины преступления, предложенная полицией, выглядит примерно... Давай-ка поешь. Не стесняйся, Конан-кун.

– Что? А-а...

Пока Симада говорил, Такааки принесли тост и кофе. Но он к ним не прикоснулся – и не потому, что стеснялся есть, когда человек говорит. Рассказ Симады настолько увлек его, что он позабыл о еде.

– Теперь мотивы. На этот счет имеются две версии. Первая – преступник хотел завладеть состоянием Сэйдзи, то есть ограбление. Вторая – Ёсикава питал чувства к Кадзуэ, или между ними был тайный роман. Или комбинация двух версий.

Ёсикава сначала вырубил снотворным всех обитателей виллы и, когда они уснули, приступил к делу. Связал слуг, связал Сэйдзи и запер их в одной из комнат. Потом перетащил Кадзуэ в спальню и изнасиловал. Ее он убил первой, вот почему экспертиза показала, что она умерла на день или два раньше остальных. Есть основания думать, что преступник еще и надругался над трупом, хотя стопроцентных доказательств вроде бы нет.

Затем настал черед супругов Китамура. Видимо, они всё еще спали под воздействием снотворного. Сэйдзи был последним. Сонного, преступник облил его керосином, пошел на кухню и поджег дом.

– Симада-сан! – Рука Такааки, державшая чашку с уже остывшим кофе, повисла в воздухе. – Но почему преступник так долго держал Сэйдзи живым? И слуг тоже? Он все равно собирался их убить. Почему сразу этого не сделал? Так было бы спокойней.

– Возможно, сначала он не хотел их убивать, а запаниковал, когда убил Кадзуэ. Тот факт, что он до последнего не убивал Сэйдзи, поддерживает версию ограбления.

– Почему?

– Потому что Сэйдзи Накамура был архитектором.

– Архитектором? Ну и что?

– Я же говорил, что Сэйдзи был со странностями. Во всех спроектированных им зданиях, будь то Голубая вилла или Десятиугольный дом, чувствовались какая-то маниакальность, ребячество, легкомыслие. Эти проекты отражают его специфические вкусы. Одной из его «фишек» была страсть к разным секретам и хитроумным приспособлениям.

– Приспособлениям?

– Именно. Не знаю, сколько их он понаделал, но по крайней мере в сгоревшей вилле этого добра было много – потайные комнаты, шкафы, сейфы и так далее. И об их расположении знал один только Сэйдзи, и больше никто.

– Вот оно что! Значит, если преступник искал деньги, ему надо было выбить эту информацию из Сэйдзи.

– Совершенно верно. Вот почему он его сразу не убил.

Симада сделал паузу и оперся локтем о крышку стола.

– Вот что известно об этом деле и проведенном расследовании. Полиция продолжает разыскивать пропавшего садовника, хотя маловероятно, что его найдут. Ну как, Конан-кун? Есть вопросы?

– Да-а, интересно...

Такааки допил свой кофе и задумался.

Судя по тому, что рассказал Симада, линия расследования, которой придерживается полиция, выглядит наиболее логичной. Однако это всего лишь предположения, основанные на том, что осталось на месте преступления, или, говоря по-простому, попытка найти логику в запутанной ситуации.

Главная проблема в том, что Голубая вилла сгорела дотла. Поэтому информации на месте происшествия с самого начала было собрано очень

мало. Кроме того, в пожаре не выжил ни один человек. Следовательно, никто не мог рассказать, что происходило на острове во время трагических событий и что к ним привело...

– Что ты такой серьезный, Конан-кун? – сказал Симада, облизывая губы. – Можно теперь я спрошу у тебя? Хотя это не имеет прямого отношения к тому, что произошло на Цунодзиме.

– Я вас слушаю.

– Я хочу спросить об этой девушке, Тиори. Я знал, что у Ко-сан есть племянница и что из-за школы она живет с родителями Кадзуэ. Я также слышал, что в прошлом году она погибла в результате несчастного случая, но я не в курсе подробностей. Какая она была, Тиори Накамура?

Лицо Такааки застыло:

– Тихая. Старалась никому не мозолить глаза, все время с какой-то печалью на лице... Я с ней практически не общался, не говорил даже. Но она была хорошая, добрая. Если компания или вечеринка какая-нибудь, она всегда уборку на себя брала.

– А как она умерла?

– В январе прошлого года Клуб детективов устроил новогодний вечер. Причиной смерти стало острое алкогольное отравление. – Такааки говорил, не отводя от окна рассеянного взгляда. – Обычно она уходила домой, как только кончалась вечеринка, но в тот день мы уговорили ее остаться и потусоваться еще. Поступили ужасно, конечно. Потому что она была слабенькая, а у всех будто вожжа под хвост попала, вроде как напоили ее...

– Напоили?

– Ну да. Я в тот вечер тоже пошел вместе со всеми на второй круг, но скоро ушел – дела какие-то были. Мы вместе с приятелем ушли. Морису его фамилия. Все произошло после нашего ухода. Но... – Такааки приложил руку к карману куртки, где лежало письмо. – Это был не несчастный случай. Может, мы и в самом деле ее убили.

Думая о Тиори, он чувствовал, что тоже в ответе за ее смерть. Не уйди тогда раньше, мог бы помешать остальным подливать Тиори в стакан.

– Ты вечером как, не занят, Конан-кун? – весело спросил Симада, будто уловивший, что творится в душе Такааки. – Поужинаем вместе, выпьем где-нибудь...

– Но...

– Приглашаю. А взамен хочу с тобой поговорить о детективах. Нет у меня приятелей, чтобы просто так потолковать. Печально, но факт. Ну что, согласен?

– Э-э... я с радостью.

– Заметано. Тогда едем в О.
– Только, Симада-сан...
– М-м?
– Я у вас еще не спрашивал. Как вы познакомились с Кодзиро-сан?
– Очень просто. Мы вместе учились. Он немного постарше.
– В университете? Значит, вы тоже изучали буддизм?
– Да, было дело. – Симада смущенно потер кончик носа. – Вообще-то мы – наша семья – настоятели буддийского храма недалеко от О.
– Ого! Выходит, вы буддийский монах?
– В нашей семье три брата. Я – самый младший, и вот в таком возрасте все еще болтаюсь без дела. Так что в моем положении нелепо цепляться к другим людям, называть кого-то странным. Отцу уже за шестьдесят, но он еще полон сил и энергии. Поэтому единственный шанс прочитать сутру по умершему мне предоставляется, только если в детективе, который я читаю, кого-то убивают, – сказал Симада и с серьезным видом сложил по-буддистски ладони вместе.

Тиори, которую вы убили, – моя дочь.

Кёити Морису снова взял в руки письмо с низкого стеклянного столика и в очередной раз вздохнул. Он сидел на полу, привалившись к кровати и вытянув уставшие ноги на толстом сером ковре.

Вы... убили... Тиори...

Он медленно пробежал глазами по строчке ровных иероглифов, набранных на процессоре. Мысли, крутившиеся в его голове, не поддавались описанию.

Январь прошлого года. После новогодней вечеринки Клуба детективов ребятам захотелось продолжения. Морису вместе со своим однокурсником Такааки Каваминами задержались еще немного и ушли. Потом-то все и случилось...

На оборотной стороне конверта значилось имя отправителя – Сэйдзи Накамура. Человека, которого убили на Цунодзиме полгода назад. Которого Морису ни разу в жизни не видел.

Морису жил на пятом этаже «Тацуми хайтс» – жилого дома, где снимали однокомнатные квартирки в основном холостяки. Прямо против железнодорожного вокзала города О, неподалеку от порта.

Положив письмо обратно на столик, Морису, покачивая головой, потянулся к пачке «Севен старз». В последнее время курение уже не доставляло ему удовольствия, как раньше, хотя тяга к никотину по-прежнему не оставляла.

Что они сейчас могут делать на Цунодзиме?

Эта мысль мелькнула в голове, пока Морису оглядывал свою крошечную комнату. У стены стоял мольберт с начатой картиной маслом, на которой несколько каменных будд в окружении погружающихся в сумерки деревьев всматривались в вечность. Он случайно наткнулся на эти изваяния на полуострове Кунисаки, в горах, куда люди почти не заглядывают. И только начал наносить первые мазки красками на нарисованный углем эскиз...

От сигаретного дыма запершило в горле. Морису закашлялся и бросил только начатую сигарету в пепельницу, наполненную водой.

Он не мог избавиться от плохого предчувствия. Будто должно случиться что-то неожиданное...

В этот момент зазвонил телефон.

Морису посмотрел на часы. Почти полночь.

В такое время может звонить только...

Подождав несколько секунд, он снял трубку.

– Кёйти, ты?

Знакомый голос. Как он и подумал, это был Такааки Каваминами. Морису вздохнул с облегчением:

– Привет, Дойл!

– Я же тебя просил: не называй меня так. Днем пробовал до тебя дозвониться.

– Я гонял на мотике на Кунисаки.

– Кунисаки?

– Угу. Рисовал там.

– Понятно. Слушай, ты письмо недавно не получал? Странное такое.

– От Сэйдзи Накамуры? Я тебе полчаса назад звонил, чтобы задать тот же вопрос.

– Значит, получил... И я тоже.

– Ух ты! Ты где сейчас? Может, приедешь?

– Для того я тебе и звонил. Я тут недалеко. Надо поговорить об этих письмах. Нужны твои мозги.

– Считаешь, они у меня есть?

– Как там говорят: ум хорошо, а два лучше? А три еще лучше. Я к тому, что приеду не один.

– Да, приезжайте. Жду.

* * *

– Я подумал, что это чья-то идиотская шутка, хотя, в чем смысл, совершенно непонятно, – проговорил Морису, сравнивая два письма, лежавшие перед ним на столе. – Здесь написано «вы», так что, наверное, не один я это получил.

– Твое письмо, похоже, копия. А у меня вроде оригинал, нет?
Такааки взял свое письмо.

– Точно такое же письмо получили в доме Хигаси. Я им звонил. Еще одно письмо – там написано немножко по-другому, но смысл тот же – за подписью Сэйдзи Накамуры прислали Кодзиро Накамуре.

– Кодзиро Накамура? – Морису сдвинул брови. – Это кто? Брат Сэйдзи?

– Точно. В его письме написано: «Тиори убили». Сегодня я ездил к нему в Бэппу и встретил там Симаду-сан.

Морису слегка поклонился человеку, с которым он только что познакомился. Гости до прихода к Морису выпивали, и смуглое вытянутое лицо Симады налилось краской. Такааки тоже, похоже, принял изрядно – дышал неровно, глаза покраснели, да и по запаху было понятно.

– Давайте с самого начала, – предложил Морису.

Такааки начал первым и быстро рассказал о том, что произошло за день. Выслушав приятеля, Морису изумленно посмотрел на него.

– Так ты что же, со вчерашнего дня совсем не спал?

– Ну, можно и так сказать... Но ведь история действительно непонятна. Кому и зачем понадобилось рассылать эти письма? Что думаешь?

Морису приложил руку к виску и закрыл глаза.

– Получается обвинение, угроза и желание привлечь внимание к тому, что произошло на Цунодзиме. И всё в одном флаконе? Хм-м... Здесь что-то определенно есть. Особенно призыв разобраться с Цунодзимой. Конечно, эту мысль нам навязывают, но все равно интересно. Мне кажется, в этом деле не до конца все ясно. Извините, Симада-сан...

Симада привалился спиной к стене и незаметно задремал. Услышав голос Морису, он поднялся и провел рукой по лицу, как кошка лапой.

– Симада-сан, хочу вас спросить...

– А-а, давай. Чего?

– Где был Кодзиро Накамура, когда все это случилось на Цунодзиме?

– Ты алиби имеешь в виду? – Симада улыбнулся, глаза у него были сонные. – Берешь быка за рога? Понятно. Кто больше всего выиграл от смерти Сэйдзи и Кадзуэ? Правильно – Ко-сан.

– Верно. Может, вам неприятно это слышать, но в первую очередь, наверное, подозрения падают на господина Кодзиро. Разве не так?

– Мой дорогой, в полиции тоже не дураки сидят. Конечно же, они проверили его алиби. Но к сожалению для них, оно у него оказалось стопроцентным. Не было его на острове.

– А где он был?

– С вечера девятнадцатого сентября до следующего утра Ко-сан проводил время со мной. Позвонил, что нечасто случается, и предложил выпить. Мы до глубокой ночи гуляли в Бэппу, а потом поехали к нему домой. Утром, когда ему сообщили о происшествии, мы сидели вдвоем.

– Да, действительно, алиби стопроцентное.

Симада кивнул.

– А ты-то что обо всем этом думаешь, Морису-кун?

– Сейчас ничего нового в голову не приходит, но, прочитав тогда об этом случае в газете, я вот что подумал...

– И что же?

– Это трудно объяснить. Наверное, просто интуиция.

Сделав такую оговорку, Морису продолжил:

– Я считаю, самое главное в этом деле – исчезнувшая рука Кадзуэ. Мне кажется, все прояснится, как только ее найдут.

– Хм-м... Рука, говоришь?

Морису и Симада посмотрели каждый на свои ладони и замолчали.

– Кстати, Кёити, ты знаешь, что целая компания из нашего клуба поехала на Цунодзиму? – спросил Такааки.

– Знаю. – Морису сухо улыбнулся. – Меня тоже звали, но я отказался. По-моему, это дурной вкус – лазить по таким местам.

– А когда они возвращаются?

– Говорили, через неделю. С сегодняшнего дня.

– Целую неделю? В палатках?

– Как же! Устроились получше. В том самом Десятиугольном доме.

– Кодзиро-сан сказал, что избавился от своего «поместья». Но что-то здесь есть подозрительное, непонятное: экспедиция отправляется на остров мертвых, и в это время приходят письма от мертвеца...

– Может, это просто такое странное совпадение.

– Совпадение?

– А может, и нет. – Морису снова закрыл глаза. – Если мы хотим разобраться, что к чему, нужно в первую очередь узнать, получили ли письма остальные участники той вечеринки. А то мы пока только про Хигаси знаем.

– Ты прав.

– Займешься этим?

– Займусь. Сейчас все равно каникулы, делать особо нечего... Неплохо будет попробовать себя в роли детектива.

– Молодец! Ты себе не изменяешь. Может, тогда еще что-нибудь по этому делу попытаешься разведать?

– Что конкретно?

– Ну, например, можно съездить к родным Ёсикавы, пропавшего садовника.

– Наверное, но...

– Слушай, Конан-кун! – заговорил Симада. – А ведь это интересная идея. Я говорил тебе, что Сэйити Ёсикава жил в Адзиму. Его жена, должно быть, еще там, а ведь она раньше работала у Накамуры на Цунодзиме... Единственный живой человек, знающий, как у них там было. Можно попробовать ее навестить.

– А ее адрес вы знаете?

– Узнать много времени не понадобится. – Симада весело рассмеялся, проводя рукой по впалым щекам. – Давай так, Конан-кун. Завтра с утра ты узнаешь насчет писем, а после обеда мы на моей машине едем в Адзиму. Согласен?

– Согласен. Морису, хочешь с нами?

– Я бы поехал, но поработать надо. Картину закончить. – Морису показал глазами на мольберт.

– Это будды с Кунисаки? Ты про них говорил? На конкурс хочешь их выставить?

– Не собираюсь. Просто хочу написать этот пейзаж до того, как расцветет сакура. Поэтому каждый день туда гоняю.

– Ого!

– Я никогда не был таким живчиком, как ты. Даже с незнакомыми людьми стесняюсь разговаривать... Позвони завтра вечером. Пусть поздно, когда сможешь. Мне интересно, что вы узнаете. – Морису устало привалился к кровати и закурил, хотя знал, что не получит от сигареты удовольствия. – Побуду кабинетным детективом, если не возражаете.

Глава 3

День второй

Остров

1

Она проснулась, толком не поспав.

Во сколько все разошлись? Часа в два, наверное. Она тут же легла в постель, но сразу уснуть не получилось. Она долго смотрела в полную мраком пустоту и никак не могла успокоиться. Из событий прошедшего дня в память врезались только неприятные моменты, которые никак не оставляли ее.

Эллери, Ван, По, Агата, Леру, Карр... Нельзя сказать, чтобы они ей не нравились. Скорее наоборот, она относилась ко всем, даже к Карру, вполне доброжелательно. Единственный человек в их компании, который ей не нравился, – она сама.

Обычно, когда происходила какая-то неприятность, она находила спасение, вернувшись в пансион, где жила, в свою комнату. Там был ее мирок, в котором она могла скрыться. Там она могла предаваться своим мыслям, воображать все, что ей заблагорассудится. В этом мирке жили ее лучшие друзья и подруги, идеал мужчины, которого она могла бы полюбить, и даже люди, любящие и ценящие ее просто так, без всяких оговорок. И сама она наполнялась очарованием, становилась такой, какой мечтала быть.

Однако...

Она в первый раз в жизни на этом острове, в этом доме, в этой комнате... И хотя здесь полностью предоставлена сама себе, на сердце все равно как-то неспокойно.

Она уже жалела, что оказалась здесь, потому что знала, что так случится. Наверное, ей не надо было сюда приезжать.

Но для нее эта поездка имела особый смысл.

Цунодзима, Десятиугольный дом... Заметили ли это остальные?

Она знала. Знала, что этот остров был домом для девчонки, которую в январе прошлого года они по своей безответственности и глупости

погубили.

Тиори Накамура была ее единственной подругой, перед которой она могла раскрыть душу. Они учились на одном факультете, на одном курсе, были одногодки... В тот день, когда они впервые встретились в учебной аудитории, она поняла, что они с Тиори станут близкими подругами, и это ощущение никогда ее не оставляло. Тиори наверняка чувствовала то же самое. Они сразу наладили взаимопонимание, часто ходили друг к другу в гости...

– Мой отец странный, поселился далеко, на острове Цунодзима, – как-то сказала ей Тиори. И добавила, что не хочет, чтобы об этом знали другие.

Тиори умерла. А теперь они приехали на остров, где она родилась и где умерли ее родители.

«Это не осквернение памяти, это поминовение умерших», – говорила она себе.

Она не собиралась никому ничего рассказывать. Думала: «Пусть об этом знаю только я. Пусть только я буду оплакивать смерть Тиори, пусть хоть немного успокою ее душу».

Но есть ли у нее на это право? Не много ли она на себя берет? Не оскорбляет ли ее появление на острове память умерших здесь людей?

Мучаясь этими вопросами, она незаметно погрузилась в зыбкий сон. Казалось, один сон приходит на смену другому, и реальность в них мешается с фантазиями. В этих видениях картины увиденного в минувший день на острове сменяли друг друга, словно кинокадры кинохроники.

Поэтому она никак не могла до конца проснуться.

Просочившийся в щель между шторами слабый лучик света дал возможность осмотреться, но не позволил сразу определить, продолжается ли еще ее сон или она уже проснулась.

На полу комнаты лежал голубой ковер. Кровать стояла слева от окна. Справа у стены – стол, комод и зеркало в полный рост.

Орци медленно встала с постели и открыла окно.

Воздух слегка холодил кожу.

По небу плыли легкие белые облака. С моря доносился тихий шелест волн.

Орци взглянула на свои часики, которые положила у изголовья. Восемь.

Наконец она реально почувствовала, что наступило утро.

Закрывает окно, оделась. Черная юбка, белая блузка, поверх нее ярко-красный свитер крупными ромбами. Взглянула на себя в зеркало мельком, как обычно. Ей вообще не нравилось смотреть на свое изображение.

Орци взяла сумочку с туалетными принадлежностями и вышла из комнаты.

Похоже, больше никто еще не проснулся. В десятиугольном холле стояла тишина, словно оживление не царило здесь до самой поздней ночи.

И тут...

Орци заметила, что на стоявшем посреди холла столе, с которого накануне, перед тем как разойтись, они все убрали, что-то лежит. Луч света, падавшего через окно в потолок, отразился от белой поверхности и на миг ослепил ее.

Озадаченная, она медленно направилась к столу. Поняв, что на нем лежит, чуть не задохнулась и застыла на месте.

Что это?

Орци протянула руку к столу и тут же отдернула ее.

Немного оправившись от шока, она, забыв об умывании, бросилась к комнате, отведенной Агате.

Первая жертва
Вторая жертва
Третья жертва
Четвертая жертва
Последняя жертва
Детектив
Убийца

Семь молочно-белых пластмассовых табличек пятнадцать сантиметров длиной и пять сантиметров шириной. На каждой – красные иероглифы.

– Что за дурацкая шутка?!

Эллери заморгал от удивления, а проморгавшись, криво усмехнулся.

Полностью одетыми были только две девушки. Пятеро парней просто накинули на пижамы то, что под руку подвернулось. Их только что разбудил громкий голос Агаты.

– Шутка что надо. Интересно, кто это все придумал? – обратился к товарищам Эллери.

– Уж не ты ли сам?

– Нет, не я, Леру. Может, Карр или Агата?

– Я-то тут при чем?
– И не я. – Лицо Агаты напряглось. – Ты, Ван?
– Еще чего! – Тот покачал головой, потирая пальцами опухшие веки.
– Кто это обнаружил? Ты, Агата?
– Нет, Орци первая увидела. Уж конечно, это не она.
– Я ничего не знаю. – Орци опустила глаза. Создавалось впечатление, что она того и гляди бросится бежать.

Все взгляды обратились на По. Его бородатое лицо скривилось:

– Понятия не имею.

– Ну а кто же тогда?

Эллери пожал плечами:

– Шутка хороша, ничего не скажешь, но пошутили – и довольно.

Никто не отреагировал на его слова. В гнетущей тишине все смотрели друг на друга.

– Эллери, – наконец проговорил По. – Мне кажется, на такой номер способны только ты или Агата.

– Это не я. Могу еще повторить.

– И не я. Сколько можно говорить?

В холле опять воцарилось молчание, которое давило на всех. Глядя друг на друга, члены Клуба детективов ждали, что кто-нибудь не выдержит, рассмеется и признается: «Да я это, я!»

Тяжелая пауза продолжалась долго. Издалека доносился шум волн, накатывавших на берег.

– Клянусь, я этого не делал, – нарушил молчание Эллери. Лицо его было серьезно.

– Может, все-таки кто-то сознается? Спрашиваю еще раз. Ван?

– Я ничего не знаю.

– Агата?

– Повторяю еще раз: не я.

– Карр?

– Еще чего!

– По?

– Нет.

– Леру?

– Шутить изволите?

– А ты, Орци?

Та с испуганным видом отрицательно тряхнула головой.

Опять какое-то время до их ушей долетал лишь шум морских волн, соединяясь с волнами тревоги, нараставшей у семерых членов клуба.

– Ладно, – сказал Эллери, убирая челку со лба. – Злоумышленник – наверное, можно так его называть – кто-то из нас. Раз никто не признался – значит, в нашей компании скрывается один человек или несколько, который задумал какое-то злое дело.

– Какое дело? – спросила Агата.

– Откуда мне знать? – резко бросил Эллери. – Кто-то замышляет что-то нехорошее.

– Не наводи тень на плетень! – Карр иронично скривил губы. – Трудно, что ли, прямо сказать? Кто-то собрался нас укокошить и решил предупредить.

– Не беги впереди паровоза! – гаркнул Эллери так, что все удивились, и зло посмотрел на Карра. – Спрашиваю в последний раз. Может, кто-то все-таки хочет признаться?

Все опять переглянулись и покачали головой.

– Ну что же, – проговорил Эллери, собрал стоявшие на столе таблички и уселся на стул. – Давайте все присядем, – продолжил он, глядя с обычной улыбкой, как его товарищи неторопливо занимают свои места. – Извини, Агата, не приготовишь нам кофе?

– Приготовлю. – Та удалилась на кухню.

Не говоря ни слова, Эллери оценивающе посмотрел на сидевших за столом пятерых членов клуба и таблички, которые держал в руках. Никто из присутствовавших понятия не имел, что сказать.

Скоро появилась Агата с подносом, на котором стояли десятиугольные чашки с дымящимся кофе. Эллери взял одну и сделал глоток.

– Итак... – Он сунул обе руки в карманы темно-зеленого кардигана, надетого поверх пижамы. – На острове, кроме нас семерых, никого нет. Следовательно, тот, кто поставил здесь эти таблички, – один из нас. Должен быть одним из нас. Но все говорят, что ничего не знают о табличках. Это означает, что кто-то из нашей компании с неким намерением расставил на столе таблички и нарочно скрывает, что это дело его рук.

Таблички, как вы видите, пластмассовые. Надписи на них – под типографский шрифт. Иероглифы, похоже, нанесены красной краской из пульверизатора, но этого вряд ли достаточно, чтобы установить злоумышленника.

– Подожди, Эллери, – прервал его Леру. – Ведь так написать сможет не каждый, верно?

– Выходит, главная подозреваемая – Орци?

– Погоди, Эллери! Я вовсе не...

– Потому что среди нас именно Орци здорово умеет рисовать и писать.

Что скажешь, Орци?

– Нет, это не я.

– Извини, конечно, но для оправдания этого мало.

Орци приложила ладони к пунцовым щекам и подняла глаза кверху.

– Да сейчас сколько угодно книжек с иероглифическими трафаретами.

Каждый может купить и покрасить из баллончика...

– Твоя правда. Чуть-чуть художественного вкуса – и готово. И я бы смог, и По, и Ван.

Эллери улыбнулся и залпом допил еще не остывший кофе.

– А о табличках что скажете?

Леру протянул руку и взял одну табличку.

– Края что-то не очень гладкие.

– Их не готовыми покупали. Просто кто-то взял кусок пластика и нарезал таблички лобзиком или еще чем-то.

– Может, это подставки под что-то...

– Загляни в супермаркет, Леру, в отдел «Сделай сам». Там есть таблички любого цвета и размера.

Эллери забрал у Леру табличку, которую тот вертел в руках, и перемешал кусочки пластика, словно колоду карт.

– Ладно, давайте пока отложим это. – С этими словами он встал и отправился на кухню. Взгляды оставшихся за столом следовали за ним, как нитка за иголкой.

Через распахнутую двойную дверь было видно, как Эллери остановился перед буфетом, выдвинул пустой ящик и швырнул туда таблички. Вернулся в холл и сладко, с изяществом сиамской кошки, зевнул.

– Ну и видок у нас! Глупее не придумаешь... – Он развел руки в стороны и опустил глаза, словно осматривая себя с головы до ног. – Ну что? Вроде проснулись, теперь неплохо бы и одеться.

Эллери скрылся в своей комнате, и висевшее в комнате напряжение развеялось.

Послышались вздохи и звук отодвигаемых стульев – все вставали из-за стола. Четверо парней разошлись по своим комнатам, а девушки вместе направились в комнату Агаты. По их нервной походке можно было понять, что члены клуба никак не могут прийти в себя. Покидая холл, ни один из них не удержался от того, чтобы не бросить взгляд на ящик кухонного шкафа, где лежали таблички.

27 марта, четверг. Пошел второй день пребывания на острове.

Перевалило за полдень.

За обедом никто словом не обмолвился о том, что произошло утром. Никому не хотелось болтать или отпускать шуточки – момент был совершенно неподходящим. А всерьез говорить на эту тему – совсем уж далеко от реальности. Их мысли были сосредоточены на содержимом ящика в кухонном шкафу; все тайком посматривали друг на друга, пытаясь угадать чужие мысли, и в то же время старательно делали вид, что уже забыли о том, что продолжало их волновать.

Покончив с сэндвичами, приготовленными на обед Агатой и Орци, они один за другим вышли из-за стола. Первым поднялся Карр. Держа в руках две книжки и поглаживая длинный, до синевы выбритый подбородок, он в одиночку вышел из дома. Вслед за ним встали По и Ван и скрылись в комнате По.

* * *

– Ну, продолжим! – густым голосом проговорил По, усаживаясь на пол.

Семь гостевых комнат Десятиугольного дома имели одинаковую планировку. На голубом ковре, расстеленном на полу в комнате По, были разбросаны фрагменты пазла, который он начал собирать.

– Две тысячи? Не соберешь ведь, пока мы здесь.

Стараясь не наступить на кусочки мозаики, Ван прошел в глубь комнаты и присел на краешек кровати.

Толстые губы в длинной бороде По сложились в усмешку:

– Еще как соберу. Вот увидишь.

– Но на тебе еще рыба – придется ловить – и рассказ для журнала...

– Времени навалом. Но сначала я должен найти нос вот этого типа.

Рамка головоломки была уже почти закончена и занимала почти один татами. Рядом валялась крышка от коробки, в которой лежал пазл, с изображением готового продукта. Сердито поглядывая на картинку, По принялся копаться в куче мелких фрагментов.

Перед ним была фотография игравших в поле шести лис – мамы и окруживших ее симпатичных лисят. Носиком одного из них и занимался По.

– Эй! Ты чего? – Он тревожно нахмурил брови, заметив, что Ван сидит, опустив голову и положив руки на колени. – Все еще нехорошо?

– Да, есть немного.

– У меня в сумке градусник. Померь-ка температуру. И приляг, если хочешь.

– Спасибо.

Сунув термометр под мышку, Ван вытянул свое худое тело на кровати. Поглаживая перекрашенные в каштановый цвет мягкие волосы, посмотрел на По:

– Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– Ага! Вот он где, оказывается! – По выудил из кучи маленький кусочек картона. – Отличненько... Что ты сказал, Ван?

– Я про то, что произошло утром. Что ты об этом думаешь?

Рука По застыла в воздухе, он выпрямился.

– Вот ты о чем...

– Ты вправду считаешь, что это чья-то шутка?

– Думаю, да.

– Но почему тогда никто не признался?

– Может, еще будет продолжение...

– Продолжение?

– Ну да. Продолжение шутки. – По запустил пальцы в бороду и поскреб подбородок. – Можно что угодно придумать. Например, насыпать сегодня вечером соли кому-нибудь в кофе. Вот тебе и будет «Первая жертва».

– Ха-ха!

– И таким образом наш «убийца», он же любитель повеселиться, будет совершать одно «преступление» за другим. Устроит нам большую «игру в убийства».

– О-о, в убийства!..

– Может, это и глупо, но думать так – куда ближе к реальности, чем ежиться от страха: а вдруг кто-то и вправду объявил, что будет убивать всех и каждого.

– Правда. Это ж не детективный роман. Это там все просто – раз и готово, вот вам труп. Ты прав, конечно. Но у кого же все-таки роль убийцы в этой игре?

– Больше всего на эту роль подходит Эллери. Он запросто мог придумать такой спектакль. Но мне почему-то кажется, что он хочет сыграть «Детектива».

– Ага! Помнишь, как он вчера сказал: «Кто-нибудь хочет бросить мне

вызов?» Может, это и есть ответ.

– Трудно сказать. Если все так, как ты говоришь, получается, что преступник кто-то из нас троих, тех, кто участвовал в этом разговоре, – или я, или ты, или Леру. Но ведь эти таблички кто-то заранее приготовил.

– М-да. Исключая Эллери, на такую дурацкую шутку способны разве что Леру и Агата...

– А зачем его исключать? Может, это как раз он все придумал. Есть же сюжеты, когда детектив и преступник – одно и то же лицо.

– Да-а, если так... Как здорово он командовал сегодня утром. Просто блеск.

– М-м... А что там на градуснике, Ван?

– Ой! Я и забыл совсем...

Ван сел прямо и вытащил из рукава свитера термометр. Поднес к глазам и, нахмурившись, передал его По.

– Да у тебя жар. – По посмотрел на приятеля. – Губы пересохли. Голова не болит?

– Есть немного.

– Тебе надо отдохнуть сегодня. Лекарства есть?

– Купил что-то в аптеке от простуды перед отъездом.

– Пойдет. И ляг сегодня пораньше. Не хватало еще здесь разболеться...

– Спасибо, доктор, – прохрипел Ван и, откинувшись на подушку, рассеянно уставился в потолок.

* * *

Убравшись в холле после обеда, Агата и Орци заварили чай из пакетиков и присели отдохнуть.

– Уф! Так и будем еще шесть дней кухарками? Запаришься на семерых готовить, – посетовала Агата, потягиваясь на стуле. – Смотри, Орци! Какими стали руки от этого мыла...

– Я захватила крем для рук.

– У меня тоже есть. Я все время его втираю.

– У тебя руки настоящей леди.

Агата довольно хмыкнула и развязала косынку, которой повязывала волосы. У ее подруги на одной щеке появилась ямочка; она сжала в маленьких ладонях десятиугольную чашку и поднесла к губам.

– Орци... – Агата бросила взгляд в сторону кухни и неожиданно

сменила тему разговора. – Что значат эти таблички, как думаешь?

Орци вздрогнула и молча покачала головой.

– Сегодня утром было жутковато, что ни говори, но, если подумать, мне кажется, это все-таки чья-то шутка. Скажи?

– Я не знаю. – Орци робко посмотрела по сторонам. – Все говорят, что ничего не знают. Но что тут скрывать, даже если это шутка?

– Это точно.

– И...

– Может, не стоит к этому так серьезно относиться? А тому, кто это сделал, просто неловко признаться...

– Даже не знаю, что и думать.

– Ну и кто, по-твоему, все это учудил?

– М-м...

– Может, Эллери? Хотя он вряд ли стал бы стесняться. Тогда малыш Леру?

– Леру?

– Ты ж его знаешь. У него только детективы на уме. Вдруг пошутить так решил?

Орци опустила глаза, так что было не понять, согласна она или нет.

– Мне страшно, – ссутулившись, пробормотала она, будто разговаривая сама с собой.

Орци и в самом деле так думала. Таблички... Она не могла поверить, что эти кусочки пластмассы – всего лишь безобидная шутка. За этим определенно скрывался злой умысел. Чья-то мощная злая воля.

– Не надо было нам приезжать на этот остров.

– Фу, какие глупости!.. – Агата весело рассмеялась. – Ну, попили чайку – теперь пошли на свежий воздух. Здесь даже днем как-то мрачно. Странно себя чувствуешь в помещении с десятью стенами. Из-за этого в голову ерунда всякая лезет...

* * *

Эллери сидел на причале, уставившись на глубокую воду бухточки.

– А все-таки это странно. Скажи, Эллери? – подал голос стоявший рядом Леру.

– Что?

– Ты же знаешь. Я имею в виду таблички.

– А-а...

– Ты в самом деле не имеешь к ним отношения?

– Ну кончай, правда.

Диалог в такой форме продолжался между ними уже некоторое время. Леру говорил, а Эллери рассеянно бубнил что-то в ответ, даже не удосуживаясь взглянуть на приятеля.

– Но ведь правда, эта затея с табличками, с «Детективом» и «Убийцей», в твоём стиле.

– И откуда только ты все знаешь...

– Что ты сразу в бутылку лезешь? Я просто так сказал. – Леру, пожав круглыми плечами, присел. – В конце концов, наверное, просто кто-то приколоться решил. Ты так не считаешь?

– Нет, – бросил Эллери и засунул руки в карманы куртки. – Конечно, мне хотелось бы, чтобы было так, но...

– А почему, ты думаешь, это не прикол?

– Потому что никто не признался.

– Ну, тут, конечно, не поспоришь.

– И слишком много усилий потрачено.

Теперь Эллери повернулся и взглянул Леру прямо в глаза.

– Вполне можно было, к примеру, выдрать листы из альбома для рисования и написать фломастером. Так ведь нет – нарезали пластмассовые таблички одинакового размера, приготовили трафареты, запаслись баллончиком с красной краской... Я бы не стал так утруждать себя, чтобы кого-то поугадать.

– Так-то оно так, но... – Леру снял очки и неловко стал протирать стекла. – Ты хочешь сказать, что у нас тут в самом деле произойдут убийства?

– Думаю, это вполне возможно.

– Ничего себе! Ты так легко об этом говоришь... Ведь убийство – это смерть. Это значит – кого-то убьют. И не одного человека. Если то, что написано на этих табличках, – правда, жертв будет пять. Это же черт знает что!

– Как-то глупо это все выглядит...

– Еще как глупо! Это же не книжка, не кино. У этих табличек та же роль, что у десяти негритят. Так получается? Если кончится тем, что «Убийца» убьет «Детектива» и покончит с собой, получится точно как у Агаты Кристи.

– Очень может быть.

– С какой стати кто-то собрался нас убивать?

– Что ты у меня спрашиваешь?

Какое-то время Эллери и Леру молча смотрели, как волны бьются о скалистый берег. По сравнению с прошлым днем море потемнело, волновалось сильнее и громче.

Наконец Эллери поднялся.

– Ладно, я пошел. Что-то холодно стало.

4

Шум волн гулким эхом отдавался в повисших над островом тучах. Эти звуки напоминали храп спящего великана и еще больше усиливали тревогу и дурные предчувствия, охватившие членов Клуба детективов.

Холл Десятиугольного дома, где только что закончился ужин, был погружен в сумерки, колыхавшиеся в слабом свете керосиновой лампы.

– Настроение паршивое, – проговорила Агата, раздавая собравшимся за столом студентам чашки с кофе. – А все из-за этих стен. Тронуться от них можно.

Десять белых стен плавали в полумраке в свете единственной лампы. По законам геометрии они должны были соприкасаться друг с другом ровно под углом в сто сорок четыре градуса, однако из-за игры света и теней углы казались кривыми и острыми. А вот стол, стоявший посередине холла, упорно сохранял десятиугольную форму, отчего стены казались причудливо искривленными.

– Точно. От этого голова кругом идет. – Ван потирал налившиеся кровью глаза.

– Ложись-ка ты пораньше. Вид у тебя нездоровый, – посоветовал По.

– Тебе не лучше? – Агата положила руку на лоб Вана. – У тебя ж температура. Тебе в постель надо.

– Да ничего. Рано еще, семь часов только.

– Нет, не ничего. Мы же на необитаемом острове. Здесь врачей нет. А если тебя скрутит, не дай бог?

– М-м...

– Ты лекарство выпил?

– Выпью, перед тем как ложиться. Меня от таблеток в сон клонит.

– Пей сейчас и ложись. Надо себя беречь.

– Хорошо.

Ван нехотя поднялся, словно ребенок, получивший приказ от матери. Агата принесла из кухни кувшин с водой и стакан и передала ему.

– Тогда спокойной ночи, – проговорил Ван и направился к двери своей

комнаты. И тут...

– И что же ты собрался делать в своей темной комнатухе? Чего так рано уходишь? – послышался низкий суровый голос Карра.

Рука Вана, протянувшаяся к дверной ручке, застыла в воздухе. Он посмотрел на Карра.

– Я иду спать, только и всего.

– Вот как? А то я уж подумал, ты ножик пошел точить...

– Что ты имеешь в виду?

– Ну-ну! – хихикнул в ответ Карр, кинув взгляд в сторону не на шутку рассердившегося Вана. – Я вот думаю, это ты объявил сегодня утром, что убьешь нас всех.

– Не обращай внимания, Ван. Иди спать, – сказал Эллери.

– погоди, Эллери! – вкрадчивым голосом продолжал Карр. – Ты не считаешь, что в нашей ситуации вполне естественно в первую очередь подозревать именно Вана?

– С чего бы это?

– Да раскиньте вы все мозгами! Вот несколько человек собираются в одном месте, и там происходит серия убийств. Обычно преступником оказывается тот, кто всех пригласил или все организовал.

– Так только в детективных романах бывает.

– Но ведь таблички с предупреждением об убийствах и есть реквизит для его детективной пьесы. Он и стоит за всем этим. Нет ничего дурного в предположении, что эта история сочинена в том же стиле... – Карр выпятил подбородок. – Ну что скажешь, Ван, дорогой ты наш хозяин?

– Мне твои шутки надоели. – Ван, с кувшином и стаканом в руках, топнул ногой. – Я никого сюда не приглашал. Я только сказал, что мой дядя купил этот остров. А организовал поездку наш будущий редактор, Леру.

– Ван прав. Леру рассказал мне про остров, а я загорелся идеей, что нам всем обязательно надо сюда поехать, – резко проговорил Эллери. – Если ты подозреваешь Вана, с таким же успехом можешь подозревать меня и Леру. Иначе где логика?

– Мне не нравятся «великие сыщики», которые начинают разглагольствовать о логике только после того, как кого-то убили.

Эллери презрительно пожал плечами:

– А сюжет, когда хозяин оказывается убийцей, настолько банален, что дальше ехать некуда. Стереотипы не помогают в поисках «великих преступников». Будь я таким преступником, постарался бы воспользоваться случаем – людей пригласили, они приехали...

– Вы о чем вообще?! – смяв наполовину выкуренную сигарету,

воскликнул По. – Великие сыщики, великие преступники... Может, все-таки отделим реальность от фантазии? Ван, не слушай ты их. Они совсем сбрендили. Иди спать.

– Сбрендили? – Карр недобро уставился на По и нервно забарабанил ногой по полу. – И в чем же это выражается?

– Хотелось бы побольше здравого ума. – С недовольным видом тот зажег новую сигарету. – Прежде всего такие разговоры не имеют никакого смысла. Мы уже не в первый раз собираемся вместе. Конечно, как сказал Карр, преступником может быть Ван, заманивший нас сюда вкусной приманкой. Точно так же преступниками могут оказаться Эллери и Леру, по инициативе которых состоялась наша поездка. Или ты, Карр. Вдруг ты захотел дожидаться удобного случая для осуществления своих планов?.. Можно сколько угодно перебирать разные возможности. Так ведь?

– По правильно говорит, – заявила Агата. – Мы просто переливаем из пустого в порожнее.

– Поехали дальше, – продолжал По, спокойно выпуская изо рта дым. – Вы решили, что получили предупреждение от убийцы. А вам не кажется, что все это ерунда с самого начала? Все мы любим игру под названием детектив и поэтому собрались в месте, где произошла трагическая история. Почему бы не считать эти таблички просто частью игры?

И По изложил всем свою точку зрения, которой он поделился днем в своей комнате с Ваном.

Леру рассказ По привел в возбуждение. Он хлопнул в ладоши:

– Вот оно что!

– Соль в кофе!

Эллери положил руки на голову и откинулся на спинку стула.

– Если дело кончится солью в кофе, я сниму шляпу перед чувством юмора нашего злоумышленника.

– Завидую вашему оптимизму.

Карр с надутым видом поднялся из-за стола и, громко топая, удалился в свою комнату. Проводив его взглядом, По хрипло пробурчал «спокойной ночи» и тоже удалился к себе.

– Любопытно, кто же все-таки преступник? – с улыбкой обратилась Агата к Орци.

– Д-да... – не поднимая глаз, тихо ответила та.

Эллери вытащил из кармана колоду карт с ангелом-велосипедистом на синем фоне и разложил их веером на белом столе.

– Итак, кто будет «первой жертвой»? – пробормотал он себе под нос. – Игра становится интересной.

Возможно, это была защитная реакция на тревогу, не отпускавшую новоявленных обитателей острова. Все со вздохом облегчения приняли объяснение, которое дал происходящему По. Напряжение, висевшее в воздухе с самого утра, казалось, полностью разрядилось.

Однако...

На острове был человек, который знал, что слова на табличках, предупреждающих об убийствах, означали именно то, что было написано.

Глава 4

День второй

Большая земля

1

Машина двигалась на запад по шоссе номер 10. Такааки то и дело искоса поглядывал на сидевшего за рулем Киёси Симаду и всякий раз еле сдерживал душившие его приступы смеха.

У третьего сына буддийского священника была красная «Мазда Фамилия». Свой вчерашний наряд, состоявший из джинсов и свитера, он сменил на темно-серый костюм и солнечные очки с синими стеклами. Одно к другому совершенно не подходило, но личность Симады каким-то образом превращала это странное сочетание в подобие единого целого.

По его словам, жену пропавшего без вести садовника Сэйити Ёсикавы звали Масако, и она по-прежнему жила в Адзиму. Утром Симада умудрился узнать ее адрес и договориться о встрече.

Выехав из Бэппу в сторону гор, они миновали курорт Мёбан с термальными источниками. По обе стороны неширокой дороги выстроились похожие на палатки хижины из связанных пучков соломы. Сквозь щели валил белый пар. Местные жители добывали из источников «горячие цветы» – минеральную соль, которую добавляют в воду при купании.

Наконец они преодолели перевал, и дорога пошла вниз, к уезду Уса.

– Ну а как дела у тебя, Конан-кун? – спросил Симада.

– Да, извините. Я вам еще не рассказал.

Сидевший рядом с Симадой Такааки, привалившись к стеклу, наблюдал проплывавшие мимо пейзажи. Он поскреб голову и выпрямился.

– Я не всем сумел дозвониться, хотя, похоже, письма получили все, кто был на той вечеринке.

– Хм. И сколько человек из них поехали на остров?

– Точно не удалось выяснить – некоторые живут одни, – но, мне кажется, все, за исключением Морису и меня. Мы ведь тогда раньше ушли...

– Тогда получается, и в самом деле что-то происходит.

– Я тоже так думаю. Но если б с нами сейчас ехал Морису, он был бы более осторожен в оценках и, пожалуй, сказал бы, что мы подходим к этому делу не с того конца.

– То есть?

– Как получилось, что участники той вечеринки оказались сейчас на острове? Вряд ли это просто совпадение. Ребята часто встречались, потому и оказались вместе и на вечеринке, и на острове. А письма и поездка на Цунодзиму просто совпали по времени, и не стоит искать здесь какой-то особый смысл.

– Ха! Тонко мыслит ваш приятель, ничего не скажешь.

– Морису – осторожный парень. И последовательный перфекционист. Наверное, еще из-за этого он все так взвешивает.

– Однако вчера вечером он весьма активно включился в расследование.

– Ваша правда. Думаю, в глубине души эта история его поразила. Он очень головастый, все сечет...

Такааки Каваминами и Кёити Морису со времен членства в Клубе детективов составляли хороший дуэт.

Такааки был очень живой, энергичный и любознательный парень. Стоило ему чем-то увлечься, как он тут же терял покой и не мог усидеть на месте. При этом прекрасно понимал, что чрезмерное любопытство подчас подводило его, мешало трезво оценить ситуацию. И еще он знал за собой такую особенность: быстро загораться и так же быстро остывать. Такой характер.

Морису тоже был парень горячий, но не в том смысле, как Такааки. В повседневной жизни это его качество на поверхность не выходило. Он относился к типу людей, которые держат свои мысли при себе и все тщательно обдумывают, перед тем как начать действовать. Поэтому для Такааки его друг был добрым советчиком, предостерегающим его от скоропалительных решений и скороспелых выводов.

Я пока побуду кабинетным детективом, – сказал Морису.

«Конечно, для него это самая подходящая роль», – думал Такааки. Он не собирался принижать свои достоинства, но понимал, что ему больше подходит роль доктора Ватсона. А Холмса пусть играет Морису.

Такааки снова взглянул на Киёси Симаду.

А этот человек на роль Ватсона или Лестрейда не подходит.

Машина теперь катила по плоскогорью, с которого открывался прекрасный вид. Пологие горные склоны, поросшие высокой травой, спускались к дороге со всех сторон.

- А вот та гора слева – это Цурумидакэ?
- Точно. С недавних пор ее облюбовали дельтапланеристы.
- Далеко еще до Адзиму?
- Сейчас спустимся, там будет Уса. Потом еще один подъем, и мы на месте. Сейчас полвторого, к трем будем там.
- Такааки положил обе руки на пояс, потянулся и сладко зевнул.
- Устал, что ли, Конан-кун?
- Вообще-то я сова, рано просыпаться для меня – мучение.
- Так подреми. Я разбужу, когда приедем.
- Извините, тогда я...
- Такааки опустил спинку сиденья, а Симада прибавил газу.

2

Появившаяся в дверях Масако Ёсикава, имела мало общего со смутным образом, рисовавшимся в воображении Такааки. Перед ними стояла сдержанная, но дружелюбная женщина, одетая в мелкоузорчатое кимоно. У Такааки заранее сложилось предвзятое мнение, что жена злодея, лишившего жизни четырех человек из-за вспыхнувшего в нем любовного чувства, должна держать себя более напряженно и недружелюбно.

На вид ей еще не было сорока, однако перенесенные испытания и тревоги наложили отпечаток на ее внешность – Масако выглядела измученной и гораздо старше своих лет.

– Моя фамилия Симада. Я звонил вам утром. Извините, что мы так бесцеремонно к вам нагрянули...

В ответ на слова Симады жена садовника вежливо поклонилась.

– Вы сказали, что господин Кодзиро – ваш друг. Добираться до нас долго...

– Вы ведь знакомы с Ко-сан... то есть с Кодзиро Накамурой?

– Да. Я очень ему обязана. Вы, наверное, знаете: до того как выйти замуж, я работала на Цунодзиме, на вилле. Я жила там с самого начала, когда господин Сэйдзи переехал на остров. А рекомендацию мне дал господин Кодзиро...

– Понятно. И там вы познакомились со своим мужем?

– Да. Он тоже там работал.

– А дом, где вы сейчас живете, – это дом вашего мужа, его семьи?

– Да. После свадьбы мы какое-то время жили в О, но потом переехали к родителям мужа. У них здоровье было неважное.

- Далековато вы забрались...
- Когда мы переехали, муж от другой работы отказался, трудился только на вилле на острове и у господина Кодзириро в Бэппу.
- Ага! Значит, муж и за его садом ухаживал?
- Да.
- Мы к вам вот по какому поводу. Моему молодому приятелю кое-что прислали. – Симада показал конверт, который передал ему Такааки.
- Что это?
- Кто-то написал ему письмо от имени покойного Сэйдзи Накамуры. Похожее письмо получил и господин Кодзириро.
- Ой-ё-ёй!
- Мы думаем, эти письма могут иметь какое-то отношение к тому, что произошло на Цунодзиме. Хотели поговорить с вами. Возможно, вы поможете нам разобраться с этим делом...
- Не скрывая растерянности, Масако взглянула на неожиданных визитеров.
- Пройдемте в дом. Может, по свечке зажжете, помянете мужа?..

* * *

Масако провела Симаду и Такааки в полутемную гостиную, застеленную татами, и села перед ними на пол, подогнув под себя ноги. Позади нее, за открытой раздвижной перегородкой, виднелся маленький домашний алтарь. Перед ним в полумраке белела новенькая деревянная табличка с именем мужа Масако.

– Как вы знаете, мужа так и не нашли. В конце концов я смирилась с мыслью, что он умер. А месяц назад окончательно поняла, что больше не увижу его живым, и мы отслужили по нему заупокойную службу... – Масако сдерживала слезы.

- А вдруг все-таки окажется, что ваш муж жив?
- Ну что вы! Если б это было так, он обязательно со мной связался бы.
- Но...
- Я могу сказать только одно: мой муж не способен на такое злодейство. Чего я о нем только не наслышалась, но не верю в эти слухи. И так говорят все, кто его знал.

Судя по тону Масако, она была уверена в своих словах. Симада согласно кивнул.

- Как я слышал, ваш муж приехал на Цунодзиму за три дня до того,

как вилла сгорела. Когда точно это было?

– Отсюда он уехал рано утром семнадцатого сентября.

– И до утра двадцатого, когда произошел пожар, он с вами связывался?

– Связывался один раз. В тот день, когда уехал, после обеда.

– Звонил?

– Ну да. Сказал, что нормально добрался.

– Вы что-нибудь странное не почувствовали?

– Да нет. Единственное – он сказал, что хозяйка заболела.

– Кадзуэ?

– Муж когда приехал, она не вышла. Ну, он и спросил у господина Сэйдзи. А тот говорит: «Заболела, лежит».

– Ага... – Симада потер переносицу и чуть надул губы. – Я знаю, вам это неприятно, и заранее прошу прощения, но люди говорят, ваш муж вроде как испытывал чувства к Кадзуэ...

– Мы с мужем были очень привязаны к хозяйке. И он, и я. – Масако побледнела. – Я уже говорила: муж не способен на поступки, в которых его подозревают люди. Разговоры, что у него был роман с хозяйкой, – это полная ерунда. И еще...

– Что?

– Еще болтают, что муж обокрал господина Сэйдзи. Начать с того, что красть было нечего...

– Как это? Вы хотите сказать, что от состояния господина Сэйдзи ничего не осталось?

– Не надо было мне это говорить...

– Ну что вы! Я понимаю, что для вас это очень серьезно и трудно об этом говорить... – Глубоко посаженные глаза Симады сверкнули. – Значит, состояния у Сэйдзи не осталось? Так получается? – полушепотом проговорил он. – Я слышал, Сэйдзи и Кодзиро не очень ладили. Что скажете?

– М-м... – неопределенно протянула Масако. – Господин Сэйдзи... он был немного странный...

– А господин Кодзиро бывал на острове?

– Приезжал иногда, когда я там работала, но потом почти перестал.

– Пока вы там работали... Понятно.

– Извините, – вмешался Такааки, который все это время слушал разговор молча. – Вы знаете, что произошло с Тиори Накамурой? Я знал ее по университету... Потому и получил письмо, которое вам показал Симада-сан.

– Дочь господина Сэйдзи? – Масако опустила взгляд на плохо

освещенный пол. – Я помню ее еще маленькой девчушкой. Когда перестала у них работать, муж иногда про нее рассказывал... Бедная девочка! Она же совсем молоденькая была.

– До какого возраста Тиори жила на острове?

– Когда пришло время идти в детский сад, ее вроде отправили к деду. Муж говорил, что после этого она изредка приезжала на остров, а ее мама ездила в О, чтобы повидаться с дочкой. Госпожа ее очень любила.

– А Сэйдзи? – Симада слегка подался вперед. – Он как относился к дочери?

– Он... – Масако немного растерялась. – Мне кажется, господин Сэйдзи не очень любил детей.

3

Они проговорили почти два часа и уехали из Адзиму в шестом часу. По пути заехали перекусить и вернулись в Бэппу, когда уже перевалило за девять.

Симада провел за рулем много часов и, естественно, устал. Время от времени щелкал языком, реагируя таким образом на свет фар ехавших навстречу автомобилей.

– Давай заедем к Ко-сан. Не возражаешь? – спросил он у Такааки.

– Нет, конечно, – ответил тот, хотя ему не очень хотелось ехать куда-то еще. Сразу после отъезда из Адзиму он почувствовал себя выжатым как лимон. В основном из-за недосыпания и усталости. Но была и другая причина – Такааки чувствовал себя внутренне опустошенным.

Несмотря на то что они проделали долгий путь, улов получился небогатым. Он, конечно, не думал, что их поездка даст четкие ответы на все вопросы, но все-таки надеялся получить хоть какую-то новую информацию. «Например, – подумал Такааки, ненавидя себя за эту мысль, – я был бы доволен, если б Масако Ёсикава тоже получила письмо, подписанное Сэйдзи Накамурой».

Он знал о себе, что легко загорается и так же быстро остывает. В каком-то смысле Такааки еще оставался ребенком. Подобно ребенку, который все время хочет новую игрушку, юноша постоянно искал каких-нибудь раздражителей, острых ощущений. Но как только начиналось однообразие, ему тут же все надоедало и делать больше ничего не хотелось...

Наконец машина подъехала к дому Кодзири в Каннава.

Вечер выдался тихий. Небо затянуло тонкое покрывало облаков, за которым во мраке расплывался бледно-желтый силуэт луны.

Симада позвонил. Где-то в глубине дома послышался слабый звонок. Они подождали немного, однако никакой реакции не последовало.

– Странно. Свет-то горит, – с сомнением в голосе пробормотал Симада и позвонил еще раз. Потом два-три раза постучал в дверь. – Спят уже, что ли?

Он собрался было обойти вокруг дома, но, обернувшись, посмотрел на Такааки. Тот стоял с закрытыми глазами, привалившись к столбу ворот.

– Ладно. Давай до другого раза. Извини, Конан-кун, столько проехали попусту... Устал ты, я вижу. Поехали.

* * *

Они снова выехали на шоссе номер 10 и направились в О. Симада слегка приоткрыл окно. Вечерний ветерок приятно обдувал, наполнив машину запахами моря.

– Не холодно, Конан-кун?

– Нет-нет. В самый раз.

Внутренняя опустошенность и недовольство собой не отпускали Такааки.

– С самого утра тебя за собой таскаю... Извини.

– Нет, это вы меня извините... Что-то я раскис совсем.

– Да ладно тебе. Просто устал.

Симада действительно оставался в добром расположении духа. Убрал левую руку с руля и потер глаза.

– Я считаю, с одной стороны, мы, конечно, не получили того, на что рассчитывали, но с другой – сегодняшняя поездка дала нам важную информацию.

– Что вы имеете в виду?

– Мы надеялись узнать что-нибудь о Сэйити Ёсикаве. Думали: если он жив, значит, должен как-то выйти на связь с женой. Но оказалось, что ничего подобного не было.

– А вам не кажется странным, Симада-сан, что родные уже отслужили по нему панихиду, хотя прошло всего полгода с его исчезновения? Может, за этим что-то есть, как думаете?

– Всяко бывает, конечно, но у меня нет ощущения, что Масако нам врала. Она производит впечатление приличной, честной женщины.

– Угу.

– У меня на людей глаз наметанный. Можешь считать это чутьем священника. – Симада хохотнул. – Так или иначе, в этом плане наши надежды не оправдались... Дай-ка мне сигарету.

– Сигарету? – удивленно переспросил Такааки. До этого он не видел, чтобы Симада курил. – «Севен старз» подойдет?

Он протянул Симаде пачку, и тот, не сводя глаз с дороги, ловко, одной рукой, извлек из нее сигарету.

– Было время, я сигарету изо рта не выпускал, но нашли что-то в легких, и я почти бросил. Ну, может, одну в день... Я человек ленивый, но хотя бы это правило стараюсь соблюдать.

Закурив, Симада со вкусом выпустил в потолок облачко фиолетового дыма.

– Что касается результата наших трудов, то мы выяснили, что никакого такого состояния у Сэйдзи не было. А если так, то уравнение «Ёсикава = преступник» серьезно теряет в весе.

– А что скажете о его романе с Кадзуэ?

– Я не верил в эту версию с самого начала. Чувствовал, она притянута за уши. Как-то мы говорили об этом деле с Ко-сан, и он решительно заявил, что Кадзуэ не из тех, кто может закрутить с садовником. Он фактически повторял то же, что мы услышали сегодня от Масако: Ёсикава – человек честный, ему и в голову не придет заводить шашни с замужней женщиной.

– Выходит, преступник не Ёсикава?

– Очень может быть.

Симада с некоторым сожалением сунул в пепельницу выкуренную до фильтра сигарету.

– И еще одно. Из сегодняшнего разговора я уяснил, что причиной тяжелых отношений между Сэйдзи и Ко-сан являлась Кадзуэ.

– Кадзуэ?!

– Если у нее и был с кем-то роман, то не с Ёсикавой, а с Ко-сан.

– У Кадзуэ с Ко-сан?!

– Да. Я вспомнил: в прошлом году, после того как все случилось, Ко-сан просидел дома целую неделю или две. Безвылазно, как инвалид. Теперь мне кажется, что его больше шокировала смерть Кадзуэ, чем брата.

– Тогда, Симада-сан, преступник...

– Есть у меня одна идея. Но сначала надо рассказать о результатах нашей поездки Морису. Верно?

– Ну, раз так... – Такааки взглянул на часы на приборной панели. Десять сорок.

Машин на прибрежном шоссе в сторону О стало меньше. Впереди в окружении красных габаритных огней маячил огромный черный силуэт грузовика. По идущей параллельно шоссе железной дороге шел поезд, сверкая длинной цепочкой огней...

– Он сказал, чтобы мы позвонили, но давай заглянем прямо так. Все равно мимо едем.

Предложение Симады немного расшевелило Такааки, добавило ему энергии, которой он почти лишился. Будто почувствовав это, Симада сощурил глаза в улыбке.

– Морису? Что ж, тоже замечательная фамилия [\[16\]](#).

4

– Зная твой характер, я думал, тебе хватит одного дня, чтобы наиграться в детектива, – насмешливо проговорил Морису, разливая кипяток по чашкам с чайными пакетиками. – Удивительно, но, похоже, я ошибся. Наверное, потому, что с тобой был Симада-сан.

– Как ты догадался? – Такааки смущенно улыбнулся.

– Что ж, господин сыщик, жду отчета о результатах вашего расследования.

Такааки подробно рассказал о том, что им с Симадой удалось узнать за этот день.

– Хм. Понятно.

Морису налил себе вторую чашку чая и, не добавляя сахара, выпил ее одним махом.

– И что вы намерены делать завтра, Ватсон?

– Это вопрос. – Такааки растянулся прямо на полу, подложив под голову локоть. – Честно говоря, у меня сейчас такое ощущение, будто на мне воду возили. Весенние каникулы такие длинные, не знаешь, как время убить. Поэтому я каждый вечер ходил играть в маджонг. И вдруг это «письмо от мертвеца»... Разве я мог оставить его просто так? Я загорелся, как обычно, но теперь...

– Эй! Брось ты это самокопание. Симада-сан скучает.

Но тот лишь улыбался, ощупывая костлявый подбородок.

– Ну, со скукой надо же как-то бороться, – сказал он. – Все лучше, чем, опустив руки, наблюдать, как в мирской суете погибает твое воображение. У нас с Конаном похожая ситуация. Не будь у меня в избытке свободного времени, я ни за что не сунул бы нос в это дело. А все почему?

Потому что я страшно любопытен, люблю разные расследования. Да, Морису-кун...

– Что?

– Хотелось бы узнать мнение кабинетного детектива.

– Я знал, что вы спросите рано или поздно. – Морису, облизнув пересохшие губы, улыбнулся. – У меня и в самом деле появилась одна мысль, когда вы рассказали мне всё прошлой ночью. Это не вывод на основе умозаключений, а нечто из области предположений. Так что не советую относиться к этому слишком серьезно.

– Правильно сказал Конан – ты парень осторожный... Верно?

– Уж больно смелое предположение для осторожного. Хотя могу предположить, что и вы, Симада-сан, думаете так же.

– Очень может быть.

– Ну так вот. – Морису перевел взгляд с Симады на Такааки. – Странно, что ты до такого не додумался. Тебе не кажется, что происшествие на Цунодзиме похоже на то, что Фрэнсис Невинс-младший назвал «бирлстоунским гамбитом»?^[17]

– Ух ты! – воскликнул Такааки. – Ты хочешь сказать, что Сэйдзи Накамура на самом деле жив?

– Я не могу этого утверждать. Только указываю, что такое возможно.

Наливая себе третью чашку чая, Морису неторопливо продолжил:

– У прислуги – мужа и жены Китамура – головы были размозжены топором. Но даже после того, как их сожгли и тела по лицам стало опознать невозможно, маловероятно, что преступнику пришла в голову мысль повернуть трюк с «обезличенным трупом». С трупом Кадзуэ вопросов нет, если не считать пропавшую кисть левой руки. Единственное, на что мы можем обратить внимание, – труп, который, как считается, является трупом Сэйдзи.

Давайте подумаем. Тело облили керосином и подожгли. Опознать его было непросто. Сгорело не только лицо; огонь уничтожил и старые шрамы, и следы от операций, если такие были. Я не знаю, на каких основаниях полиция пришла к заключению, что это Сэйдзи. Нельзя исключать, что это труп какого-то другого человека. И в то же самое время бесследно исчез садовник. Симада-сан...

– Слушаю.

– Вы, случайно, не сравнивали Сэйдзи и Сэйити Ёсикаву по росту и телосложению?

– Ха-ха. Не в бровь, а в глаз. – Симада весело рассмеялся. – Ёсикаве было столько же лет, сколько Сэйдзи, – сорок шесть. Рост и телосложение у

обоих средние. Группа крови и у того и у другого – А. У обгоревшего трупа, естественно, тоже оказалась группа А.

– Откуда вы всё это узнали? – удивился Такааки.

Симада смущенно почесал щеку.

– Разве я не говорил? Есть у меня кое-какие связи в полиции... Так вот, Морису-кун, предположим, Сэйдзи Накамура и Сэйити Ёсикава действительно поменялись местами. Как тогда, по-твоему, все произошло?

Морису положил руку на лоб и уставился в пространство.

– Первой была убита Кадзуэ. Смерть наступила где-то между семнадцатым и восемнадцатым сентября. Сэйити Ёсикава прибыл на остров и позвонил Масако семнадцатого после обеда. К тому времени Кадзуэ скорее всего уже была мертва. Когда Ёсикава спросил, почему не видно Кадзуэ, Сэйдзи сказал, что ей нездоровится и она прилегла. На самом же деле он дал жене снотворное и потом задушил.

Боясь разоблачения, Сэйдзи решил убить прислугу и заодно Ёсикаву. Он накачал их снотворным и связал. Девятнадцатого зарубил топором супругов Китамура и после этого занялся Ёсикавой, который все еще находился под действием таблеток. Перетащил его в комнату, где убил Кадзуэ, развязал, передел в свою одежду и облил керосином. Поджег виллу и сбежал с острова.

Так преступник – Сэйдзи и жертва – Ёсикава поменялись местами. Получилась классическая комбинация с «обезличенным трупом». Но если принять эту версию, все равно некоторые вопросы остаются без ответа. Я могу навскидку назвать сразу четыре.

– И какие же? – спросил Симада.

– Во-первых, мотив. Какой был резон Сэйдзи убивать жену, с которой он прожил больше двадцати лет? Можно, конечно, сказать, что он сошел с ума, однако у сумасшедших тоже есть свои причины.

Во-вторых – вчера ночью я уже говорил об этом – пропавшая рука. Зачем Сэйдзи понадобилось ее отрубить? И где он ее спрятал?

В-третьих, разрыв по времени между убийствами. Жену он убил семнадцатого, последней жертвой стал Ёсикава – на рассвете двадцатого. Что Сэйдзи делал три дня?

И последний вопрос: как Сэйдзи после всего этого удалось выбраться с острова? И где он все это время скрывался?

– Знаешь, по дороге к тебе у меня были почти такие же мысли, – сказал Симада. – Думаю, у меня есть ответ как минимум на один вопрос из перечисленных – первый.

– Мотив убийства Кадзуэ?

- Да. И конечно, как и в твоём случае, это всего лишь предположение.
- Ревность? – попробовал угадать Морису.

Симада, поджав губы, кивнул:

– Даже нормальные эмоции, если они долго копятся в душе гения вроде Сэйдзи, могут перерасти в дикое безумие. Конан-кун! – Он повернулся к Такааки. – Ты помнишь, что Масако Ёсикава говорила о Тиори Накамуре?

– Конечно.

– Она сказала, что Тиори нечасто бывала на острове. По словам Масако, Кадзуэ обожала дочь, а когда я спросил о Сэйдзи...

– Она ответила, что он не любил детей.

– Совершенно верно. Сэйдзи свою дочь не очень-то и любил.

– И на ее похоронах всеми церемониями занимался не он.

– Вы понимаете, что я хочу сказать, так ведь?

Симада посмотрел сначала на Такааки, потом на Морису. Такааки кивнул с покорным видом, а его друг нахмурился и отвел глаза.

– Что, по-вашему, Тиори – не его дочь?

– Молодец, Морису-кун! В самую точку попал.

– Если не его, то чья же?

– Кодзиро Накамуры. Если верить Масако, Ко-сан часто приезжал на остров, когда она там работала. Потом вышла за Ёсикаву и уехала. Это означает, что отношения между братьями не всегда были плохими. Я думаю, Ко-сан прекратил свои визиты, когда родилась Тиори. Что думаешь, Морису-кун?

– Даже не знаю, что сказать... – Тот потянулся к пачке сигарет на столе. – И поэтому вы на обратном пути решили заехать к господину Кодзиро?

– Именно. Я надеялся что-нибудь выведать у Ко-сан.

– Симада-сан! – прервал его Морису, он больше не мог терпеть. – Мне кажется, мы не должны углубляться в эту тему.

– Ого! С чего это вдруг? – обескураженно спросил Симада.

– Может, я лезу не в свое дело, но даже если вы с господином Кодзиро добрые друзья, не думаю, что это поможет найти ответы на поставленные вопросы. – Спокойно глядя на Симаду, Морису продолжил: – Здесь, втроем, мы можем говорить о чем угодно. Беды от этого не будет. Но я считаю, что неверно делать какие-то выводы только на основе предположений и вмешиваться в частную жизнь другого человека, особенно когда дело касается вещей, афишировать которые этот человек не хочет.

– Послушай, но ты же сам предложил съездить к жене Сэйити

Ёсикавы! – возразил Такааки.

Морису издал тихий вздох.

– Сегодня я целый день жалел о своем легкомыслии, заставившем меня произнести эти слова. Когда любопытство входит в противоречие с совестью, в душе возникает раздрай. Прошлой ночью я позволил себе увлечься. Не надо было говорить то, что сказал, лишь потому, что дело показалось мне любопытным. Я целый день провел в горах лицом к лицу с каменными буддами, и мне стало еще тяжелее.

Он взглянул на стоявший у стены мольберт. На холсте выделялись густые мазки, нанесенные шпателем.

– Не считите за каприз, Симада-сан, но я больше в этом деле не участвую. Все свои предположения я высказал, и теперь прошу уволить меня из «кабинетных детективов».

Надо сказать, слова Морису не смутили Симаду.

– То есть твой вывод – Сэйдзи жив?

– Вывод – слишком сильно сказано. Я лишь указал на возможность, которой до сих пор уделялось недостаточно внимания. Думаю ли я, что Сэйдзи на самом деле жив? Мой ответ – наверняка нет.

– А письма? Что ты о них думаешь?

– Возможно, это дурная шутка кого-то из той компании, что отправилась на остров... Еще чаю хотите?

– Нет, достаточно.

Морису налил себе четвертую чашку.

– Предположим, что Сэйдзи жив. Станет он рассылать письма с обвинениями в смерти Тиори, дочери, которую не любил, а может быть, даже ненавидел?

– Хм-м...

– И вот что еще я думаю. Как это страшно – долго держать в себе такое жуткое чувство, как желание убить человека... Даже представить невозможно. Если Сэйдзи в самом деле совершил полгода назад это безумное преступление, если он горел желанием убить не только Кадзуэ, но и тех, кого считал виновным в смерти Тиори, и своего брата Кодзио, – почему, задушив Кадзуэ, не исполнил свой план? Не думаю, что он обладал настолько твердой волей, чтобы уйти на полгода в подполье и лишь по прошествии этого времени приступить к мести, разослав письма с угрозами.

– Еще кипяток есть? – спросил у Морису Такааки, пытаясь помочь Симаде, который будто воды в рот набрал.

– Кончился. Сейчас вскипячу еще.

– Не стоит. Уже достаточно. – Такааки лег на спину, сложил руки на груди. – У нас с Симадой-сан много свободного времени. Твоя позиция понятна, но мы все-таки еще немного покопаемся в этом деле.

– Я же не говорю, чтобы вы все бросили. – Голос Морису стал мягче. – Просто считаю, что по возможности не надо лезть в чужие дела, особенно когда это касается человеческих чувств.

– Все понятно... – Такааки зевнул и пробормотал себе под нос: – Интересно, как там дела у ребят, на Цунодзиме?

* * *

А те, конечно, ничего не знали.

Не знали о том, что на маленьком острове, отделенном от большой земли полосой моря, вот-вот вспыхнет лихорадка смерти.

Глава 5

День третий

Остров

1

Агата проснулась, когда был уже почти полдень. Прospала так долго, потому что не могла заснуть до глубокой ночи.

Взглянув на часы, она вскочила. Но, прислушавшись, сообразила, что другие тоже еще не вставали.

Агата снова накрылась одеялом и, поерзав немного, устроилась на животе.

Она легла в постель в четвертом часу. Остальные, за исключением Карра и Вана, которые ушли к себе рано, похоже, утомонились примерно в то же время.

Сперва Агате стало совестно за то, что она проспала. Конечно, сейчас каникулы, но все же как-то неудобно. Однако когда стало ясно, что конфуз случился не только с ней, девушка успокоилась и протянула руку к ночному столику, на котором лежала пачка сигарет.

У Агаты было низкое давление. Ей требовался примерно час, чтобы, проснувшись, привести себя в рабочее состояние.

«И все-таки странно, – подумала она. – Неужели и Орци еще спит?»

Пусть накануне все легли поздно и провалялись до полудня, на Орци это совсем не похоже. Может, она проснулась и, увидев, что еще никто не вышел, вернулась к себе в комнату? Или...

Агата рассеянным взглядом проводила лиловое облачко табачного дыма. Она любила курить, но на людях старалась воздерживаться.

Закурив вторую сигарету и преодолевая вялость во всем теле, медленно оторвалась от постели. Надела поверх черной блузы бежевый джемпер и встала перед зеркалом. Убедившись, что с одеждой все в порядке, взяла сумочку с туалетными принадлежностями и косметикой и вышла из комнаты. Несмотря на дневное время, в пустом десятиугольном холле было, как обычно, темновато. Лишь стоявший посередине белый стол расплывался в сумраке белым пятном. Десятиугольный осколок неба в

потолке был таким же голубовато-серым, как накануне.

Первым делом Агата направилась в ванную комнату, быстро умылась и накрасилась. Вернувшись в холл, стала убирать чашки, стаканы и пепельницы, полные окурков, которыми был заставлен стол. И тут...

Краем глаза она заметила что-то красное. Что это? Агата повернула голову и тут же вспомнила, где видела *это*. Она почувствовала, как кровь отливает от лица. *Это* висело на одной из некрашенных дверей.

Первая жертва

Откуда-то донесся еле слышный звук, и в тот же миг Агата издала дикий крик.

Дверь у нее за спиной резко распахнулась, и в холл из комнаты выскочил Карр. Он уже привел себя в порядок после сна, оделся. Увидев оцепеневшую от ужаса Агату и предмет, от которого она не могла отвести взгляда, воскликнул:

– Чья это комната?

Агата словно лишилась дара речи. Табличка с красными иероглифами была прикреплена на двери так, что закрывала листок с именем обитателя комнаты.

Двери, выходящие в холл, стали открываться одна за другой.

– Чья это комната, Агата? – повторил Карр.

– О-о-орци.

– Что?!

По рванулся к двери, на которой висела табличка. В пижаме, с всклокоченными после сна волосами, он с яростью схватился за дверную ручку. Дверь была не заперта и послушно, как-то совсем прозаически, открылась.

В комнате было темно. Луч света, пробившийся сквозь неплотно задвинутые шторы, прорезал мрак, подобно остро отточенному мечу.

– Орци... – дрожащим голосом позвал По. – Орци...

У стены смутно белела кровать. Орци лежала спокойно, аккуратно укрытая по грудь одеялом. На голове – синий жакет...

– Орци! – по-звериному взревел По и бросился в комнату. Девушка не пошевелилась. – Что с тобой, Орци...

Тяжело, будто сдвигая камень, По приподнял жакет, скрывавший лицо Орци. Из его рук, казалось, ушла вся сила, широкие плечи била мелкая дрожь. Остальные пять членов группы столпились у двери, намереваясь протолкнуться в комнату.

– Не входите! – По поднял руки вверх, останавливая их. – Прошу. Не надо на нее сейчас смотреть.

Все застыли на месте, будто пораженные током.

Подняв плечи, По сделал глубокий вдох, снова осторожно поднял жакет и стал осматривать тело несчастной Орци, которой больше было не суждено стесняться самой себя. Закончив, он закрыл жакетом лицо Орци, медленно распрямился и, глядя в потолок, тяжело вздохнул. Вздох его больше походил на стон.

– Выходим отсюда. – По обернулся ко всем лицом. – Это место преступления. Надо запереть комнату. Где ключ?

– Вот он. – Эллери отреагировал раньше всех – вошел в комнату и взял ключ со стола, стоявшего возле окна.

– Шпингалет на окне поднят. Что с ним делать?

– Тоже лучше закрыть. Выходим отсюда, Эллери.

– Что с ней случилось? – спросил Ван.

По сжал в руке ключ, полученный от Эллери, и выдавил из себя:

– Она умерла... Задушили.

– Нет! – вскрикнула Агата. – Этого не может быть!

– Да, Агата.

– Нет!.. По! Орци! Я хочу ее видеть!

– Нет, не надо. – По закрыл глаза и печально покачал головой. – Орци задушили. Ее убили, Агата. Не надо на нее смотреть, прошу тебя. Она мертва, но это ничего не меняет – она же девушка...

Агата сразу поняла, что хотел сказать По. Человек, умерший от удушения, выглядит ужасно. Она кивнула и дала себя увести из комнаты.

По взялся за ручку, чтобы закрыть дверь. И в эту минуту между ним и дверным проемом, сбоку, как краб, вклинилась чья-то фигура и, оттирая его грудью, преградила путь.

– Что-то ты больно быстро нас отсюда выпроваживаешь!

Это был Карр. Он поднял глаза на По и, слащаво ухмыляясь, сказал:

– Мы тут все в каком-то смысле специалисты по убийствам. Может, сами разберемся и найдем того, кто убил Орци? Давай-ка осмотрим как следует комнату и труп.

– Пошел к черту! – По побледнел, как полотно, и затрясся всем телом. – Захотел развлечься на смерти Орци? Это дело полиции.

– Ты бредишь. Когда приедет твоя полиция? Как ты им сообщишь? Помните, что написано на табличках? Вот так. К тому времени, когда здесь появится полиция, нас тут уже всех поубивают. Останутся только «Убийца» и «Детектив».

По сильнее потянул дверную ручку на себя. Карр, пустив в ход костлявые желтые руки, старался не дать ему захлопнуть дверь.

– Да подумай ты хорошенько, По! Не будь дураком, возьми себя в руки. Ведь ты можешь быть следующим.

– Отвали, Карр!

– Или дело тут в другом? Ты уверен, что тебя не убьют? У кого может быть такая уверенность? Только у преступника.

– Что-о?!

– Выходит, я в точку попал?

– Ну и скотина же ты!

– Да прекратите вы!

По был готов броситься на Карра. Лицо последнего скривилось, он принял оборонительную позу. В этот момент Ван схватил его за руки и оттащил от двери.

– Ты что творишь, debil?!

Лицо Карра залилось краской, он не переставал орать. Воспользовавшись моментом, По быстро захлопнул дверь и запер ее на ключ.

– Что ты здесь устроил, Карр? – воскликнул Эллери. Он держал в руке оставшиеся шесть табличек – как-то успел сходить за ними на кухню. – По прав. К сожалению.

2

– Прямо сюрреализм какой-то. Это чья-то идиотская шутка. Такого просто не может быть.

– Леру!..

– Но убийство – не шутка. Это какой-то кошмар. Полная бессмыслица.

– Леру, прекрати!

Круглые плечи Леру дрогнули от резкого возгласа Агаты; он медленно поднял голову и, пролепетав: «Извините», – устался в пол.

Шестеро членов Клуба детективов сидели за столом в холле, стараясь не встречаться друг с другом взглядами. Пустой стул, на котором до прошлой ночи серой мышкой, потупившись, сидела девушка с короткой прической, белым пятном бросался в глаза.

– Кто же убил Орци?

Этот вопрос сорвался с розовых губ Агаты как проклятие и зазвенел в холодном воздухе.

– Никто сейчас не встанет и не скажет: «Это я», – ответил ей Эллери.
– Но ведь убийца – один из нас. Один из шести. Ну, кто убил Орци?
Обращаюсь к убийце: может, хватит делать непонимающее лицо?

– Кто же будет убивать, а потом признаваться?

– Но, Эллери...

– Я знаю, Агата! Знаю! – Он легонько стукнул кулаком по столу. – Мы должны выяснить, кто убийца. Что скажешь, По? Расскажешь, что показал твой осмотр?

Поколебавшись немного, тот сжал свои толстые губы и кивнул с самым серьезным видом:

– Я только что сказал: она... Орци была задушена. У нее на шее осталась нейлоновая веревка, таких везде полно. Под веревкой отчетливо видна странгуляционная борозда. Это убийство, никаких сомнений.

– Она сопротивлялась? Есть какие-нибудь признаки?

– Нет. На нее могли напасть во сне или застигли врасплох. Следа от удара на голове я не нашел, так что ее не вырубали перед тем, как задушить. Но я не пойму одного.

– Чего?

– Вы тоже видели. Почему преступник привел всё в порядок? Орци аккуратно лежит на спине, постель в полном порядке, голова прикрыта жакетом... Может, у убийцы совесть проснулась? Но тогда... – По нахмурился так, что брови почти сошлись на переносице. – У Орци нет левой руки.

– Что?!

– Что ты такое говоришь, По?!

– У нее отрезана левая кисть.

По медленно обвел глазами взбудораженных слушателей и положил руки на стол ладонями кверху. На пальцах все увидели бурые пятна крови.

– Использовали большой острый инструмент – возможно, кухонный нож. Преступник, похоже, изрядно помучился... Неумело кромсал руку, пока наконец отрезал.

– Отрезал уже после того, как убил, конечно? – спросил Эллери.

– Точно не скажу, но скорее всего так. Если б убийца ее резал, когда еще билось сердце, крови было бы гораздо больше.

– Острых предметов в комнате ты не видел?

– Нет. Там ничего нет. И отрезанной руки тоже. Во всяком случае, я не заметил.

– Значит, убийца забрал все с собой, – пробормотал Эллери себе под нос, крепко сжимая тонкие пальцы. – Зачем он это сделал?

– Потому что он сумасшедший! Спятил! – воскликнула Агата.
Эллери негромко фыркнул:
– Вполне может быть. Или он любитель очень плохих шуток... То, что он сделал, – это намек. Аллюзия на события, происшедшие на этом острове в прошлом году.
– А-а...
– На «квартетное убийство» в Голубой вилле. Одна из жертв, Кадзуэ Накамура, тоже была задушена, и у нее отрезали левую кисть.
– Но зачем преступнику это понадобилось, Эллери?
– Какой план стоит за этим намеком?
Тот пожал плечами.
– Ладно, поехали дальше. По, ты можешь сказать, когда примерно наступила смерть?
– Я заметил небольшие трупные пятна. При проверке пульса выявились первые признаки трупного окоченения. Пальцы на правой руке разжались сравнительно легко, значит, окоченение еще не затронуло суставы. Если еще принять во внимание свертываемость крови... Я бы сказал, что с момента смерти прошло четыре-пять часов. Орци умерла между семью и восемью часами, или, если взять шире, между шестью и девятью. Как-то так. Но я не очень в этом разбираюсь, так что не принимайте мои слова за истину в последней инстанции.
– Я тебе верю, – оскалив зубы, как обезьяна, рассмеялся Карр. – Ведь ты наследник владельца большой больницы, да еще звезда медфака нашего универа... Если, конечно, ты сам не убийца.
По, промолчав, даже не взглянул на Карра.
– У кого-нибудь есть алиби на это время – между шестью и девятью? – обратился ко всем Эллери. – Никто не заметил чего-нибудь, что могло иметь отношение к этому делу?
Ответа не последовало.
– Может, у кого-то есть мысли о мотиве убийства?
Взгляды Леру, Вана и Агаты обратились на Карра.
– Понятно, – проговорил Эллери с таким видом, будто смирился с неизбежностью. – Получается, только Карр. Но это при условии, что мы говорим об очевидных мотивах преступника.
– Что?! С какой стати я?!
– Орци тебя отшила. Скажешь, нет?
Карр глотнул воздуха и прикусил губу, на которой тут же выступила кровь.
– Послушай, Эллери! Будь Карр убийцей, он ни за что не стал бы

наводить порядок, – усмехнулась Агата. – Он – единственный, кто никогда этого не сделал бы.

3

– Сволочи...

Карр, сидевший на скале и не сводивший глаз с поднимавшегося из моря Кошачьего острова, сплюнул на землю. Не боясь запачкать руки, грубо вырвал пучок сорняков и принялся обрывать с него листья.

– Вот ведь сволочи... – повторил он со злобой. Ветер унес сорванные листья и заставил их плясать над морем.

Они всегда каждый по себе, каждый делает, как ему лучше. И объединяются, только чтобы навалиться на меня всем вместе. Этот По со своей болтовней... Что он о себе возомнил?

«Не одному мне хотелось получше рассмотреть труп Орци и место убийства, – думал Карр. – Эллери, например, прямо-таки из кожи вон лез, чтобы порасследовать. Леру тоже, да и Ван... А получилось, что По всех подмял под себя. Они хоть понимают, как это может быть опасно?»

Даже шум волн, накатывавших внизу на берег, действовал ему на нервы. Карр еще раз сплюнул, поджал губы и стукнул кулаком по колену.

А все Орци! Все из-за нее. Она меня отшила? Просто я умирал со скуки и решил поболтать с ней немножко. А она подумала, что я всерьез, и возомнила о себе невесть что... Дурная коза! Вообразила бог знает что. Хм-м... Чтоб я из-за такого убил человека...

Скрючившись на скале, Карр тупо смотрел перед собой, полный злости и унижения.

* * *

– Лодку мы здесь не найдем. Срубить деревья и сделать плот тоже не сможем – инструментов нет. Но даже если каким-то образом нам это удастся, сомневаюсь, что мы доберемся на нем до большой земли. Ван, сигарету хочешь?

Чтобы найти способ связаться с большой землей, обитатели острова, за исключением Карра, решили разделить на две группы и обследовать место, где оказались. По, Ван и Агата вошли в первую группу. Они исследовали часть острова между южным и восточным берегами.

По дал Вану сигарету, закурил сам и с грустным видом скрестил руки на груди.

– Единственное, что можно сделать, – это развести костер в надежде, что кто-то его заметит.

– А заметят ли? Кроме того... – Ван тоже закурил и посмотрел в небо. – Погода неустойчивая, к вечеру дождь может пойти.

– Плохо дело. Ну почему мы на всякий случай не продумали, как связаться с миром?

– Что сейчас об этом говорить? Кто мог предполагать, что здесь случится такое... – Плечи Вана опустились. – Даже температура сразу спала. Но я поверить не могу...

– Я за все время ни одной рыбацкой лодки не видела, – посетовала Агата.

Затянувшие небо облака бросали мрачные тени на простирившееся вокруг острова море.

– Это еще ничего не значит. Рыбаки могут появиться в любую минуту. Надо поставить здесь смотрящих. Будем дежурить парами, в три смены.

– Ни за что! – воскликнула Агата. Она была на грани истерики. – Остаться с кем-то один на один? А может, он убийца!

– Ну, давайте по трое.

– Тогда уж есть смысл всем дежурить, Ван. Рыбаки могут проплывать мимо по пути из порта и обратно – вечером или на рассвете.

– Вовсе не обязательно.

– Я вообще думаю, что надежды на рыбаков мало. Шансов, что они нас заметят, почти нет. Когда мы сюда плыли, старик сказал, что районы промысла лежат дальше к югу, так что рыбацким судам нечего делать вблизи острова.

– А что еще мы можем сделать? Где дрова для костра?

– Да, это проблема... – По оглянулся на сосновую рощу. – Одни сосны. Сырое дерево плохо горит. Можно, конечно, насобирать сухих иголок и поджечь, но хватит ли их, чтобы костер заметили с большой земли? Сомневаюсь. Остается ждать, что кто-то проплывет мимо.

– Что с нами будет? – Агата посмотрела на По и Вана. В глазах ее стоял страх. Она превратилась в тень яркой, уверенной в себе девушки.

– Все обойдется. Как-нибудь.

По легонько похлопал Агату по плечу и смущенно улыбнулся в бороду. Но страх не покидал ее.

– А вдруг Орци убил ты или Ван?

Не говоря ни слова, По вынул из пачки новую сигарету.

– Или Карр, или Леру, или Эллери...

Агата была бледной как смерть, лицо ее дрожало:

– Это кто-то из вас убил Орци. Убил и отрезал ей руку.

– Подожди, Агата. Но с таким же успехом в число подозреваемых можно включить и тебя, – с непривычной для него резкостью проговорил Ван.

– Это не я. – Агата повернулась к лесу и положила голову на руки. – А-а... не могу поверить! Неужели всё на самом деле? Ван, По! Орци вправду умерла? Убийца среди нас?

* * *

– Знаешь, Леру, а ведь все может быть совсем не так, как мы думаем.

– А как?

– Очень просто. Возможно, на острове прячется кто-то еще.

– Да ну?

Побывав в бухте с причалом и осмотрев скалы, прилегавшие к обгоревшим остаткам Голубой виллы, Эллери и Леру шли через рощу по узкой тропинке. Они направлялись в северную часть острова, обращенную к Кошачьему острову.

– Что ты хочешь сказать, Эллери? – Леру остановился, чтобы получить ответ на свой вопрос.

– Есть вероятность, что преступление совершил не кто-то из наших, а некто посторонний, – обернувшись к Леру, проговорил Эллери и слабо улыбнулся. – Или ты предполагаешь, что убийцу надо искать среди нас?

– Не надо так шутить. Но кто может прятаться на острове?

– Я думаю, Сэйдзи Накамура, – как бы мимоходом бросил Эллери.

– Ого!

– А чему ты удивляешься?

– погоди! Сэйдзи Накамура был убит в прошлом году.

– Могла произойти ошибка. Ты об этом не думал, Леру? Тело Накамуры, которое нашли полгода назад, – типичный пример «обезличенного трупа». И потом, есть же садовник, пропавший без вести в то же время...

– То есть убийца – Сэйдзи, а труп, найденный на пожарище, не его, а садовника?

– Точно. Обычный перевод стрелок.

– Ты хочешь сказать, что Сэйдзи жив и приехал на остров?

– Не исключаю. Хотя, возможно, он здесь живет.

– Живет?!

– Помнишь, что позавчера рассказывал старый рыбак? Иногда в Десятиугольном доме появляется свет. И зажигает его Сэйдзи.

– Разве можно всерьез воспринимать все эти истории про призраков? Где мог спрятаться Сэйдзи, когда на остров понаехали полицейские и журналисты? Или где сейчас его укрытие?

– Потому мы и обследуем остров. Чтобы понять. Вот, заглянули в сарай, где хранились лодки. Ничего подозрительного. Конечно, главное для нас – найти способ связаться с большой землей, но было бы неплохо заодно поискать следы присутствия здесь еще кого-то, кроме нас. Поэтому я за то, чтобы осмотреть еще и Кошачий остров.

– И все же я не могу поверить... Сэйдзи – убийца?

– В самом деле? Я тебе говорил, что окно в комнате Орци не было закрыто на шпингалет. Можно предположить, что Орци забыла запереть окно и кто-то забрался в него снаружи.

– А дверь почему была открыта?

– Преступник открыл ее изнутри, после того как убил Орци. Чтобы проникнуть в холл и приклеить к двери табличку.

– Странно это... Откуда постороннему человеку было знать, что ты положил таблички в ящик на кухне?

– Таблички запросто мог приготовить тот самый неизвестный. Попасть в дом – нет проблем, замок на входной двери сломан. Любой может зайти в холл и выйти. Сэйдзи мог вчера утром разложить таблички на столе, дожидаться, пока мы проснемся, и наблюдать за нами через окно в кухне. Или же кто-то из нас с ним заодно.

– Как такое может быть?

– Леру, мы сейчас обсуждаем то, что может быть в теории. Ты, конечно, фанат детективного жанра, но воображения тебе явно не хватает.

– Детективные романы и реальность – разные вещи, Эллери-сан. Зачем Сэйдзи Накамуре нас убивать? Какой у него мотив?

– Кто знает...

Тропинка вывела их к площадке, где скалы круто обрывались в море. Там они увидели Карра. Заметив их, тот отвернулся и встал.

– Эй! Может, хватит изображать из себя героя-одиночку? – окликнул его Эллери.

Карр, даже не обернувшись, решительной походкой направился к роще.

– Тяжелый случай...

Эллери прищелкнул языком:

– Все сейчас на взводе. Да еще я лишнего наговорил... Но Карру, похоже, моя личность не нравится. Он смотрит на меня как на врага.

– Мне кажется, я знаю, в чем причина, – сказал Леру, глядя вслед удаляющемуся Карру. – Знаешь, Эллери, ты всегда – даже в такие моменты, как сейчас, – такой спокойный, равнодушный и смотришь на всех как бы со стороны...

– Я вправду кажусь тебе таким?

– Да. Не сочти за лесть, но у меня к тебе что-то вроде уважения. А вот Карр другой, у него все наоборот. Он старше. Думаю, он тебе завидует.

– Вот оно в чем дело... – С безразличным видом Эллери зашагал к морю. – Смотри, как все заросло. Отсюда мало что разглядеть можно.

Эллери имел в виду Кошачий остров, лежащий впереди.

Леру остановился рядом и, поглядывая под ноги, произнес:

– Да, там двоим-троим не спрятаться. И обрыв... стена почти отвесная.

– У него может быть лодка. Расстояние небольшое, достаточно маленькой резиновой лодки. Где-то оттуда, от скал, отчалить и... Вон, смотри! – сказал Эллери. – По тому склону можно подняться?

– Думаю, можно.

Глядя на темневший в белых барашках волн Кошачий остров, Леру пытался привести в порядок мысли.

«В самом деле, полностью отрицать вероятность присутствия на острове кого-то еще, как считает Эллери, нельзя, – размышлял он. – Возможно, этот человек где-то прячется и хочет нас убить. Однако привязывать к этой гипотезе Сэйдзи Накамуру – слишком смело. Какова вероятность того, что он жив? И даже если жив, почему он должен желать нашей смерти?»

Это совершенно невозможно.

Леру медленно покачал головой.

«Этого просто не может быть, – думал он. – Хотя ...»

Что-то не давало ему покоя, шевелилось в уголках памяти. Он должен вспомнить. Но что именно?

Волны, бившиеся внизу о скалы, будоражили душу и смывали фрагменты его воспоминаний, стоило им только вынырнуть на поверхность из глубин памяти.

Леру решил не ломать больше голову и взглянул на Эллери. Тот с показным безразличием смотрел на море. Ему больше нечего было добавить.

Порывы ветра принесли с собой запахи сумерек.

«...Из-за прохождения фронта низкого давления, начиная с сегодняшней ночи, в течение суток ожидается облачная, но сухая погода. Послезавтра намечается улучшение погоды. А теперь о прогнозе в разных районах Кюсю...»

Синоптика, вещавшего из кассетника Леру, сменила горластая девушка-диджей.

– Хватит уже! Выключи ты его, Леру! Я больше не могу это слушать, – раздраженно попросила Агата.

Леру быстро нажал на кнопку кассетника.

Немудреный ужин прошел в тяжелом молчании. Шестеро обитателей Десятиугольного дома сидели за столом, освещенным керосиновой лампой. Место напротив двери комнаты Орци оставалось незанятым. Табличка с надписью: «Первая жертва» по-прежнему висела на двери. Клей оказался таким прочным, что отодрать ее никак не получалось.

Молчание прервала Агата, нарочито веселым голосом обратившаяся к Эллери:

– Может, покажешь нам какой-нибудь фокус?

– Хм?.. Ну да, конечно.

Эллери, в тишине перебиравший карты, перетасовал их, сложил в футляр и спрятал в карман.

– Ты зачем их убрал? Я же просила фокус показать.

– Затем и убрал, чтобы показать фокус.

– Ничего не понимаю.

– Фокус так начинается. – Эллери кашлянул и пристально посмотрел в глаза сидевшей рядом Агаты. – Готова? Задумай какую-нибудь карту. Любую из пятидесяти двух, кроме джокера.

– Задумать, и всё?

– Да. Задумай и не называй. Готово?

– Задумала.

– А теперь...

Эллери достал из кармана пиджака карты и, не вынимая из футляра, положил на стол. На красной «рубашке» был изображен велосипедист.

– Посмотри внимательно на колоду. Теперь думай о загаданной карте. Думай, думай... Назови ее в уме.

– Поняла. Просто думать и думать?

– Да... Ну всё, порядок. – Эллери взял со стола карты, переложил в

левую руку. – Итак, какую карту ты загадала?

– Можно говорить?

– Можно.

– Даму бубен.

– Та-ак... А теперь посмотрим, здесь ли она.

Эллери открыл футляр, вытянул из него карты, лежавшие лицом вверх, и стал не спеша раскрывать их веером.

– Дама бубен, говоришь? О!

Руки Эллери остановились, он глазами указал Агате на одну из карт, единственную из всей колоды повернутую «рубашкой» вверх.

– Видишь карту? Она одна такая.

– Ну да.

– Возьми и переверни ее.

– Ладно... Ой, вот это да!

Агата с сомнением взяла карту и положила на стол лицом вверх. Стоит ли говорить, что это была дама бубен?

– Не может быть! – Глаза Агаты округлились от удивления.

– Ну, как фокус? Ничего, да?

С улыбкой на лице Эллери сложил карты обратно в футляр и сунул в карман.

– Ну ты даешь, Эллери! Реально круто!

– Я разве тебе раньше не показывал, Леру?

– Нет, конечно.

– Это один из лучших моих фокусов.

– А вы с Агатой не сговорились?

– Вот еще.

– Правда?

– Все по-честному. А случайности тут быть не может. Шанс угадать, что Агата выбрала даму бубен, – один к пятидесяти двум.

Эллери достал из пачки «Салема» сигарету, закурил и глубоко затянулся.

– А теперь я вам загадку загадаю. Что такое: если смотреть сверху – то внизу, если смотреть снизу – то вверху?

– Что? – не понял Леру.

Эллери повторил свою загадку еще раз.

– Знаю, знаю! – захлопала в ладоши Агата. – Это единица. Иероглиф «один»^[18].

– Бинго! Правильный ответ.

– Единица? Никогда бы не догадался.

– Поехали дальше. Как вы прочитаете такую комбинацию букв – THNQ?

– Что это?

– Я вроде видел ее в одном магазине.

– А я недавно в банке наклейку с такой надписью видел, – сказал По, запихивая пачку «Ларк» в портсигар из березовой коры.

– Здесь нет гласных, но можно читать буквы и сочетания букв, как они произносятся. И что получится?

– *Thank you?*^[19]

– Точно!

– Ну ты загнул!

– Это что-то вроде шифра. – Эллери перевел разговор на другую тему. – Если говорить о шифрах, то первая книга, где появился шифр, – это Ветхий Завет. Книга пророка Даниила.

– Такая древность?

– В Японии, между прочим, тоже издавна использовались зашифрованные послания. Есть такой известный сборник «Дзоку соансю», в котором Кэнко Ёсида и монах Тон'а^[20] в стихах обмениваются вопросами и ответами. Вы что, в школе не проходили?

– Нет. А что там за шифр? – ответила Агата.

– Кэнко обращается к Тон'а:

Ё мо судзуси
Нэдзамэ-но карихо
Тамакура мо
Масо дэмо аки ни
Хэдатэ наки кадзэ^[21].

Если взять первые слоги каждой строки, получится «ёнэтамахэ». То есть Кэнко пишет: «Пришли мне, пожалуйста, риса». А последние слоги каждой строки в обратном порядке читаются как «дзэнимохоси» или: «Мне бы денег».

– Печальная история...

– И Тон'а отвечает:

Ёру мо уи си,
Нэтаку вага сэко,
Хатэ ва кодзу,

Находзари ни дани,
Сибаси тохимасэ^[22].

Проделаем аналогичную комбинацию со слогами и получим «ёнэханаси» и «сэнидзукоси»: «Риса нет, денег мало».

– Да-а, пришлось им голову поломать, чтобы придумать такое.

– Мне кажется, в «Цурэдзурэгуса»^[23] тоже есть зашифрованные стихотворения, только другого типа. Что там Орци?

Присутствующие слушали рассуждения Эллери с безразличным видом, но при упоминании имени Орци все как один чуть не задохнулись и застыли на месте.

– Ох ты! С языка сорвалось...

Эллери смутился, не знал, что сказать. Это было совсем на него не похоже.

За ужином установилось молчаливое согласие не упоминать о том, что случилось с Орци, но оговорка Эллери вернула всех к реальности, от которой было некуда скрыться. В холле повисла гнетущая тишина.

– Эллери, расскажи еще что-нибудь. – Это Леру попробовал прийти на помощь приятелю, который не знал, что сказать.

– А-а, да...

Будто насмехаясь над Эллери, с трудом пытавшимся вернуть на лицо свою всегдашнюю улыбку, Карр стукнул кулаком по столу:

– Агата,образи-ка нам кофейку.

Кинув на Эллери презрительный взгляд, Карр скривил губы в наглой усмешке. Колени Эллери судорожно дернулись, он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Агата его опередила:

– Пойду приготовлю. Я думаю, никто не откажется.

Она быстро встала и направилась на кухню.

– Вот так! – Карр смерил взглядом оставшихся. – Помянем сегодня несчастную Орци. И давайте перестанем притворяться, что ничего не случилось. И немного успокоимся.

* * *

– Вот кофе. Сахар и молоко добавляйте по вкусу. – Агата поставила на стол поднос с шестью темно-зелеными чашками.

– Извини, что тебе все время приходится с этим возиться, – сказал

Эллери, беря ближнюю к нему чашку. Остальные тоже потянулись к подносу. Агата взяла кофе себе и подвинула поднос с оставшейся чашкой сидевшему рядом Вану.

– О! Спасибо! – Тот положил наполовину выкуренную сигарету в пепельницу и обхватил руками десятиугольную чашку, будто хотел их согреть.

– Как самочувствие, Ван?

– Ничего, нормально. Послушай, Эллери, мы как-то вскользь об этом поговорили... Неужели и вправду нет способа связаться с большой землей?

– Похоже, что нет.

Эллери сделал глоток из чашки. Он пил кофе черным, не добавляя молока или сахара.

– На мысе J стоит маяк. Можно попробовать вечером помахать отсюда белым флагом. Хотя, я думаю, людей на маяке нет.

– Похоже на то.

– Тогда кто-то из нас должен рискнуть жизнью и попробовать доплыть до берега. Или надо соорудить что-то вроде плота.

– Как-то это все сомнительно...

– Может, разжечь костер? – предложил По.

– Вряд ли кто-то заметит с такого расстояния дым от сосновых иголок.

– На крайняк можно поджечь этот дом.

– Ну, это уж чересчур.

– Глупо и опасно. Между прочим, мы с По и Леру искали не только как связаться с большой землей, но и еще кое-что.

– Что же это?

– Искали, но пока не нашли, хотя и обшарили почти весь остров...

Стоп!

– Что такое?

– Голубая вилла... Остались еще развалины сгоревшей виллы, – пробормотал Эллери, прижимая палец к переносице. – Может, там был подвал...

– Подвал?

И в этот миг... прервав разговор По и Эллери, кто-то вдруг страшно застонал и рухнул на стол.

– Что случилось? – вскрикнула Агата.

Все повскакивали с мест. Стол заходил ходуном. Из недопитых чашек выплескивалась коричневая жижа. Ноги упавшего судорожно дернулись, как у сломанной механической куклы, и наподдали стул с такой силой, что тот опрокинулся. Цеплявшееся за стол тело медленно сползло на покрытый

голубой плиткой пол.

– Карр! – бросившись к нему, закричал По. Оказавшийся на его пути Леру пошатнулся и опрокинул свой стул.

– Что с ним? – воскликнул Эллери.

По заглянул в лицо распростертого на полу Карра и покачал головой.

– Понятия не имею. Может, хроническая болезнь какая? Кто-нибудь в курсе?

Никто не ответил.

– Плохо дело.

Изо рта Карра вырывалось слабое дыхание, больше похожее на резкий хрип. По положил большую ладонь ему на грудь.

– Помоги, Эллери. Надо, чтобы его вырвало. Скорее всего это яд.

Карр забился в конвульсиях, отталкивая руку По. Он скорчился на полу, свернувшись криветкой и выкатив белки глаз. Конвульсии повторились. Вместе с диким криком изо рта Карра изверглась бурая рвота.

– Он не умрет, правда? – спросила Агата, глядя на По полными ужаса глазами.

– Я не знаю.

– Ты сможешь ему?

– Я не знаю, чем его отравили. Но даже если бы знал, что тут можно сделать? Остается молиться, что доза не смертельная...

* * *

Той же ночью в половине третьего на кровати в своей комнате Карр испустил дух.

5

Ни у кого не осталось сил говорить. И причиной была не усталость – всех будто парализовало.

Смерть Карра отличалась от того, что произошло с Орци, – на сей раз человек мучился и умер ужасной смертью прямо на глазах у всех. Ощущение краха повседневности, обыденной жизни было настолько сильным, настолько осязаемо зримым, что, казалось, заморозило все чувства.

Агата и Леру с полуоткрытыми, как у впавших в детство, ртами тупо

смотрели в пространство. Ван, положив голову на руки, то и дело вздыхал. По, упершись взглядом в окно, не мог даже протянуть руку к портсигару. Неподвижное лицо Эллери с закрытыми глазами напоминало маску театра Но.

Лунный свет в застекленный десятиугольник на крыше не проникал.

Время от времени темноту прорезал луч маяка. Керосиновая лампа мигала, как живая. Слух ловил монотонный шум волн, накатывавших на берег и тут же отступающих обратно.

– Ладно, хватит. Я спать хочу, – отрезал Эллери, с трудом разлепляя глаза.

– Согласен, – вяло отозвался По.

После чего дали понять, что пришли в себя, остальные три невольных узника острова.

– Похоже, его отравили. Это все, что я могу сказать. Чем? Не знаю.

– Но какое-то предположение у тебя есть?

– Ну, судя по быстроте действия, это очень сильный яд. – По сдвинул густые брови. – Он вызвал затруднение дыхания и судороги, так что это скорее всего нейротоксин. Основные вещества этой категории – цианистый калий, стрихнин и атропин. Возможны также никотин, мышьяк или триоксид мышьяка. Однако атропин и никотин вызывают расширение зрачков, а этого я не обнаружил. Цианиды обладают характерным запахом миндаля, но его я тоже не почувствовал. Так что скорее всего мы имеем дело со стрихнином или мышьяком и его соединениями.

Шесть чашек с недопитым кофе по-прежнему стояли на столе. Агата не сводила с них взгляда, пока говорил По. Вдруг у нее вырвался смешок:

– Получается, что, кроме меня, других кандидатов на роль убийцы нет?

– Да, Агата, – сухо бросил в ответ Эллери. – Это и в самом деле ты?

– А ты поверишь, если я скажу, что нет?

– Вряд ли.

– Вот и я так думаю.

Они тихо рассмеялись. Все ощущали нелепость и абсурдность этого разговора.

– Может, хватит, вы? – сердито оборвал их По, сунул в рот сигарету и протянул портсигар Эллери. – Надо все серьезно обдумать.

– Знаю. Думаешь, мы просто так попридуриваться решили?

Эллери отодвинул березовый портсигар По и достал из грудного кармана рубашки свой «Салем». Вытянул сигарету, постучал фильтром по столу, чтобы табак лег плотнее, и сказал:

– Давайте начнем с фактов. Кофе попросил сам Карр. Пока Агата была в кухне, все мы сидели здесь. Ей понадобилось минут пятнадцать, чтобы вскипятить воду, приготовить кофе и вернуться в холл с подносом. Она поставила поднос на стол. Если быть точным, на подносе стояли шесть чашек с кофе, банка с сахаром, банка с сухим молоком и семь ложек – по одной на каждую чашку плюс ложка для молока. Верно, Агата?

Девушка покорно кивнула.

– Теперь, в каком порядке разбирали чашки, – продолжал Эллери. – Первым взял чашку я. Кто потом?

– Я, – сказал Леру. – Мы с Карром взяли почти одновременно.

– Потом я, – отозвался По.

– Потом я взяла чашку и подвинула поднос Вану. Так было, Ван?

– Точно.

– Еще раз: сначала я, потом Леру и Карр, По, Агата и Ван. – Эллери сунул сигарету в угол рта и поднес спичку. – Теперь подумаем, кто мог положить яд в чашку Карра. Прежде всего Агата...

– Но чашка с ядом могла достаться и мне. И у меня не было возможности заставить Карра взять именно ту чашку, – спокойно возразила Агата. – Что мне надо было сделать, будь я убийцей? Положить в кофе яд и самой раздать чашки.

– Кстати, ты все время так и делала. А почему в этот раз решила по-другому?

– Просто не захотелось, и всё.

– Ага. Но я вот что должен сказать, Агата: вовсе не обязательно, что убийца хотел убить именно Карра. Его конечная цель – ликвидировать всех нас. Поэтому не имеет значения, кто стал «Второй жертвой».

– Ты хочешь сказать, что Карр вытянул короткую спичку?

– Мне кажется, это наиболее логичный вывод. Карр сидел один, по обе стороны рядом с ним никого не было. Следовательно, после того как он взял чашку, никто уже не мог положить в нее яд. Это могла сделать только ты.

– Яд мог быть в сахаре или молоке.

– Это вряд ли. Ведь ты добавил молоко в свой кофе, помнишь? Сахар тоже исключается. Карр, как и я, ничего в свою чашку не клал, пил черный. И ложкой не пользовался.

– Погоди, Эллери, – вставил слово Леру. – Я видел, как Агата готовила кофе. Дверь на кухню была открыта, и мой стул стоял как раз напротив. С него были очень хорошо видны ее руки. Тем более что на столике горела свеча. Ничего подозрительного она не делала.

– Хорошо, что ты сказал, но это не может считаться решающим свидетельством. Учитывая расстояние между этим столом и столиком в кухне, ты мог что-то упустить из виду. Ты же, наверное, не следил за Агатой с самого начала?

– Извини.

– Тебе не в чем извиняться.

– Я о другом. Вообще-то я наблюдал за Агатой все время.

– Леру? – Глаза Агаты округлились от удивления.

Тот отвернулся и робко повторил: «Извини».

– Но это же... как сказать? Тот, кто убил сегодня утром Орци, находится среди нас. А вдруг это Агата? Что ели на ужин? Крекеры, консервы, сок, а все равно как-то было не по себе, страшновато. Я смотрел на тебя, Эллери, как ты спокойненько все это поглощаешь, и думал: «Хоть бы обошлось».

– Правда? – На губах Эллери мелькнула улыбка. – Значит, ты абсолютно уверен, что Агата не убийца?

– Ну...

– Карр мертв. Кто-то дал ему яд. Это факт. Ты ведь не скажешь, что он покончил с собой?

– Ну...

– Я же уже говорила, Эллери: отравленный кофе мог с таким же успехом достаться мне. Как я могла этого избежать? И я свой кофе выпила.

Эллери сунул докуренную сигарету в десятиугольную пепельницу и несколько раз моргнул.

– Мы имеем всего шесть чашек. Отравленную можно было легко запомнить. Ты взяла чашку и передала последнюю Вану. Окажись чашка с ядом среди двух последних, ты уступила бы ее Вану. А если б отравка досталась тебе, ты просто не стала бы ее пить.

– Это не я! – Агата замотала головой. Ее длинные волосы разлетались во все стороны, белые пальцы, хватавшиеся за край стола, мелко дрожали.

– Эллери! – тихим голосом проговорил Ван. – Будь это Агата, разве она не могла выбрать для убийства другой случай, не такую невыгодную для себя ситуацию, когда она первой попадает под подозрение? Она не настолько глупа. Как думаешь, По?

– Согласен, – сказал По и повернулся к Эллери. – В холле единственный источник света – лампа на столе. И вряд ли все следили друг за другом, когда разбирали чашки с подноса.

– Ты это к чему, По?

– Эллери, первым взял чашку ты. А потом мог быстренько бросить в

другую чашку заранее приготовленный яд. Как тебе такой вариант, фокусник?

– Ха-ха! Заметил, значит? – Эллери горько усмехнулся. На лице его не было и тени смущения. – Что я могу сказать по этому поводу? Только то, что я этого не делал.

– Не можем же мы просто на слово поверить. Однако могло быть и по-другому. К примеру, Карру могли подсыпать яд до того, как мы стали пить кофе.

– Медленно растворимая капсула?

– Точно.

– Но в таком случае главным подозреваемым становишься ты, доктор. Если подумать, профану трудновато раздобыть отраву вроде мышьяка или стрихнина. А По у нас учится на медицинском, Ван – на естественных науках, Агата – на фармацевтическом. Только мы с Леру гуманитарии. К лабораториям, полным сильнодействующими лекарствами и ядами, никакого отношения не имеем.

– Яд может достать любой, было бы желание. Как препараты хранятся у нас в лабораториях – курам на смех. На сельскохозяйственном и инженерном факультетах то же самое. Достаточно сделать вид, что ты «местный», и никто тебя не остановит. Я уж не говорю, что кто-то рассказывал о своих родственниках, у которых аптека в О. Уж не ты ли, Эллери?

Тот присвистнул:

– Ну и память у тебя!

– В принципе нет никакого смысла сидеть и гадать, откуда взялся яд. – По тяжело подался вперед. – Коли на то пошло, есть еще один вариант, как в чашке мог оказаться яд. Не могу поверить, что он не приходил вам в голову. Его могли положить в одну из чашек заранее. В таком случае это мог сделать любой из нас.

– Верно. – Эллери откинул назад упавшую на лоб прядь волос и улыбнулся.

Агата недоуменно уставилась на него:

– Ты знал это?

– Конечно. Не надо считать меня дураком.

– Ну ты даешь! И продолжал обвинять меня в убийстве?

– Я и остальных собирался подразнить, как тебя.

– Ты ненормальный!

– Но у нас и ситуация ненормальная; было бы странно, если б я себя вел нормально.

- Знаешь...
- Кстати, Агата, хочу у тебя спросить.
- Что на этот раз?
- Просто хочу уточнить. Ты вымыла чашки, перед тем как начать готовить кофе?
- Нет.
- Когда их мыли в последний раз?
- Мы пили чай после осмотра острова. Помните? Тогда я их вымыла и поставила на столик в кухне...
- Вместе с седьмой чашкой, из которой пила Орци?
- Нет, ее чашку я поставила на полку. Мне тяжело было на нее смотреть.
- Хм. Хорошо. Выходит, очень может быть, что чашка была отравлена заранее. Кто угодно мог зайти вечером на кухню и мазнуть ядом одну из шести чашек. Это мог сделать любой.
- Но послушай, Эллери, – сказал Леру, – а как, по-твоему, убийца отличил отравленную чашку? Ведь из чашек пили все.
- Должна быть какая-то отметина.
- Отметина?
- Ну да. Может, лак откололся или краска поблекла, – сказал Эллери и потянулся к темно-зеленой чашке Карра.
- Ну как? Есть что-нибудь?
- Секундочку... Да-а, странно. – Эллери удивленно поднял голову и передал чашку Леру. – Глянь. Вроде ничем от других не отличается.
- Правда?
- Может, трещинка какая-нибудь? – спросила Агата.
- Ничего. Хочешь, в микроскоп посмотрим?
- Брось ты свои шутки. Дай-ка... – Чашка перешла в руки Агаты. – Ты прав. Никаких меток.
- Значит, заранее чашку не подготовили?
- Эллери пригладил волосы. Было видно, что сомнения его не оставили.
- Итак, остается три варианта: убийца – Агата, убийца – я или убийца – неизвестный, отравивший Карра с помощью капсулы с ядом.
- Кто бы ни был убийцей, мы здесь не можем установить его личность и способ, каким было совершено преступление, – заявил По.
- Эллери снова взял в руки чашку Карра, которую Агата поставила на стол, и стал пристально ее рассматривать.
- Если убийца – чужак, ему отметина не нужна.
- Что ты сказал, Эллери?

– Да нет, это я так... – Он отвернулся. – Что меня смущает, так это мотив. Думаю, мы должны признать, что убийца Орци и Карра и тот, кто разложил на столе таблички, – один и тот же человек. Это значит, что он – или она – в самом деле собрался лишить жизни по крайней мере пятерых. Пятерых – это если «Детектив» не станет «Шестой жертвой».

– А какой мотив... – пробормотал Леру, вяло качая головой.

– Мотив должен быть, – решительно заявил Эллери. – Каким бы диким он ни был.

– Да он просто свихнулся! Спятил! – взвизгнула Агата. – Разве поймешь, что у психа на уме?

– Спятил... – повторил за ней Эллери и поднял левую руку, чтобы посмотреть на часы. – Скоро утро. Что делать будем?

– Надо поспать. С тяжелой головой все равно ни до чего не договоримся, ответов не найдем.

– Согласен, По. Я тоже больше не могу.

Потирая глаза, Эллери, пошатываясь, встал со стула и, уперев руки в бока, направился в свою комнату.

– погоди! – остановил его По. – Может, будет лучше, если мы ляжем все вместе?

– Ни за что! Я не хочу! – Агата обвела всех испуганным взглядом. – Что, если рядом ляжет убийца... Руки протянет и задушит. У меня от одной этой мысли мороз по коже!

– Сомневаюсь, что убийца решится на такую глупость – душить кого-то при всех. Его же сразу схватят.

– Ты уверен, что он этого не сделает, По? Мне будет не легче, если вы поймаете его после того, как он меня убьет. – Агата, чуть не плача, вскочила с места, опрокинув стул.

– Подожди!

– Нет! Я никому из вас не верю.

Агата бросилась в свою комнату. Молча глядя ей вслед, По тяжело вздохнул:

– Да-а, довели девочку...

– Ну что сделаешь... – Эллери развел руками и пожал плечами. – Честно говоря, я согласен с Агатой. Буду спать один.

– Я тоже, – присоединился Леру. Его глаза за стеклами очков покраснели.

Следом поднялся Ван, оставив По одного. Взъерошив волосы, тот сказал, обращаясь ко всем:

– Дверь закройте.

– Будет сделано, – отозвался Элери, бросая взгляд на двустворчатую дверь, ведущую в прихожую. – Даже мне умирать страшновато.

Глава 6

День третий

Большая земля

Надвигались сумерки.

Небо над морем затягивали тучи. Такааки стоял на пирсе, глядя на плывущие вдали смутные очертания острова, как бы растворявшиеся в волнах. Внизу, куда вела лестница, маячила долговязая фигура Симады, который, присев рядом с собравшимися на берегу ребятами, мешал им ловить рыбу.

В конечном счете Такааки и Симада оказались в городке S.

Жив ли Сэйдзи Накамура? Вчера они ответили для себя на этот вопрос и приехали в S в надежде отыскать какой-нибудь ключ, который подтвердил бы их догадку. Им также хотелось взглянуть на Цунодзиму.

Полдня они расспрашивали местных жителей и рыбаков, но их добычей стали лишь несколько избитых историй о призраках. Не найдя ничего, что могло бы хоть как-то продвинуть вперед их расследование, «сыщики» решили передохнуть и выбрали это место, в стороне от порта.

Такааки сунул в рот сигарету, присел и вытянул ноги. Прислушиваясь к шуму волн, накатывавших на берег, он смотрел на Симаду, одетого в голубые джинсы и оливковый блузон. Тот забавлялся с удочкой, позаимствованной у юных рыбаков, и беззаботно смеялся. Симаде уже было под сорок, но сейчас никто не дал бы ему столько.

«Вот чудак!» – глядя на него, думал Такааки и вспоминал чувство неловкости, которое вдруг появилось у него прошлой ночью во время разговора Симады и Морису. Он глубоко вздохнул.

Симада и Морису – совершенно противоположные по характеру люди. Симада – ян, Морису – инь. В глазах интроверта Морису, смотрящего на все чересчур серьезно, бесшабашные поступки Симады, руководствовавшегося личными пристрастиями и интересами, выглядели проявлением легкомысленного любопытства. Кроме того, Симада был много старше Морису и Такааки, что, возможно, являлось еще одним раздражающим фактором. В свою очередь, Симаде Морису казался эдаким пай-мальчиком, мешавшим ему получать удовольствие от жизни.

– Симада-сан! Пора возвращаться! – прокричал Такааки с пирса. – Обратно больше часа идти.

– Ну, раз так...

Симада вернул детям удочку, помахал рукой на прощание и быстро взбежал по лестнице на своих длинных ногах.

– Любите детей?

– Ну да, – не колеблясь, ответил Симада. – Здорово все-таки быть молодым, правда?

Они шли рядом по дорожке вдоль дамбы, защищающей берег от моря.

– Сегодня мы так ничего и не узнали.

– Это как сказать. – Симада с усмешкой прищурился. – А истории про призраков?

– Но это же просто болтовня, какую везде можно услышать. Когда кто-то умирает при необычных обстоятельствах, сразу начинаются разные страшные истории.

– А вот и нет. Как ни странно это звучит, но я думаю, что в этих страшилках может быть спрятана правда.

У дороги крепкий загорелый парень ловкими движениями приводил в порядок рыболовную сеть. На вид ему не было и двадцати. В старании, с которым он делал свое дело, проглядывало что-то невинное, детское.

– Знаешь, Конан-кун, – сказал Симада, – я очень надеюсь, что призрак Цунодзимы не тронет твоих приятелей, точнее – бывших приятелей.

– Что вы хотите сказать?

– Что этим призраком может оказаться человек, которого все считают умершим. То есть Сэйдзи Накамура. Он жив и находится на острове. А ваших экс-приятелей угораздило туда явиться.

– Но ведь...

– Извините, – вклинился в их разговор незнакомый голос.

Они удивленно оглянулись – и увидели его обладателя, того самого парня, чинившего сеть.

– Вы – знакомые студентов, которые уплыли на остров? – громко спросил он, не выпуская сети из рук.

– Точно, – тут же отозвался Симада, быстро подходя к парню. – А ты их знаешь?

– Мы с отцом отвезли их на остров. Должны забрать оттуда во вторник.

– Интересно, – живо проговорил Симада и присел на корточки рядом с парнем. – Ты ничего странного не заметил, пока вы туда плыли?

– Вроде нет. Они что-то так завелись из-за этого острова, хотя какого черта там интересного, не понимаю.

Парень говорил простым, грубым языком, но глаза его, смотревшие на

Симаду, светились дружелюбием. Он провел рукой по коротко стриженным волосам и, улыбнувшись толстыми губами и показав белые, как снег, зубы, спросил:

– Рассказами про призраков интересуетесь?

– Угу, чем-то в этом роде... Слушай, а тебе случалось видеть призраков?

– Не-а, не видал. Все это туйфта. Не верю я ни в каких монстров.

– Монстры и призраки – разные вещи.

– Точно?

– А на какого призрака я намекаю, знаешь?

– На того мужика? На Сэйдзи Накамуру? Говорят, там и жена его бродит...

– А тебе не приходило в голову, что этот самый Сэйдзи Накамура живой и прячется на Цунодзиме?

Парень изумленно захлопал глазами:

– Живой? Не умер, что ли? Так он и есть призрак?

– Может, и не умер, – вполне серьезно проговорил Симада. – Взять, к примеру, рассказы об огнях в Десятиугольном доме. Вдруг их Сэйдзи зажигает? Вот люди говорят, что кто-то его видел. Куда больше оснований думать, что он жив, чем рассуждать о призраках. Скажешь, не так? И потом, у острова моторная лодка с рыбаками утонула. Что, если Сэйдзи их убил, потому что они его увидели, и лодку утопил?

– Ну прям умора, честное слово, – парень хохотнул. – Эта трепотня про лодку... Я сам видел, как она перевернулась.

– Что?

– В тот день были высокие волны. Я их предупреждал, чтоб не плыли. Чего там делать, у острова-то? Все равно, кроме мелочи, ничего не возьмешь. Но они не послушались и поплыли. Даже не успели к острову подойти, как волна их захлестнула. Старики потом говорили, что призрак лодку утопил, но это был просто несчастный случай... И еще вы сказали, что призрак убил рыбаков, но на самом-то деле никто не утонул. Всех, кто был в лодке, спасли.

Такааки, стоявший рядом и слушавший разговор Симады с молодым рыбаком, не выдержал и рассмеялся. Симада недовольно надул губы:

– Ладно, давайте не будем о лодке. Но я все-таки думаю, что Сэйдзи может быть жив.

– То есть он живет на острове? А что он там ест?

– Может, у него моторка, и он прячет ее где-нибудь... А время от времени приезжает на ней купить еду.

– Ну, не знаю... – Парень наклонил голову.

– Думаешь, это невозможно?

– Кто знает... Попробовать ночью подойти к мысу J с другой стороны, может, и получится. Люди там почти не бывают. Но привязанную у берега лодку рано или поздно кто-нибудь заметит.

– Возможно, он ее где-то прячет. Короче, если море не штормит, на моторке переправиться можно?

– Ага. В такую погоду, как сейчас, даже с подвесным мотором дойдешь без проблем.

Симада удовлетворенно фыркнул и вскочил:

– Спасибо, друг, за ценную информацию.

– Во как! Смешной ты, дядя...

Симада помахал парню и направился к машине, припаркованной у дороги. Такааки пустился вдогонку.

– Ну что, Конан-кун? – довольно усмехнулся Симада. – Хороший улов, скажи?

Что в разговоре Симады с молодым рыбаком можно считать «хорошим уловом», Такааки не очень понимал, но по крайней мере было ясно одно: Симада по-прежнему не исключает, что Сэйдзи Накамура не умер.

– Да, – подыграл ему Такааки и, глядя на погружавшееся в сумерки за волнорезом море, подумал: «Их зачем-то понесло в роковое место. Хотя, может, это и не такой уж опрометчивый поступок».

Тем временем черная тень Цунодзимы тихо растворилась в полумраке.

Глава 7

День четвертый

Остров

1

Он услышал голоса.

Не очень громкие, не очень близкие. Знакомые интонации, привычные оттенки. И фоном звуковой эффект – нестихающий плеск воды. Волны? Да, шум волн...

Он медленно выкарабкивался из сна. И вот...

Он открыл глаза, и в тот же миг почувствовал, как тело на пропахшем пылью матрасе вздрогнуло и напряглось, расставаясь со сном.

Он нашарил рукой очки и лег на спину. Теперь белый потолок был виден четко. Он устало вздохнул.

Я в Десятиугольном доме.

В висках пульсировала боль. С каждым толчком в голове всплывали разные картины, вспоминать которые ему совсем не хотелось.

Осторожно поворачивая голову из стороны в сторону, будто это не голова, а хрупкая ваза, он встал с кровати, вяло оделся. Подошел к окну, отстегнул ремешок, фиксирующий оконные ручки, поднял шпингалет и распахнул окно вместе со ставнями.

Перед ним была заросшая травой лужайка. Накренившиеся сосны. Низкое небо, будто вымазанное бледной тушью.

Он поднял отяжелевшие руки, вытянул их вперед и сделал глубокий вдох. Набрав в грудь свежего воздуха, закрыл окно, опустил шпингалет и закрепил ремешок на ручках, после чего вышел из комнаты.

Голоса, которые он слышал, принадлежали Эллери и Вану, сидевшим в холле. Агата и По тоже уже были на ногах и что-то готовили в кухне.

– С пробуждением, Леру. Рад видеть тебя целым и невредимым, – проговорил Эллери без всякого намека на юмор и указал куда-то за его спину.

– Что такое? – Леру обернулся, машинально коснулся пальцем оправы круглых очков и...

Вторая жертва

Вот что он увидел на двери комнаты Карра. Пластмассовая табличка была прикреплена на уровне глаз поверх таблички с именем, как и в случае с Орци.

– Да-а... убийца работает на совесть. Вот до чего дошел! Радуетя, поди...

Леру отступил на шаг и взглянул на Эллери, сидевшего на стуле, положив одну длинную ногу на другую.

– Ты ведь клал оставшиеся таблички в выдвижной ящик на кухне?

– Да. Предлагаешь их того... ликвидировать?

Эллери сложил лежавшие на столе таблички и подвинул к Леру. Тот пересчитал их. Шесть.

– Но...

– Ну да. Как видишь, табличка «Вторая жертва» никуда не делась. Все продумано. Убийца сообразил, что, когда что-то произойдет, мы, естественно, станем посматривать за табличками, пометим их как-то... Скорее всего у него еще один комплект. И еще... только Агате не говори... – Эллери понизил голос и поманил рукой Леру.

– Не говорить? Почему?

– Если ей так прямо сказать, у нее может крышу сорвать. Это произошло до того, как она проснулась, и мы с Ваном и По решили ей пока не говорить.

– О чем? Да говори же!

– А ты как думаешь?

– Понятия не имею.

– Нашел это По. Он проснулся где-то в полдень, пошел умываться, и что-то его подтолкнуло заглянуть в ванну. А там...

– Там что-то было?

– Да. В ванне лежала окровавленная рука. Кисть руки.

– Что?! – Леру прижал ладонь ко рту. – О-Орци?

– Не угадал.

– Но тогда чья это рука?

– Карра. Отрубили левую кисть и бросили в ванну.

– Ничего себе!

– Очевидно, убийца сделал это утром. Дождлся, пока мы все заснем. Комната Карра осталась незапертой. Любой мог проскользнуть туда и отрезать кисть у трупа. Даже Агата могла это сделать, дай ей только время.

– А сейчас рука где?

– Положили Карру в кровать. На полицию в ближайшее время рассчитывать не приходится, и мы не могли ее просто так оставить.

– Но зачем... – Леру прижал пальцы к пульсирующим вискам. – Зачем убийце это понадобилось?

– Снова намек на что-то? Но даже если...

Из кухни появились Агата и По и стали накрывать на стол. Спагетти, хлебный пудинг с сыром, картофельный салат и суп.

Леру присел и посмотрел на часы. Почти три пополудни.

За два дня он ел только один раз. По идее, должен был умирать с голода, но аппетита не было совсем.

– Леру, По не сводил с меня глаз на кухне, поэтому можешь есть спокойно. И посуду я всю вымыла. А может, ты думаешь, что мы с По сговорились? – саркастически усмехнулась Агата. Глаза ее опухли; похоже, она почти не спала. На лице, которого лишь чуть-чуть коснулась косметика, лежала печать усталости. Слегка подкрашенные розовой помадой губы поблекли.

2

После запоздалого обеда все пятеро направились к месту, где до пожара стояла Голубая вилла.

Участок площадью 330 квадратных метров, который раньше занимал дом, был покрыт пеплом и обгоревшими дочерна обломками кирпичей. Выгоревшую площадку окружали изумрудные сосны и побуревшие, лишившиеся листвы деревья. Небо затянули тяжелые тучи, потемневшее море волновалось.

Кругом было так мрачно и уныло, что хотелось выкрасить все белой краской.

К западу от Голубой виллы берег, обращенный к мысу J, круто обрывался в море, хотя обрыв был не так высок. Через сосны, окружавшие то, что оставалось от виллы, пролегалла короткая тропинка. Она вела к узкой бетонной лестнице, по которой можно было спуститься к скалам.

Четверо студентов стояли на краю обрыва и смотрели в море в надежде увидеть лодку или катер, приближающийся к острову, а еще один бродил в стороне по головешкам. Это был Эллери. Он осматривал пожарище, пиная ногами разбросанные обломки кирпича и то и дело нагибаясь.

– Что ты там делаешь, Эллери? – громко окликнул его Ван.

Тот поднял голову и улыбнулся:

– Ищу кое-что.

– И что же?

– Я же ночью говорил: подвал. «А вдруг...» – подумал я.

Другие недоуменно переглянулись и не спеша направились к Эллери, который, сгорбившись, ковырялся в обломках.

– Ага! – пробормотал он, берясь рукой за грязный, дочерна обгоревший обломок деревянной панели примерно метр на метр. – Эту штуквину кто-то двигал.

Похоже, это была часть сгоревшей стены, на ней еще кое-где оставались голубые плитки. Эллери попробовал поднять ее, и она подалась на удивление легко.

– Есть! – радостно воскликнул он.

Под панелью открылось квадратное черное отверстие. Вниз, в темноту, вела узенькая лестница из бетона. Сомнений не оставалось – это был вход в подвал сгоревшей Голубой виллы.

Эллери откинул в сторону деревянную панель, нетерпеливо вытащил из кармана куртки заранее приготовленный фонарь и сделал шаг вниз.

– Осторожнее! Смотри, как бы не обвалилось, – с волнением в голосе предупредил По.

– Да знаю я. Всё в пор...

Голос оборвался. Эллери резко наклонился вперед и с коротким криком рухнул в темноту, которая словно всосала его в себя.

– Эллери!

– Эллери?

– Эллери!

– Ты в порядке, Эллери?

Кричали все четверо. Ван бросился вперед, вслед за Эллери.

– Стой, Ван! Шею свернуть хочешь? – резко остановил его По.

– Но...

– Сначала я.

По выбросил сигарету, зажатую между пальцами, пошарил в кармане куртки и вынул фонарик в виде авторучки. Посветил в дыру и осторожно поставил ногу на ступеньку лестницы.

– Эллери! – крикнул он, но ответа не последовало. По неловко наклонился всем телом, сделал два шага вниз и вдруг резко остановился.

– Что за... – рыкнул он. – Здесь какая-то нитка! Эллери, должно быть, зацепился.

Тонкая прочная нить была натянута где-то на уровне голени взрослого

человека между какими-то трубами, проложенными по обе стороны лестницы. Заметить ее можно было, только как следует присмотревшись.

По осторожно переступил через преграду и поспешил вниз по лестнице. В темноте маячило желтое пятно света. Фонарь Эллери.

– Ван! Леру! Спускайтесь! За нитку не зацепитесь... Эллери?

Эллери лежал на полу, возле лестницы. По поднял его фонарь и направил луч под ноги спускавшимся в подвал Леру и Вану.

– Эллери! Ты как?

– Нормально, – послышался слабый голос распростертого на бетонном полу Эллери. – Ой! – Он застонал и схватился за правую лодыжку. – Похоже, вывихнул.

– Голова как? Не ударился?

– Не знаю...

Ван и Леру уже стояли рядом.

– Помогите, – приказал им По и взял Эллери за руку.

– Подожди, – проговорил тот, медленно поднимаясь с пола. – Я ничего, так что давайте посмотрим, что в подвале.

Леру взял у По фонарь и провел лучом по стенам и полу.

Площадь подвала была метров шестнадцать. Стены, потолок и пол – голый бетон, на котором закреплены трубы. У задней стены стоял какой-то большой агрегат – видимо, автоматический генератор. И больше ничего заслуживающего внимания. Всякие деревяшки, пыльные бутылки и банки, ведро, какой-то мусор... Короче говоря, хлам.

– Ничего особенного, как видишь, Эллери-сан.

– Ничего? – пробормотал Эллери. Он стоял, опираясь на плечи По и Вана, и следил глазами за лучом фонаря, как-то сразу воспрянув духом. – Ничего, говоришь, Леру? Посмотри-ка на пол повнимательнее.

Леру снова осветил на пол.

– Смотрите!

Возле лестницы в стене была встроена ниша с арочным сводом радиусом около двух метров. В отличие от остального помещения, заваленного мусором, в ней было чисто. Ни пыли, ни пепла, как ни странно.

– Как вам? Более чем странно. Будто кто-то все подмел.

На бледном лице Эллери появилась улыбка. Здесь, в подвале, она казалась не очень уместной.

– Здесь кто-то был.

– Ничего страшного. Главное, головой не ударился, – говорил По, осматривая лодыжку Эллери. – Легкий вывих, несколько синяков и царапин. Сделаем компресс, и за ночь все пройдет. Ты большой везунчик. Мог ведь шею сломать...

– В последнюю секунду успел как-то сгруппироваться. – Эллери покусал губы. – Вообще-то я дурака сваял, конечно. Облажался по полной, надо признать. Угодил прямо в его ловушку.

Все пятеро обитателей Цунодзимы вернулись в Десятиугольный дом.

Эллери сидел на полу, привалившись спиной к стене и вытянув ноги, в то время как По занимался его лодыжкой. Остальные никак не могли успокоиться и наблюдали за этой сценой стоя, хотя рядом стояли стулья.

– Думаю, дверь холла надо привязать изнутри веревкой. И никто не должен выходить наружу, особенно после захода солнца. За нами кто-то охотится.

– Эллери, я все не могу поверить... – Агата никак не могла прийти в себя после того, как по пути от Голубой виллы Эллери рассказал ей о своей версии, по которой преступником был Сэйдзи Накамура. – Как он мог остаться в живых?

– Подвал, мне кажется, это подтверждает. По крайней мере то, что мы там увидели, доказывает: еще совсем недавно там кто-то прятался. Он сообразил, что мы можем отыскать подвал и попытаться в него проникнуть. Устроил на лестнице ловушку. Не окажись я таким везучим, стал бы жертвой номер три.

– Всё! Готово, Эллери. – По закончил накладывать повязку и легонько хлопнул приятеля по ноге. – Сегодня постарайся поменьше ходить.

– Спасибо, доктор... Эй, ты куда?

– Хочу кое-что проверить.

По быстрым шагом пересек холл и исчез в дверях, ведущих в прихожую. Вернулся меньше чем через минуту.

– Я так и думал. Извини, – угрюмо протянул он.

– В чем дело?

– Нитка-то, оказывается, моя.

– Твоя? Как это?

– Рыболовная леска. Мои удочки и ящик с крючками и прочей дребеденью стоят в прихожей с первого дня. Катушка самой толстой лески исчезла.

– Вот так. – Эллери поставил левую ногу на пол, обхватил обеими руками колено. – Входная дверь здесь не запирается. Так что любой – Сэйдзи или еще кто-то – может спокойно войти в прихожую. Украсть леску проще простого.

– Однако, Эллери... – По присел на стул и закурил. – Я про то, что Сэйдзи жив и мочит тут всех подряд...

– Думаешь, я ошибаюсь?

– Я не говорю, что это нереально. Но сейчас мы не можем утверждать, что убийца – это кто-то со стороны. Я с этим не согласен.

– Хм-м... – Все еще прислоняясь к стенке, Эллери заглянул в заросшее бородой лицо По. – Наш доктор хочет, чтобы убийцей оказался один из нас. Такое у меня впечатление.

– Ничего я не хочу. Просто это кажется мне более вероятным. А посему я предлагаю всем вместе осмотреть все комнаты.

– Личный досмотр?

– Точно. Мы же знаем, что у убийцы должен быть еще один комплект табличек, левая кисть Орци, какой-нибудь нож... Может, еще и яд остался.

– Идея хорошая. Однако давай представим, что убийца – ты. Стал бы ты держать у себя в комнате такие штуки? Здесь полно места, чтобы спрятать так, что никто не найдет.

– И все же, на всякий случай...

– Послушай, По! – подключился к разговору Ван. – А тебе не кажется, что такой обыск будет скорее опасен, чем полезен?

– Опасен? Чем же?

– Предположим, убийца и в самом деле кто-то из нас пятерых. Он будет ходить по комнатам вместе со всеми. То есть мы предоставим ему шанс открыто проникнуть в любую комнату.

– Ван правильно говорит, – решила высказать свое мнение Агата. – Я не хочу, чтобы ко мне кто-то входил. Убийца может тайком подбросить таблички или еще что-то. Или еще какую-нибудь гадость подстроить...

– Что думаешь, Леру? – спросил По, скривив физиономию.

– Ничего. Просто я больше не могу в этом десятиугольнике. – Леру смотрел в пол, медленно качая головой. – Как кто-то уже сказал, в глазах плывет от одного взгляда на эти стены. И не только в глазах. В голове мутится, когда я все это вижу.

– Соль? Ты сама ее туда поставила, – нерешительно проговорил Ван, обращаясь к Агате, которая, попробовав суп, с блюдечком в руке искала что-то взглядом.

– А ты все следишь за мной. – Агата повернулась к нему, ее глаза были широко открыты. – Из тебя хороший надзиратель получится.

В ее голосе звучали равнодушие и сарказм, но совершенно не чувствовалось драйва. Мешки у нее под глазами стали заметны.

При тусклом свете лампы, принесенной из холла, Агата готовила на кухне еду, в то время как стоявший рядом Ван следил за каждым ее движением. Остальные сидели в холле, время от времени поглядывая в кухню в приоткрытую двустворчатую дверь.

Агата крутилась на кухне, стараясь выбросить из головы последние события. Но у нее ничего не получалось, все валялось из рук. Она ничего не могла найти.

– Вот сахар, – опять подсказал Ван.

Агата передернула плечами и уставилась на него большими глазами.

– Хватит! – пронзительно вскричала она, схватив за концы косынку, которой подвязывала волосы. – Если вы так боитесь есть, что я готовлю, жрите тогда консервы!

– Агата! Я ничего такого не имел в виду.

– Всё! С меня достаточно!

Агата схватила блюдо и метнула его в Вана. Блюдце задело руку юноши и врезалось в холодильник, брызнув осколками в разные стороны. На шум в кухню вбежали остальные трое членов Клуба детективов.

– Я знаю, что никого не убивала! – кричала Агата, сжав кулаки и дрожа, как лист осины на ветру. – Убийца кто-то из вас! И вы же еще за мной следите! Говорю вам: я не убийца!

– Агата! – воскликнули в один голос Эллери и По.

– Что? А если кто-нибудь при всем вашем идиотском надзоре, поев, вдруг умрет, вы же все равно станете обвинять меня! Вы из меня преступницу хотите сделать!

– Успокойся, Агата! – строго одернул ее По, делая шаг вперед. – Никто не собирается этого делать. Возьми себя в руки.

– Не подходи! – Агата шарахнулась от него, гневно сверкнув глазами. – Стой где стоишь! Я поняла: вы все заодно! Сговорились вчетвером и убили Орци и Карра! А теперь моя очередь?

– Агата! Да приди же ты в себя!

– Ладно! Раз вы хотите, я стану убийцей! Да! Если я – убийца, жертвы из меня не получится. О! Бедная Орци, несчастный Карр... да, да, я убийца.

Я убила их обоих, а теперь убью и вас!

Агата разбушевдалась – размахивала руками, брыкалась изо всех сил. Чтобы удержать ее, понадобились усилия четверых. Они оттащили ее в холл, насильно усадили на стул.

– Я не могу больше. Не могу...

Плечи Агаты опустились, она мертвым взглядом смотрела в пространство. Дрожа от страха всем телом, упала лицом на стол.

– Отвезите меня домой. Пожалуйста. Я устала. Я хочу домой.

– Агата!

– Я домой. Я к себе. Я вплавь...

– Успокойся, Агата. Сделай глубокий вдох.

По положил большую ладонь на спину Агате, успокаивая ее.

– Послушай, никто не обвиняет тебя в убийстве. И никто не собирается тебя убивать.

Словно капризный ребенок, Агата все качала головой, не отрывая ее от стола. Постепенно бормотание «я домой, я домой» прекратилось, превратившись в тихое всхлипывание.

Через какое-то время она вдруг подняла голову и проговорила монотонным и хриплым голосом:

– Надо готовить ужин.

– Не переживай. Кто-нибудь приготовит. А тебе надо отдохнуть.

– Нет. – Агата оттолкнула руку По. – Я не убийца.

5

Во время ужина никто не произнес ни слова. Потому что стоило кому-нибудь открыть рот, как речь неизбежно зашла бы о том, с чем им всем пришлось столкнуться на острове. Молчание было своего рода спасением от угрожающей реальности. Или же все молчали, чтобы не раздражать Агату, которая еще до конца не оправилась от шока.

– Мы всё уберем. Пойди отдохни, – мягко предложил ей По.

Агата, обычно избегавшая курить на людях, с отсутствующим видом следила за дымком, поднимавшимся от ее сигареты. Она с отсутствующим взглядом повернулась к По.

– Если не можешь заснуть, у меня таблетки есть. Выпей и ложись.

В глазах Агаты мелькнула настороженность:

– Таблетки? Не буду.

– Да чего ты боишься? Это просто снотворное.

- Не буду. Ни за что.
- Хорошо. Смотри внимательно, Агата...

По открыл кожаную сумку, висевшую на спинке стула, и достал маленький пузырек. Вытряс на ладонь пару белых таблеток, разломил каждую пополам и вложил две половинки в руку Агаты.

– Сейчас я у тебя на глазах проглочу свои половинки. Тебе нечего бояться.

Агата молча посмотрела на лежавшие в раскрытой ладони таблетки и вяло качнула головой.

– Вот и молодец!

На бородатом лице По появилась неловкая улыбка, и он тут же закинул в рот свою порцию таблеток.

– Видишь, со мной всё в порядке. Теперь ты.

– Я никак не могу уснуть. Не получается...

– Ничего удивительного. Нервы.

– Сегодня утром я будто слышала голос Карра. Как бы издалека. А потом задремала, и вдруг из его комнаты донесся какой-то непонятный звук.

– Понимаю. Вот выпьешь снотворное и ночью будешь спать спокойно.

– Правда?

– Конечно. Сразу уснешь.

Агата наконец положила в рот таблетки, закрыла глаза и проглотила.

– Спасибо...

Она бросила на По лишенный жизни взгляд и улыбнулась:

– Спокойной ночи, Агата. Не забудь запереть дверь.

– Да-да. Спасибо тебе, По.

Агата скрылась в своей комнате, и у всех оставшихся в холле в унисон вырвался звук, похожий на вздох.

– Ну ты голова, По! Быть тебе знаменитым доктором. – Эллери улыбнулся, помахивая сигаретой, зажатой в тонких пальцах. – Просто бесподобно! Саму мадемуазель Агату обработал! Завтра того и гляди еще и кто-то из нас к тебе в пациенты запишется.

– Да хватит тебе! Не до шуток сейчас.

– А мне вот хочется пошутить. – Эллери пожал плечами. – С серьезностью перегибать не стоит, так и свихнуться недолго. Тем более что меня сегодня чуть не убили.

– А вдруг ты это сам нарочно подстроил?

– Что?.. Ну если ты серьезно, ничего не поделаешь. Но ведь это представление могла устроить и Агата.

– Если преступник – один из нас, им может быть каждый. Шансы равны у всех, – заявил Ван, грызя ногти. – Единственный, кто знает про себя, что он не убийца, это он сам. И ему ничего не остается, как самому себя защищать.

– А-а... Но почему это все произошло?! – Схватившись за голову, Леру швырнул очки на стол.

– Ты-то не собираешься впадать в истерику, надеюсь?

– У меня на это здоровья не хватит, Эллери-сан. Но почему убийца начал все это безумие? Кто-то из нас, Сэйдзи Накамура... какой, к чертям собачьим, у него может быть мотив?!

На лице Леру с маленькими круглыми глазками было написано отчаяние.

– Мотив, говоришь? – пробормотал Эллери. – Должен быть какой-то.

– Я не верю в версию, что убийца – Сэйдзи, – с раздражением бросил Ван. – Сэйдзи Накамура жив только в воображении Эллери. Даже если это так, Леру прав: зачем Сэйдзи понадобилось нас убивать? Это же не шутки.

– Сэйдзи...

Всякий раз, когда Леру слышал или называл это имя, его охватывало странное беспокойство. Это чувство появилось накануне со словами Эллери, что Сэйдзи Накамура, возможно, не умер.

В стеклах очков Леру, лежавших на столе, отражались дрожащие язычки пламени керосиновой лампы. Глядя на них, он пытался что-то извлечь из чувства тревоги, которое никак не хотело его отпускать. Воспоминание... Но никак не мог вспомнить. Ко всему этому примешивалось что-то еще, какое-то гораздо более свежее воспоминание, волновавшее его еще больше.

«Что же это?» – раз за разом спрашивал себя Леру.

Свежий эпизод, имеющий отношение к чему-то, что произошло уже после их прибытия на остров. Не сознавая того, что видит, он видел где-то что-то чрезвычайно важное...

– По!

Боль, которая мучила Леру, как он проснулся, по-прежнему стучала в голове. «На сегодня хватит, надо идти спать», – подумал он.

– Послушай, можно и мне таблетку?

– Конечно. Но еще только восьмой час. Ты уже спать?

– Да. Голова все не отпускает.

– Ну, тогда я тоже пойду. – По передал Леру пузырек с таблетками и с сигаретой во рту поднялся. – На меня таблетки уже действуют.

– По, а мне не дашь? – попросил Ван, не спеша вставая со стула.

– Держи. Одной достаточно. Они довольно сильные. А ты как, Эллери?

– Обойдусь. Я и без ваших таблеток сплю нормально.

Через какое-то время лампа на столе погасла, и в холле Десятиугольного дома воцарилась тьма.

Глава 8

День четвертый

Большая земля

1

– Мне правда можно с вами? – на всякий случай решил переспросить Такааки. – Как-то неудобно...

Они ехали из О в Камэгаву. Сидевший за рулем Симада, не сводя глаз с дороги, несколько раз кивнул в знак согласия.

– Да всё нормально. Вы были знакомы с Тиори, плюс, если можно так выразиться, ты – сторона, пострадавшая от писем с угрозами. И потом, раз уж ты так далеко забрался, вряд ли захочешь, чтобы тебя отодвинули в сторону. Так ведь?

– Так-то оно так, но...

У Такааки не выходили из головы слова, которые позапрошлой ночью сказал Морису. Можно ли ради удовлетворения собственного любопытства вмешиваться в жизнь других людей? Хорошо ли это?

Симада говорил, что они с Кодзиро гораздо более близкие приятели, чем могли подумать Такааки и Морису. И что соображения и подход Морису к делу, которым они занялись, немного устарели.

Настрой Симады был Такааки понятен. По правде сказать, его тоже поставила в тупик неожиданная щепетильность Морису, который сначала с удовольствием принимал участие в их дедуктивной игре. И все же Такааки чувствовал себя очень неловко – опять заявиться к Кодзиро, всего через три дня после первого визита... Разве это не нахальство?

– Ну, если ты такой робкий, Конан-кун, сделаем вид, что за последние три дня мы так закорешились, что нас теперь водой не разольешь. И теперь я везде таскаю тебя за собой против твоей воли. Так лучше будет? – с серьезным видом предложил Симада.

«Все-таки он занятный мужик», – думал Такааки.

Дело не в том, что Симада сгорал от любопытства. Такааки был уверен, что этот человек значительно превосходит его в наблюдательности, проницательности и умении разбираться в людях. Когда позапрошлой

ночью Морису предложил версию, что Сэйдзи Накамура жив, Симада, похоже, уже прокрутил ее в голове.

Решающее различие между Морису и Симадой состояло в том, что первый был странноватым консервативным реалистом, а второй – своего рода романтиком, эдаким мечтательным ребенком. Он давал волю своему буйному воображению, когда дело касалось предмета его интереса, и если открывалась некая возможность, которая приходилась ему по нраву, он сублимировал ее в подобие «мечты». Так Симада выглядел в глазах Такааки.

Возможно, по этой причине вопрос, совпадает ли его «мечта» с реальностью, имел для Симады второстепенное или даже третьестепенное значение.

Машина свернула с шоссе и покатила по знакомым городским улочкам.

Специфический запах, который стоит на курортах с горячими источниками, смешивался с ветерком, проникавшим в салон через наполовину опущенное стекло у пассажирского сиденья. Часто говорят, что на источниках пахнет тухлыми яйцами, но Такааки не имел ничего против сероводорода.

Они подъехали к дому Кодзио в начале четвертого.

– Должен быть дома, – буркнул себе под нос Симада, стоя у ворот. – Школа, где он работает, на весенних каникулах, да еще сегодня суббота. Он в выходные редко из дома выходит...

– А вы ему не звонили, чтобы предупредить, что мы приедем? – спросил Такааки.

Симада промычал что-то и покачал головой:

– Ко-сан любит неожиданных гостей.

– Да?

– Странно, скажи? Зависит, конечно, от гостя... Но я-то – близкий друг. – Симада подмигнул и рассмеялся.

Сад, за которым ухаживал Сэйити Ёсикава, приезжая из Адзиму, по-прежнему был в полном цвету. Из-за крыши дома выглядывали ветви сакуры с набухшими бутонами. Мелкие нежные лепестки спиреи осыпали их плечи, пока они шли к дому по выложенной камнем дорожке.

На сей раз дверь открыли быстро.

– О! Симада? И... Каваминами-кун? Правильно я запомнил?

Как и в прошлый раз, Кодзио был одет с иголочки. Черные брюки свободного покроя, рубашка в черную полосу и светло-кофейного цвета кардиган.

Он провел гостей в то же застеленное татами помещение в глубине дома, совершенно не удивляясь появлению Такааки.

Симада плюхнулся в стоявшее на веранде ротанговое кресло. Такааки дождался, пока хозяин предложит ему сесть, и устроился на одном из диванов.

– Ну, что у нас сегодня? – поинтересовался Кодзиро, готовя чай для гостей.

– Хотим спросить тебя кое о чем. – Симада подался вперед в кресле-качалке и поставил локти на колени. – Но сначала вопрос: где ты был позавчера?

– Позавчера? – Кодзиро бросил на Симаду недоумевающий взгляд. – Я сейчас сижу дома. В школе каникулы.

– Правда? Мы заезжали к тебе два дня назад, двадцать седьмого вечером, звонили, но ты не отозвался.

– Да-а, неудобно получилось... Мне скоро статью сдавать, поэтому я два-три дня делал вид, что меня нет дома, не отвечал на звонки.

– Так-то ты к друзьям относишься...

– Ну извини. Я же не знал, что это ты. – Кодзиро передал гостям чашки с чаем и уселся на диван напротив Такааки. – Так о чем вы меня спросить хотите? Судя по тому, что Каваминами-кун тоже здесь, это связано с дурацкими письмами, отправленными от имени моего брата.

– В общем, да. Но сегодня вопрос немного другой. – Симада вдохнул поглубже и продолжил: – Это касается погибшей Тиори.

Рука Кодзиро, подносящая чашку ко рту, замерла в воздухе.

– Тиори?

– Я задам дикий вопрос, Ко-сан. Если считаешь его непозволительным, можешь мне врезать, – сказал Симада и без околичностей поставил вопрос ребром: – Тиори, случаем, не твоя дочь?

– Ерунда какая. Что тебе в голову взбрело? – тут же ответил Кодзиро, но Такааки заметил, что на мгновение кровь отлила у него от лица.

– Значит, я ошибся?

– Разумеется.

– Хм-м...

Симада встал с кресла и подсел к Такааки. Ошарашенный вопросом приятеля, Кодзиро скрестил руки на груди. Симада, не сводя с него глаз, продолжил:

– Я понимаю, что это нахальство и оно тебя взбесило. Но я должен знать точно, Ко-сан. Тиори – ваша с Кадзуэ дочь?

– С чего ты это взял?! Вздор! Какие у тебя доказательства?

- Доказательств нет. Но факты шепчут мне об этом.
- Да брось ты.
- Позавчера мы с Конаном ездили в Адзиму. Встречались с женой пропавшего Сэйити Ёсикавы.
- С женой Ёсикавы? Зачем?
- Эти самые письма с угрозами подтолкнули нас к тому, чтобы немного покопаться в том, что произошло на Цунодзиме в прошлом году. И мы пришли к выводу, что Сэйдзи Накамура жив и именно он стоит за всем этим.
- Бред! Мой брат умер. Я видел труп.
- Полностью обгоревший?
- Ну...
- Это был труп Сэйити Ёсикавы. Настоящим убийцей был Сэйдзи. Он убил Кадзуэ, супругов Китамура, после чего сжег тело Ёсикавы, чтобы того приняли за него. Так что он жив.
- У тебя, как всегда, разыгралось воображение. И ты вообразил, что у меня была связь с невесткой?
- Ну как-то так, – признал Симада и с ходу продолжил: – Предположим, что убийца – Сэйдзи. Что толкнуло его на убийства? Ты как-то говорил мне, Ко-сан, что твой брат был без ума от Кадзуэ, даже чересчур заиклен на этом. Почему Сэйдзи, еще совсем не старый, решил уединиться на острове? Ты сам сказал: чтобы держать Кадзуэ при себе. Он хотел запереть ее на Цунодзиме. Из-за чего человек может убить любимую жену? Обычно из-за ревности.
- Но с чего ты решил, что у меня был роман с невесткой?
- Жена Ёсикавы рассказала нам, что Сэйдзи не очень-то любил свою дочь. И в то же время обожал Кадзуэ. Как же он мог не любить их общего с женой ребенка, дочь? Противоречие. Разве это не доказывает, что Сэйдзи по меньшей мере подозревал, что не он – отец Тиори?
- Брат был человек со странностями.
- Пусть так, но ведь он любил жену. Должна же быть какая-то причина не любить дочь, которую она ему родила, – решительно проговорил Симада. – Если принять эту гипотезу, кто настоящий отец Тиори? Некоторые факты указывают на то, что это ты. Что мы имеем? Заточённую на острове Кадзуэ. Молодого мужчину, у которого есть возможность вступить с ней в связь. И отношения между братьями, которые портятся, когда на свет появляется Тиори...
- Что ты плетешь, Симада? Хватит уже. Все это ерунда. Ничего такого не было, – сердито возразил Кодзиро, снимая очки в роговой оправе. – Еще

раз повторяю: мой брат умер. И я не имею никакого отношения к тому, что произошло на острове.

Кодзиро говорил решительно, но при этом избегал взгляда Симады. Его рука, лежавшая на колене, подрагивала.

– Тогда еще один вопрос, – сказал Симада. – Помнишь девятнадцатое сентября прошлого года, за день до того, как сгорела Голубая вилла? Вечером ты вдруг позвонил мне и предложил где-нибудь выпить, хотя практически не пьешь. Мы переходили из одного бара в другой, пока ты не набрался так, что еле держался на ногах. Мне казалось, что ты пытался утопить в алкоголе отчаяние.

– И что? Что ты хочешь сказать?

– Ты мертвецки напился и под конец залился слезами. Наверное, ты ничего не помнишь. Я отвез тебя домой, и мы заснули на этих диванах. Ты плакал и бормотал про себя: «Кадзуэ, прости! Прости меня!» Несколько раз это повторил.

– Но это...

Кодзиро изменился в лице. Симада не останавливался:

– Тогда я не обратил на это внимания – сам изрядно напился. И даже узнав, что произошло на Цунодзиме, не вспомнил о том вечере – у меня самого были тогда кое-какие проблемы. Но сейчас, оглядываясь назад... – Он тяжело вздохнул. – Ко-сан! Вечером девятнадцатого ты уже знал, что на Цунодзиме что-то случилось. Я прав?

– Но как... – Кодзиро отвел глаза. – Как я мог об этом узнать?

– Тебе об этом сообщил убийца, то есть Сэйдзи.

Симада не сводил с Кодзиро глаз.

– У тела Кадзуэ не хватало левой кисти. Сэйдзи ее отрезал и, как я думаю, прислал тебе, Ко-сан. Видимо, девятнадцатого ты и получил эту посылку. В полицию позвонить не мог – боялся скандала. Оставалось только напиться, залить горе.

– Я... я...

– Не знаю, что у тебя было с Кадзуэ. Да и не хочу знать. Даже если это стало причиной того, что Сэйдзи впал в безумие, у меня нет права кого-то судить. Но стоило тебе девятнадцатого обратиться в полицию, жизни мужа и жены Китамура и Ёсикавы, вероятно, удалось бы спасти. Твое молчание в тот день было преступлением.

– Преступлением? – тихо пробормотал Кодзиро и неожиданно встал со своего места.

– Ко-сан!

– Достаточно, Симада. Достаточно.

Кодзиро отвернулся от взгляда Симады и медленной разбитой походкой направился на веранду.

– Вот, – сказал он, указывая на увитый глицинией небольшой павильон в саду. – Я посадил ее в тот год, когда родилась Тиори.

2

Такааки, похоже, еще не было дома. Свет в его комнате не горел.

Кёити Морису взглянул на часы. Десять минут одиннадцатого. Не лег же он уже спать...

Морису оставил мотоцикл у подъезда и зашел в кафе на другой стороне улицы. Оно было открыто до двух ночи.

Обычно в этот час в нем собиралось много студентов, живших поблизости, но сейчас из-за весенних каникул здесь сидели всего несколько человек.

Морису занял место у окна, смотревшего на улицу. Заказал черный кофе и решил: «Допью и уеду, если Такааки не появится. В конце концов, совсем не обязательно дожидаться его сегодня. Можно и потом позвонить».

Он всегда быстро загорался и быстро остывал. Хватит уже этих игр в детективов. Он устал от них.

Закурив, Морису погрузился в размышления.

Любопытство в Такааки разбудило «письмо от мертвеца». Его оказалось достаточно, чтобы он завелся. А узнав, что в это же время на остров отправилась группа из Клуба детективов, он, естественно, не мог усидеть на месте. Потасился в Бэппу, побывал у Кодзиро Накамуры, явился к Морису за советом... Обычно на этой стадии Такааки уже терял интерес к делу. Такой у него характер. Однако на сей раз...

Перед глазами Морису всплыло лицо Киёси Симады. Им явно двигало не простое любопытство. Он человек умный и проницательный. Но его назойливое стремление дойти до сути, которое он сам считал вполне допустимым, претило Морису.

Само собой, такое письмо не могло не вызвать интереса. А учитывая любовь Симады к детективным романам, вполне естественно, что он решил покопаться в трагических событиях, происшедших в прошлом году. И тем не менее...

Теперь Морису оставалось только жалеть о том, что он предложил съездить к жене Сэйити Ёсикавы. Сказал, не подумав. Что творилось в душе Масако Ёсикавы, когда на нее свалились совершенно незнакомые

люди и стали расспрашивать о пропавшем муже, имя которого было запятнано подозрениями в убийстве?

Морису сам выдвинул версию, что Сэйдзи Накамура жив, выслушав рассказ Симады и Такааки о визите к Масако, но, если подумать хорошенько, это невозможно. Морису говорил об этом чисто гипотетически, чтобы поставить точку в глупой игре, затеянной парочкой любителей детективных историй.

Но на этом дело не кончилось. Симада стал думать над тем, что могло послужить мотивом убийств на Цунодзиме, и обратил внимание на отношения между Кадзуэ и Кодзиро. И додумался до того, что отцом Тиори может быть Кодзиро. Больше того, он собрался спросить об этом самого Кодзиро...

Горло саднило от сигаретного дыма. Помрачневший Морису хлебнул горького кофе. Прошло полчаса, Морису уже собрался уходить, и в эту минуту у дома Такааки остановилась машина. Красная «Мазда Фамилия». Разглядев силуэт вышедшего из нее человека, Морису встал из-за стола.

– Такааки! – выйдя из кафе, окликнул он приятеля.

Тот помахал в ответ.

– Так это ты... Я смотрю, мотоцикл вроде знакомый... Из нашего дома никто на внедорожных не ездит. – Такааки посмотрел на покрытый грязью мотоцикл – «Ямаха ХТ250», стоявший возле подъезда. – Ты специально ко мне приехал?

– Нет, просто проезжал мимо, – ответил Морису, хлопнул рукой по висевшему на плече рюкзаку и повел подбородком в сторону мотоцикла, у которого сзади, на багажнике, был привязан мольберт. – Сегодня снова был на Кунисаки. Вот сейчас еду домой.

– Как картина?

– Думаю, завтра на природе последний день. Приезжай посмотреть, когда закончу.

– А-а, Морису-кун...

Симада выбрался с водительского места «Мазды», с беззаботной улыбкой глядя на него. Голос Морису непроизвольно приобрел официальный тон.

– Добрый вечер. Куда вы сегодня ездили?

– Да вот Ко... нет, прокатились в Бэппу. Знаешь, мы с твоим приятелем сошлись характерами. Прямо душа в душу. Как раз собирались у него выпить слегка.

Вслед за Такааки Морису и Симада вошли в его комнату. Хозяин быстро свернул не убранные с утра футоны, разложил складной столик и

занялся напитками.

– Кёйти, ты как?

– Нет, спасибо. Я же на мотоцикле.

Симада сразу направился к книжным полкам и стал рассматривать корешки плотно расставленных книг. Наблюдая за тем, как Такааки раскладывал по стаканам лед, Морису спросил:

– Ну, как ваши дела?

– Хм-м, – уныло протянул Такааки. – Вчера мы ездили в S. Посмотрели с берега на Цунодзиму, послушали рассказы про странных призраков...

– Про призраков?

– Ну да. Старые истории о призраке Сэйдзи на острове – то ли он есть, то ли его нет.

– О!.. А сегодня? Вы ж не просто так катались, наверное?

Такааки конфузливо скривил губы:

– Ну, вообще...

– Вы ездили к господину Кодзиро?

– Да. Извини, что не послушали твоего совета.

Такааки, смешивавший виски с водой^[24], остановился и опустил голову.

Морису вздохнул и подался вперед, заглядывая в лицо приятеля.

– И каков результат?

– Теперь мы в целом знаем, что произошло на острове в прошлом году. Господин Кодзиро нам рассказал. Симада-сан, ваш виски готов.

– Хочешь сказать, что вы знаете правду об этом деле? – спросил пораженный Морису.

Такааки кивнул и сделал глоток из своего стакана.

– И какая же она, эта правда?

– Это было задуманное Сэйдзи самоубийство.

И Такааки начал свой рассказ.

– Я посадил ее в тот год, когда родилась Тиори.

Голос Кодзиро едва заметно дрогнул.

– Глицинию? Почему?

Симада вопросительно наклонил голову набок, но тут же пробормотал, как бы про себя: «А-а, понятно», – и повернулся к Такааки, сидевшему с

непонимающим видом.

– Это «Гэндзи моногатари»^[25], Конан-кун.

– Гэндзи?

– Угу. Я прав, Ко-сан? – обратился Симада к стоявшему на веранде Кодзиро. – Хикару Гэндзи, который был долго влюблен в жену своего отца, Фудзицубо, в конце концов соединился с ней. Хотя они были вместе всего одну ночь, Фудзицубо забеременела, и парочка продолжала предавать и обманывать мужа и отца.

Для тебя, Кодзиро, жена брата, Кадзуэ, была твоей Фудзицубо. Родилась Тиори, дитя греха. Ее рождение сблизило вас еще больше – и в то же время разделило навсегда. Сердце, тоскующее по любимой, подтолкнуло тебя к тому, чтобы посадить здесь глицинию^[26]. Фудзицубо всю жизнь не могла забыть о грехе, совершенном вместе с Гэндзи, и не смогла себя простить. Твоя возлюбленная, как Фудзицубо, тоже... Я верно излагаю?

– Ты всегда говорил, что тебе нравится «Гэндзи моногатари», поэтому...

Симада встал с дивана и подошел к Кодзиро, стоявшему к нему спиной:

– Сэйдзи узнал о вашем романе?

– Нет. Я думаю, у брата были лишь подозрения. Одна половина его что-то подозревала, а другая – отчаянно старалась отмести эти подозрения, – ответил Кодзиро, по-прежнему глядя в сад. – Брат был невероятно талантлив, хотя по-человечески ему чего-то не хватало. Он очень любил мою невестку, но это была, как бы сказать... искривленная любовь, переросшая в безумное желание одному обладать ею. Мне так кажется.

Скорее всего он все это знал. Знал, что для Кадзуэ он плохой муж. Поэтому был постоянно объят тревогой, всегда подозревал ее. Мне кажется, Тиори вызывала у брата что-то вроде страха. Но другая его половина старалась верить, хотела верить, что Тиори все-таки его дочь. Эта половина его личности все еще верила в связь с женой, что и поддерживало его разум в состоянии баланса целых двадцать лет.

Но вот умирает Тиори. Неожиданная смерть дочери, в которую, несмотря на все свои страхи, брат всегда старался верить, разрывает единственную нить, связывавшую брата с женой, и с головой погружает его в пучину сомнений. Жена его не любит, ее сердце не с ним, а с его родным братом. Он страшно мучается, страдает и, наконец, ломается... И убивает

ее собственными руками.

Кодзиро стоял, не оборачиваясь и не сводя глаз с решеток павильона, которые начали покрываться молодыми листочками.

– На Цунодзиме произошло самоубийство, которое спланировал мой брат.

– Самоубийство?

– Ну да. Ты прав, Симада. В тот день, девятнадцатого сентября, после обеда я действительно получил посылку от брата. В ней была окровавленная кисть левой руки, запечатанная в пластиковый пакет. Я узнал кольцо на безымянном пальце и сразу понял, что случилось.

Я позвонил на Голубую виллу. Брат тут же взял трубку, будто ждал звонка. И сказал – в его голосе не было ни слез, ни смеха: «Кадзуэ моя навсегда. Оба Китамура и Ёсикава решили умереть за меня. Это их подарок нам с Кадзуэ на прощание...»

Он совершенно свихнулся. Это все, что я понял. Меня он совсем не слушал, без умолку молот несуразицу – что они наконец переходят в новую стадию, что великий мрак их благословляет, что я должен беречь подарок, который он мне послал. А потом повесил трубку.

Брат не может быть жив. Это точно. Даже если остается какая-то физическая вероятность, с точки зрения психологии такое просто невозможно. Он умер не потому, что убил мою невестку. Он не мог так жить дальше, поэтому и забрал ее с собой.

– Но ведь, Ко-сан...

– Послушайте, вы оба. Сэйдзи Накамура мертв. Покончил с собой. Пара дней, прошедших после убийства жены до его самоубийства, понадобилась ему вовсе не для того, чтобы отомстить мне, послав отрезанную руку Кадзуэ, и заставить меня страдать. На самом деле он оставил себе это время, чтобы подержать в объятиях тело жены, которая при жизни была за пределами его досягаемости.

Кодзиро умолк. Со спины теперь он стал казаться как-то меньше и старше. Стоял, не шевелясь, и смотрел в сад. «Что он там видит? – думал Такааки. – Любимую женщину, которую убил муж? Лицо брата-убийцы? Или трагически погибшей дочери?»

Симада оказался прав: Кодзиро – отец Тиори. А если так, значит, человек, который должен ненавидеть студентов, доведших Тиори до смерти...

– Ко-сан! Еще об одном хочу спросить. – Симада прервал тяжелое молчание. – Что ты сделал с рукой Кадзуэ? Где она?

Кодзиро молчал.

- Послушай, Ко...
- Понятно. Ты просто хочешь знать, как оно было, и полиции ничего не расскажешь. Так? Я знаю, Симада.
- С этими словами Кодзиро еще раз указал на стоявший в саду павильон.
- Она там. Рука похоронена под глицинией.

* * *

- Все, как ты говорил, Кёити. – Такааки осушил еще одну порцию виски. – Вы уж меня извините, Симада-сан, но, мне кажется, мы задавали вопросы, которые не должны были задавать. Мне из-за этого неловко.
- Морису продолжал молча курить.
- Кодзиро-сан утверждал, что Сэйдзи Накамура мертв. Думаю, так оно и есть. Остался единственный вопрос – эти письма.
- Куда же делся Сэйити Ёсикава? – как бы у самого себя спросил Морису.
- Мне кажется, что Симаду-сан этот вопрос тоже интересуется, но тело не найдено. Я думаю, Ёсикава просто упал в море и его унесло течением, – сказал Такааки и покосился на Симаду. Он сидел, прислонясь спиной к стене, со стаканом в руке и читал книжку, которую взял с полки. Слушал он разговор двух приятелей или нет, непонятно. – В любом случае... – Такааки, щеки которого покраснели от выпитого, легонько хлопнул в ладоши. – Хватит нам играть в детективов. Может, на будущей неделе, во вторник, когда ребята вернутся с острова, мы узнаем, кто написал эти письма.

Глава 9

День пятый

1

Он чувствовал себя как должно человеку, которому всю ночь снились кошмары. Вспомнить, о чем были сны, не получалось, но ему было страшно.

Он сбросил одеяло на пол. После беспокойной ночи рубашку будто корова жевала – он лег в постель не раздеваясь. Все тело было липким от пота, зато рот и горло пересохли. Губы потрескались и болели.

Леру сел на кровати и, обхватив себя руками, какое-то время медленно покачивал головой вправо и влево.

Головная боль утихла. Зато голова вдруг потяжелела и будто онемела. Сознание затянула легкая пелена. Казалось, расстояние, отделяющее его от окружающего мира, непомерно увеличилось. Реальность будто растворилась в воздухе.

Свет, сочившийся сквозь неплотно задернутые шторы, давал понять: ночь прошла.

Отяжелевшими руками Леру поднял с пола одеяло и укрыл им колени.

В затуманенной голове возник квадратный экран, напоминающий засвеченный кадр киноплёнки, – черные разводы по углам и белое пятно посередине. На экране одно за другим крупным планом появлялись лица его приятелей, с которыми четыре дня назад он высадился на этом острове.

Эллери, По, Карр, Ван, Агата, Орци. Все они, включая его самого, каждый по-своему, предвкушали ожидавшее их маленькое приключение. По крайней мере такое чувство было у Леру. Свобода на необитаемом острове. Любопытство, вызванное разыгравшейся здесь осенью драмой. Ощущение легкой тревоги, щекочущее нервы... Даже если они столкнутся с какими-то трудностями, думал он, это станет для них хорошей встряской, и неделя пролетит незаметно. Но на деле все оказалось совсем по-другому...

Короткие редкие волосы. Большие бегающие глаза под тонкими густыми бровями. Красные щеки, усыпанные веснушками. Вдруг лицо наливаются, багровеет, по нему пробегает дрожь, оно искажается. Наконец

мышцы расслабляются, и впившийся в шею тонкий прочный шнурок превращается в скользкую ядовитую черную змею.

О! Орци, Орци, Орци...

Леру сжал кулаки и стукнул себя по голове. Он не хотел больше ничего вспоминать.

Однако кинопроектор продолжал крутиться, будто подчиняясь чьей-то чужой воле. Изображение на экране не исчезало.

Кривая усмешка на лице с приподнятыми уголками рта. Синий от щетины подбородок. Пустые широко открытые глаза с полоской белка между зрачком и нижним веком. Очередь Карра. Его широкое в кости тело извивалось от боли. Стол ходил ходуном. Опрокинулся стул. Страшные конвульсии, рвота и...

– Но почему? – прошептал Леру. – Зачем все это?

Фигура Эллери, летящего в темноту подвала. Мрачный голос По. Бледное лицо Вана. Впавшая в истерику Агата...

Убийца – кто-то из оставшихся в живых. А может, другой человек, прячущийся где-то на острове?

Эллери предположил, что Сэйдзи Накамура жив. С чего вдруг человек, с которым они ни разу не встречались, которого никогда не видели, стремится всех их убить?

На экране в голове Леру появилась темная тень. Контуры ее были размыты – будто тело человека колыхалось под водой.

Сэйдзи Накамура – строитель Десятиугольного дома. Человек, который, как говорят, сгорел на Голубой вилле в сентябре прошлого года. Если он жив, то именно он совершил убийства на острове.

Сэйдзи Накамура. Накамура... Накамура...

– Ах! – непроизвольно вырвалось у Леру. – Накамура?

Темная тень стала медленно принимать форму. Пока Леру пытался восстановить в памяти то, что пряталось в глубине его еще не проснувшегося до конца сознания, эта тень превратилась в маленькую девушку с белоснежной кожей.

Нет! Не может быть...

Он еще не проснулся? Тиори Накамура – дочь Сэйдзи? Неужели это возможно?

Леру еще раз стукнул себя по голове.

Город. Ночь. Толкотня. Холодный ветер. Пивнушка, где собрались на вечеринку. Огни, отражающиеся в стаканах. Звон ледяных кубиков. Запах алкоголя. Шум, гвалт. Балдеж. И потом... комедия вдруг превращается в трагедию. Общее замешательство. Вой сирены, режущий слух и сознание.

Вращающийся красный маячок, бьющий в глаза...

– Этого просто не может быть, – вымолвил Леру. Ему хотелось заглушить тревожный шум в ушах, который становился все громче.

Однако шум не утихал. Наоборот, он продолжал нарастать, приобретая угрожающую тональность. От возрастающей тревоги и нетерпения все тело покрылось потом. Маячок на крыше «Скорой помощи», символизировавший все происходящее, словно вопил, запуская острые шипы в его нервы.

Леру обхватил голову руками. Это становилось невыносимо; хотелось закричать во все горло.

Неожиданно на экране появилась совершенно иная картина. Звуки и огни исчезли.

«О-о!.. Что это?» – подумал Леру, как о чем-то постороннем.

Что это? Где? Это море. Он слышал его шум. Совсем близко. Запах прилива. Рябь на воде. Волны, накатывающие на черные скалы и отступающие назад, оставляя за собой белый след. Что это? Где?

Так это же было вчера.

Леру сбросил с колен одеяло. Страх ушел. Будто кто-то отодвинул тяжелый занавес, скрывавший часть его сознания.

Он видел эту картину вчера. Они стояли на круче у Голубой виллы, высматривая рыбацкие лодки. Это был скалистый выступ внизу, под кручей. Они с Эллери спускались к нему два дня назад. И тогда же, если память не изменяет...

Возникло ощущение, словно что-то овладело им.

Он понимал, что мозг еще не проснулся до конца. В голове мелькнуло: «Идти одному опасно», – но эта мысль тут же утонула в тумане, укутывавшем его сознание.

Леру медленно встал с постели.

* * *

Агата осторожно приоткрыла дверь и выглянула в холл.

Никого. Похоже, еще никто не проснулся.

За ночь она хорошо отдохнула. Спасибо таблеткам, которые дал По. Спала как убитая и без сновидений. По крайней мере она ничего не запомнила. Ее сон был на удивление крепким и освежающим, особенно если учесть положение, в котором все они оказались.

Усталость ушла, Агата чувствовала себя отдохнувшей. Расшатавшиеся

нервы тоже пришли в порядок.

Надо будет поблагодарить По.

Агата на цыпочках вышла в холл и осторожно, присматриваясь и прислушиваясь, вдоль стенки направилась в ванную.

Пространство холла Десятиугольного дома даже в свете наступившего утра казалось причудливо искривленным. Взгляд Агаты приковывали замысловатые тени, теснившиеся на белых стенах и мешавшие ей оглядеться как следует.

Судя по всему, все действительно еще спали. Единственным нарушителем тишины был непрекращающийся шум волн.

Агата вошла в ванную комнату, оставив дверь приоткрытой и не забыв во избежание неприятных сюрпризов заглянуть в туалет и закуток, где стояла ванна.

Она встала у туалетного столика и посмотрела в зеркало. В полутьме на нее смотрела фигура в белом платье.

Круги под глазами уже были не такими темными. Однако за время, проведенное на острове, она заметно осунулась и побледнела. С таким лицом, обрамленным растрепанными сухими волосами, вид у нее был настолько запущенный, что Агата даже засомневалась, она ли это.

Глубоко вздохнув, девушка принялась расчесывать волосы. Вспомнила о происшедших на острове убийствах, а также о непотребном представлении, которое она устроила перед всеми накануне вечером, и снова вздохнула.

Она всегда хотела выглядеть красиво и достойно. Всегда, независимо от того, в какое время и в каком месте. И всегда гордилась тем, что она такая.

Но умытое лицо, смотревшее сейчас на нее в зеркало...

Красивым его не назовешь. Достоинства ни капли.

На Агату накатила волна безысходности.

«Надо накраситься поярче», – подумала она, открывая косметичку. Ненормальные убийства, ненормальная ситуация, ненормальные мысли... Единственное утешение для женщины на фоне этой сумасшедшей неправильной реальности.

Пусть сегодня будет красная помада, а не розовая.

Для нее уже не имело значения, как она будет выглядеть в чужих глазах на этом острове. Ее беспокоило лишь то, как она смотрится в зеркале.

Ван проснулся от писка будильника в наручных часах.

Ого! Десять уже? Надо вставать.

Плечи страшно затекли. Все суставы болели. Выспаться толком не получилось. А ведь так хотелось...

Глаза опухли. Он легонько прижал кончики пальцев к векам и почувствовал тошноту.

Интересно, остальные еще спят?

Ван сел на кровати, закурил и прислушался. Дым попал в легкие, сразу закружилась голова. Он был истощен физически и психологически и хорошо понимал это.

Удастся мне выбраться отсюда живым?

Глядя в пустое пространство, Ван погрузился в раздумье.

Честно говоря, ему было страшно. Очень страшно. Была бы возможность, он расплакался бы, как ребенок, и убежал домой...

Дрожь пробежала по телу Вана, он погасил сигарету и встал с кровати.

Выйдя в холл, заметил, что одна из дверей, через две комнаты слева, приоткрыта. Это была дверь в ванную, дальше за ней располагалась кухня.

«Кто-то уже проснулся», – подумал Ван.

Но почему-то ничего не слышно. Наверное, кто-то ходил в туалет и не закрыл дверь.

Дверь ванной открывалась в сторону кухни. Ван шагнул к двери, обходя справа стоявший посередине холла стол. Слух не улавливал ни звука.

Проводя левой рукой по обтянутым голубой тканью спинкам стульев, он двигался вокруг стола. С каждым шагом сердце колотилось все сильнее. Он подошел ближе. Теперь уже можно было видеть, что находится там, за приоткрытой дверью. И он увидел...

– А-а! – вырвалось у Вана. Крик получился сдавленный, словно его душили. По всему телу пробежала дрожь. Ноги как бы приросли к полу.

За дверью, возле умывальника лежало что-то белое.

Платье, отороченное тонким кружевом. Бессильно вытянутая худая рука. Черные волосы, разметавшиеся по полу. Это было бездыханное тело Агаты.

– А!.. А!..

Ван застыл на месте, прижав правую руку ко рту. Где-то глубоко внутри шла отчаянная борьба между рвотными позывами и желанием

заорать во все горло. Голос не слушался Вана.

Вцепившись рукой в спинку стула, он скрючился и в такой позе на трясущихся ногах поплелся к комнате По.

* * *

Бешеный стук в дверь заставил По подскочить на кровати.

– Что?! Что случилось?!

Ему потребовалось всего мгновение, чтобы стряхнуть с себя сон, откинуть одеяло, вскочить с кровати и броситься к двери.

– Кто это?! Что случилось?!

Ответа не было.

Стук оборвался, и вместо него под дверью кто-то заскулил. По торопливо отодвинул щеколду и повернул ручку. Но дверь не открылась – уперлась во что-то с той стороны.

– Эй! Кто там?

По навалился на дверь всем весом, толкнул ее плечом. Через образовавшуюся щель ему удалось выбраться в холл.

Перед ним был привалившийся к двери Ван. Он зажимал рот обеими руками, его трясло как в лихорадке, спина ходила ходуном.

– В чем дело, Ван?! Что с тобой?!

По положил руку на спину приятелю, и тот, не отрывая одной руки ото рта, другой показал на соседнюю, ванную комнату.

– Что?

Дверь была наполовину открыта, но По со своего места не мог видеть, что внутри.

– Ну что там такое?

– А-Агата...

– Что-о?! – выкрикнул По, не дожидаясь, когда Ван договорит, и отдернул руку от его спины. – Агата?! А ты сам в порядке?!

Продолжая жалобно скулить, Ван кивнул. По одним прыжком подскочил к ванной и заглянул в приоткрытую дверь.

– Эллери! Леру! Проснитесь! Вставайте! – кричал он.

* * *

Эллери разбудил громкий стук – кто-то изо всех сил ломился кому-то в

дверь.

«Хорошо, что не ко мне», – подумал он и тут же сообразил: что-то случилось. Тут же послышался громкий низкий голос.

Это голос По, значит...

Эллери соскочил с кровати, схватил кардиган. Правая лодыжка под тугой повязкой уже болела не так сильно.

Голос По не стихал. Похоже, он разговаривал с Ваном. И тут послышался его крик: «Агата?!»

Эллери уже потянулся к ручке двери, собираясь выйти из комнаты, как услышал громкий голос По, который звал их с Леру.

– Что случилось? – спросил Эллери, открывая дверь, и перед комнатой По увидел Вана на четвереньках. Дверь, которая вела в ванную, располагавшуюся как раз напротив комнаты Эллери, была распахнута настежь. Посреди ванной кто-то лежал лицом вниз. Агата?! По склонился над ней, стоя на одном колене.

– Ее убили?

– Похоже на то. – По повернулся к Эллери. – Вану плохо. Надо, чтобы его вырвало. Поможешь?

– Понял.

Эллери подошел к Вану, помог ему подняться и отвел на кухню.

– Тебя не отравили?

– Нет! Просто это так неожиданно... я увидел там Агату...

Ван захрипел, опустив голову над раковиной. Эллери потер ему спину.

– Выпей водички. Видно, что желудок пустой. Все равно из себя ничего не выдавишь.

– Я... я в порядке. Я сам. Иди лучше туда.

– Ладно.

Эллери повернулся и, выйдя из кухни, присоединился к По.

– Она умерла, По?

Тот закрыл глаза и кивнул.

– Снова яд. На этот раз похоже на синильную кислоту.

Он перевернул тело Агаты лицом вверх. Ее глаза были широко распахнуты, рот слегка приоткрыт, на лице застыло выражение не боли, а скорее удивления.

По протянул руку и закрыл глаза Агаты. Лицо ее выглядело удивительно невинным и спокойным. Перед смертью она еще успела накраситься. Лежала как живая – розовый тон на щеках, ярко-красные губы... Казалось, вот-вот заговорит. В воздухе висел легкий сладковатый запах, который, видно, и дал По основания говорить о яде.

– А-а... – Эллери нахмурился, так что брови сошлись на переносице. – Да, тот самый запах миндаля.

– Точно. Знаешь, давай отнесем ее в комнату.

Только По собрался поднять тело за плечи, как в ванную, пошатываясь, вошел Ван. Прислонившись сухой спиной к стене, он обвел глазами холл. Лицо его было мертвенно-бледным.

– Эй! А где Леру?

– Леру?

– Ну да...

Эллери и По впервые за это время посмотрели на дверь комнаты, в которой жил Леру, и у них одновременно вырвался то ли крик, то ли вздох.

Третья жертва

Табличка с надписью красными иероглифами, прикрепленная к двери, казалось, насмеялась над ними.

3

– Что за!.. Выходит, Агата – четвертая жертва? Леру! – Эллери бросился к двери. – Леру! Леру!.. Бесполезно. Заперто... Ван, у тебя нет второго ключа?

– Послушай, здесь не гостиница.

– Тогда надо ломать! Навались! – скомандовал По.

– погоди! – Эллери жестом остановил его. – Дверь открывается в холл. Ее так просто не сломать. Лучше попробовать снаружи, через окно. Быстрее будет.

– Правильно. Тогда захвати стул. – По обернулся к Вану: – Ты с нами.

– Эй, гляньте! – окликнул их Эллери, направившийся к выходу. – Веревка на двери развязана.

Он показал на двойную дверь, открывавшуюся в прихожую. Веревка, которой накануне вечером они связали дверные ручки, была развязана и висела на одной из ручек.

– Кто-то выходил из дома. – констатировал По, поднимая ближайший стул. – Значит, Леру...

– Кто знает... – Эллери мрачно покачал головой.

– Идем скорее. Но сначала осмотрим комнату.

* * *

По поднял стул и со всей силы ударил им по окну. После нескольких ударов оно подалось.

Ставни выглядели прочными, но, отодрав петли, удалось их выломать. Затем они высадили стекло, а просунуть руку и отодвинуть задвижку было уже делом техники. Правда, оконные ручки изнутри еще были стянуты ремнем, с которым тоже пришлось немного повозиться.

Окно было на уровне груди Вана, который был среднего роста. По, самый высокий из их троицы, встал на разломанный стул и с легкостью, неожиданной для человека столь крупного сложения, нырнул в комнату. Элери последовал за ним. Оставшийся снаружи Ван стоял, привалившись к окну и обхватив руками живот.

Однако Леру в комнате не оказалось.

Он ушел и не вернулся.

* * *

Воздух был влажный и, казалось, прилипал к коже. Ночью, похоже, прошел дождь. Трава под ногами была мягкой и пропиталась влагой.

По и Элери соскочили с окна. Они никак не могли отдышаться, их плечи поднимались и опускались.

– Давайте поделимся и будем искать. Хотя, боюсь, его уже нет в живых, – сказал Элери, опустившись на одно колено, чтобы поправить повязку на ноге.

– Как нога-то? Ничего? – спросил По. Он порезал правую руку осколком стекла, когда выбивал окно.

– Порядок. Даже бегать могу.

Элери выпрямился и посмотрел на Вана. Тот сидел на траве, скорчившись, и дрожал.

– Ван! Будь здесь, у входа, пока мы тебя не позовем. Тебе сначала успокоиться надо. – Отдышавшись, Элери ровным голосом раздавал указания. – По! Ты идешь к причалу. Я осмотрю все вокруг дома и у Голубойвиллы.

* * *

Эллери и По разбежались в разные стороны, а Ван неуклюже поднялся и направился к входу в Десятиугольный дом. К языку пристал кислоторький вкус желудочного сока – все-таки вырвало. Тошнота отступила, но в груди по-прежнему стояла тяжесть, будто там застрял кусок резины.

Небо налилось серым свинцом. Ветра почти не было, дни стояли теплые, но дрожь, колотившая тело Вана под свитером, не прекращалась.

На заплетающихся ногах он добрел до входа в дом и свернулся на ступеньках, мокрых от дождя, подогнув колени. Сделал несколько глубоких вдохов.

Стеснение в груди куда-то отступило, но тело продолжало то и дело вздрагивать.

Какое-то время он рассматривал унылый пейзаж, состоявший исключительно из темных сосен.

«Ван! По!» – послышался вдалеке голос Эллери. Он раздавался справа, оттуда, где была сгоревшая Голубая вилла.

Ван поднялся и, хотя силы в ногах не было, вприпрыжку поспешил на крик. Тут он увидел По, бежавшего в гору со стороны причала. Они встретились у прогалины в рядах сосен, окружавших обгоревшие останки Голубойвиллы.

– По! Ван! Сюда!

Они прошли под арочным сводом, образованным ветками сосен, и увидели Эллери в кардигане, одетом поверх пижамы. Он стоял посередине остатков разбитого перед виллой сада и махал им рукой. Из Десятиугольного дома это место не просматривалось, его загоразживали деревья.

По и Ван бросились к Эллери, но чуть не задохнулись, увидев, что лежит у его ног.

– Мертв, – пробормотал Эллери, качая головой.

Леру лежал на земле. На нем была желтая рубашка, джинсы и джинсовая куртка с закатанными рукавами. Обе руки протянуты в сторону, где стоял Десятиугольный дом. Голова повернута и наполовину впечатана в черную грязь. Возле правой руки валялись любимые очки Леру.

– Он умер от удара по голове. Врезали камнем или кирпичом. Здесь их много валяется.

Эллери указал на черно-красное месиво на затылке Леру.

«Гу-у», – вырвалось у Вана. Он тут же поднес руку ко рту, стараясь побороть подступившую тошноту.

– По! Посмотришь? Тяжело, конечно, понимаю, но все-таки...

– А-а... ну да.

По наклонился к телу, поправляя упавшую на лоб челку. Приподнял голову Леру, испачканную в крови и грязи, заглянул в лицо. Круглые глаза Леру были выпучены. Из угла рта высунулся язык. На лице застыла кривая гримаса то ли ужаса, то ли боли.

– Трупные пятна, – проговорил По сдавленным голосом. – При нажатии, однако, исчезают. Трупное окоченение... хм... достаточно выраженное. Температура воздуха тоже могла повлиять, поэтому точно сказать трудно, но – да, пожалуй – смерть наступила пять-шесть часов назад. Так что... – Он взглянул на часы. – Вероятно, его убили между пятью и шестью утра.

– На рассвете, – пробормотал Эллери.

– Давай сначала отнесем его в дом. Нельзя же здесь оставлять... – По взялся за плечи Эллери. – А ты держи за ноги, хорошо?

Эллери никак не отреагировал на его слова. Засунув руки в карманы кардигана, он молча смотрел на землю.

– Эй! – снова окликнул его По.

Эллери поднял голову. «Следы...» – пробормотал он, указывая на землю.

Тело Леру лежало посередине сада Голубой виллы, метрах в десяти от ряда сосен, тянувшихся к Десятиугольному дому. Земля на этом месте, как и на всем пепелище, оставшемся от Голубой виллы, была черна от пепла. Из-за прошедшего накануне дождя почва сделалась очень мягкой, и на ней остались кое-какие следы.

– А-а, ладно. – Эллери наклонился и подхватил тело за ноги. – Двинули, а то что-то прохладно.

Они перевернули тело лицом кверху и подняли. Бившиеся о скалы волны словно оплакивали Леру, заменив своим шумом траурную мелодию.

Ван подобрал с земли грязные очки Леру, прижал их к груди и пошел к дому следом за Эллери и По.

В Десятиугольном доме они первым делом перетащили тело Леру в комнату.

Ключ оказался в кармане куртки Леру. Они отнесли его на кровать, не обращая внимания на то, что куртка и джинсы были выпачканы грязью. Ван положил на ночной столик его очки.

– Принесешь в тазике воды? И полотенце. Надо хотя бы лицо

вытереть, – обратился к Вану Эллери, накрыв тело одеялом.

Ван кивнул, не говоря ни слова, и вышел из комнаты. Он почти оправился от перенесенного шока, хотя ходил еще пошатываясь.

Затем Эллери и По занялись Агатой, которая так и лежала в ванной. Перенесли ее на кровать, сложили руки на груди, привели в порядок растрепанные волосы и одежду.

– Значит, синильная кислота... – тихо промолвил Эллери, глядя на Агату, погруженную в вечный сон. – Как говорят, она пахнет миндалем.

– Она умерла часа три назад. То есть около восьми.

С этими словами По в комнату вошел Ван.

– Вот, лежала у умывальника. Наверное, это Агаты, – сказал он, протягивая черную сумочку.

– Косметичка? – Эллери взял сумочку и с задумчивым видом принялся изучать ее содержимое. – Ван, она была закрыта, когда ты ее обнаружил?

– Нет, открытая валялась на полу. Вместе с какими-то штучками. Наверное, вывалились.

– И ты их в нее сложил? А-а, ладно, чего уж теперь...

Тональный крем. Румяна. Тени для глаз. Крем. Туалетная вода.

– А-а, вот...

Эллери вынул два тюбика губной помады, снял с них крышки и сравнил цвета.

– Эта.

– Не подноси близко к носу. Опасная штука, – сказал По, догадавшись, о чем думает Эллери.

– Знаю.

Один тюбик был красный, другой – розовый. Эллери осторожно понюхал красную помаду, кивнул и передал тюбик По.

– Ты прав, Эллери. На помаду намазали яд.

– А! Похоронная косметика... Белое платье как похоронный наряд – и отравление. Как принцесса в сказке.

Эллери снова бросил печальный взгляд на девушку и предложил По и Вану выйти из комнаты. После этого тихо затворил дверь.

– Спи спокойно, Белоснежка.

Все втроем они перешли в комнату Леру. Намочили полотенце, которое принес Ван, протерли лицо. Почистили очки и положили на грудь своему приятелю.

– Он был боевой парень, наш редактор.

Эллери закрыл дверь. Перед глазами вновь оказалась зловещая табличка с красными иероглифами: «Третья жертва».

В Десятиугольном доме в живых оставалось только трое – Эллери, По и Ван.

Вернувшись в свою комнату и одевшись, Эллери сел на край кровати и достал из кармана «Салем». Не торопясь выкурил две сигареты, вышел в холл.

По и Ван уже сидели там. Первый в облачках лилового табачного дыма изучал повязку, которую наложил себе на порезанную руку. Второй принес чайник с кипятком, налил себе кофе.

– Мне тоже плесни, Ван.

Тот молча покачал головой, прикрыл обеими руками свою чашку, будто хотел ее спрятать, и сел подальше от По.

– Вот так, да?

Эллери слегка пожал плечами и отправился на кухню. Тщательно вымыл чашку и ложку. Выдвинул ящик буфета. Там по-прежнему лежали шесть табличек, извещавших об убийствах.

– «Последняя жертва», «Детектив» и «Убийца»... – пробурчал себе под нос Эллери, вернувшись в холл и налив в свою чашку кофе. По и Ван хранили молчание. Переводя взгляд с одного на другого, Эллери сказал: – Допустим, «Убийца» кто-то из нас. Возникнет сейчас у него желание признаться? Вряд ли.

По нахмурился и выпустил изо рта облачко дыма. Ван отвернулся и хлебнул кофе. Обхватив чашку руками, Эллери устроился на стуле на равном расстоянии от обоих.

Повисла тревожная тишина. Три человека сидели отдельно друг от друга за десятиугольным столом и даже не пытались скрыть, насколько сильно их взаимное недоверие.

– Совершенно невероятно, – с наигранным недоумением проговорил По. – Кто-то из нас убил четырех друзей.

– Или это сделал Сэйдзи Накамура, – отозвался Эллери.

По раздраженно покачал головой.

– Я не говорю, что этого не может быть, но считаю – ты не прав. Версия, что он жив, – это бред какой-то.

Эллери громко фыркнул.

– То есть убийца – один из нас?

– Я об этом и говорю.

По сердито стукнул рукой по столу. Эллери невозмутимо провел рукой по волосам:

– Давайте еще раз обсудим все с самого начала.

Он откинулся на спинку стула и перевел взгляд на окно в потолке. Небо, как обычно, было пасмурным и хмурым.

– Все началось с этих табличек, верно? Нужно было приготовить их заранее и доставить на остров. Места они много не занимают, так что их мог привезти сюда любой, и никто бы не заметил. Убийцей может быть любой из нас троих. Правильно?

На третий день утром убийца начал приводить свои угрозы в исполнение. «Первой жертвой» стала Орци. Убийца пробрался в ее комнату через окно или дверь и задушил ее. Вот ты, По, говорил, что у нее на шее осталась веревка. Но я не считаю, что веревка – важный ключ в этом деле. Главный вопрос – как убийца проник в комнату Орци? Когда мы ее нашли, и дверь, и окно не были закрыты. Конечно, нельзя полностью отрицать, что Орци могла их не запереть, но мне это кажется маловероятным. Особенно что касается двери. Ведь именно Орци первой обнаружила таблички. Она была порядком напугана и встревожена.

Итак, что мы имеем? Возможностей много, но, на мой взгляд, все можно свести к двум вариантам. Первый: Орци забыла запереть окно, и преступник влез через него. Второй: убийца разбудил ее, и она ему открыла.

– Если он залез через окно, зачем было отпирать дверь? – спросил Ван.

– Чтобы взять табличку и прилепить ее к двери. Но если мы примем точку зрения По, что убийца – один из нас, тогда надо сосредоточиться на версии, что Орци сама открыла ему дверь.

Даже если принять, что было раннее утро и Орци еще не до конца проснулась, какой-то шум она должна была услышать, когда кто-то лез в окно. Заметила бы она этого человека – и все было бы кончено. Если убийца – один из членов Клуба детективов, он не стал бы так рисковать, а предпочел разбудить Орци под каким-то предлогом, и она пустила бы его без проблем. Орци, она ведь такая. Это могло показаться ей странным, но она все равно не сказала бы «нет».

– Но Орци была в ночной рубашке. Она пустила этого человека в комнату?

– Может быть. Он мог сказать, что дело срочное, что-то случилось. И она не отказала бы, даже если б хотела. Ну, кроме Карра. Но если это так... – Эллери покосился на По. – ...тогда ты – главный подозреваемый. Вы знакомы с детства, поэтому опасаться тебя у нее было оснований

меньше, чем нас с Ваном.

– Чуть! – По резко подался вперед. – Я убил Орци? Это не смешно.

– Чего уж тут смешного... По крайней мере, что касается Орци, ты первый на подозрении. Когда я думаю о ходе твоих мыслей, мне проще понять, почему убийца повел себя странновато – решил после убийства привести в порядок тело жертвы.

– А рука? Зачем мне понадобилось отрезать руку и уносить с собой?

– Не заводись, По. Я понимаю, что это не ответ на все вопросы. Есть и другие варианты. Это мог быть Ван, мог быть я. Однако ты – наиболее вероятный подозреваемый. Вот что я сказал. Что до отрезанной руки, то, конечно же, преступник имел в виду прошлогодние убийства на Голубой вилле, хотя, по правде сказать, я понятия не имею, зачем ему такие параллели. А ты что думаешь, Ван?

– Может, он хотел сбить нас с толку?

– Хм... А ты, По?

– Я не считаю, что убийца сделал это только из желания нас запутать. Отрезать руку без шума – довольно трудная задача.

– Твоя правда. Выходит, для этой операции у него была веская причина. Только вот какая? – Эллери склонил голову в раздумье и тяжело вздохнул. – Давайте пока отложим это и перейдем к убийству Карра. Начнем прямо с вывода: в данном случае мы тоже не найдем единственного правильного ответа. Когда убили Карра, мы всё обсудили и решили, что по крайней мере один из нас – Ван – точно не мог положить яд в кофе. Возможность отравить чашку заранее была у любого, но проблема в том, что отличить отравленную чашку без какой-то метки нельзя. И вот это никак не идет у меня из головы... Как бы то ни было, теперь, когда Агата мертва, встает вопрос: кто мог с быстротой фокусника положить яд Карру? Как это ни печально, по части ловкости рук на эту роль больше всего подхожу я. Однако...

– Намекаешь, что я мог дать яд Карру в медленно растворимой капсуле? – оборвал Эллери По.

– Точно, – тот улыбнулся. – Хотя не думаю, что это было бы умно с твоей стороны. Предположим, тебе действительно удалось всучить Карру такую капсулу. Примечательно, что он отдал концы, когда мы пили кофе. А вдруг яд начал бы действовать в тот момент, когда он не ел, не пил? Тогда подозрения пали бы в первую очередь на нашего будущего доктора... Нет, я не думаю, что ты настолько глуп, чтобы не учесть такой возможности.

– Очень меткое замечание.

– Но есть и другой вариант.

– Ого! И какой же?

– Ты у нас «звезда» на медфаке, плюс твоя семья владеет одной из первых частных клиник в О. Я не удивлюсь, если Карр обращался к тебе за советом, когда чувствовал себя неважно. А может, вашу клинику посещал... Так или иначе, предположим, что о его проблемах со здоровьем тебе хорошо известно. В ту роковую ночь у Карра случился приступ. Эпилептический припадок или еще что-нибудь. Ты тут же подбежал к нему и, делая в суматохе вид, что пытаешься помочь, сунул ему в рот мышьяк или стрихнин.

– Похоже, ты в самом деле меня подозреваешь, но твоя версия притянута за уши. Тут и говорить не о чем.

– Да не надо так серьезно. Я всего лишь рассматриваю различные варианты. Но раз ты отвергаешь эту версию, говоря, что она притянута за уши, я с таким же успехом могу отвести версию о ловкости рук. Обрадует это тебя или опечалит, но я думаю, ты переоцениваешь мои способности. Спрятать яд в руке и положить его в другую чашку в момент, когда тянешься за своей... Такое легче сказать, чем сделать. На месте убийцы я отказался бы от такого рискованного приема. Куда проще и безопаснее заранее нанести яд на чашку и как-то ее пометить.

– Проблема как раз в том, что никаких отметин на чашках нет.

– Точно. Вот это-то и не дает мне покоя. Но вдруг все-таки есть какая-то метка? – Эллери наклонил голову, чтобы лучше разглядеть чашку, которую держал в руке. – Ни сколов. Ни трещин. Ни пятен. Точно такая же, как остальные – темно-зеленая, десятиугольная... Нет, погодите!

– Что такое?

– По-моему, мы кое-что упустили. Что-то чрезвычайно важное. – Эллери встал со стула. – Послушай, По, мы ведь тогда оставили чашку, из которой пил Карр, как есть?

– Да. Она на кухне, на столе.

– Давай-ка еще разок на нее посмотрим...

Не закончив фразу, Эллери поспешил в кухню.

– Все вместе, – распорядился он.

Чашка стояла на столе, накрытая белым полотенцем. Эллери аккуратно снял его. На дне чашки еще оставался двухдневный кофейный осадок.

– Все верно. – Он посмотрел на чашку сверху вниз и громко щелкнул языком. – Классно придумано. Но как мы не заметили?

– Ты о чем?

Ван наклонился, чтобы лучше рассмотреть чашку. По с непонимающим видом заметил:

– Вроде от других не отличается.

– А вот и нет, – с важным видом проговорил Эллери. – Дом-десятиугольник с десятиугольным холлом, десятиугольным столом, десятиугольным окном в крыше, десятиугольными пепельницами и чашками... Эта коллекция десятиугольников так притянула к себе наше внимание, что мы перестали замечать всё вокруг.

– Что?

– Что ты имеешь в виду?

– Есть кое-что, отличающее эту чашку от других. Одна деталь. Не заметили еще?

Спустя несколько секунд По и Ван выдохнули в один голос:

– Ух ты!

– Поняли? – Эллери кивнул с видом победителя. – Эта выдумка с десятиугольниками навела нас на ложный путь. У этой чашки не десять углов, а одиннадцать.

6

– Итак, возвращаемся к тому, с чего начали.

Вновь заняв место за столом в холле, Эллери еще раз посмотрел на По и Вана:

– С чашкой мы разобрались; ясно, что отравить Карра мог любой из нас – и Ван, и По, и я, конечно. Среди десятиугольных чашек одна оказалась одиннадцатиугольной. Убийца смазал чашку ядом и, если б она досталась ему, просто не стал бы из нее пить.

– Как она здесь оказалась? Зачем понадобилась? – спросил Ван. – Дурацкая шутка Сэйдзи Накамуры?

На тонких губах Эллери появилась улыбка:

– В доме, где кругом десятиугольники, спрятать одиннадцатиугольник. Идея классная, ничего не скажешь.

– И всё? Никакого другого смысла?

– Пожалуй. Хотя эта штука определенно могла привести на мысль. Убийца случайно наткнулся на эту чашку и решил использовать. Вряд ли он заранее ее приготовил. Такую нигде не достанешь, только на заказ. Он обнаружил ее неожиданно для себя уже здесь, на острове. Такой случай мог представиться любому из нас троих.

Поставив локти на стол, Эллери сплел пальцы на уровне глаз.

– Убийца дождался, пока все уснут, и прокрался в комнату, где лежит

тело Карра. Не пожалел сил, чтобы отрезать у трупа левую кисть, и бросил ее в ванну. Так же он поступил и с Орци. Не пойму только зачем.

– Агата говорила, что слышала странные звуки. Скорее всего убийца как раз в это время занимался своим делом.

– Я с тобой согласен. Тогда нервы у всех уже были на пределе. Убийца решился на большой риск. Значит, в отрезании рук есть некий смысл, какая-то очень важная цель... Но какая? Для меня это загадка. – Между бровей Эллери залегла глубокая складка, и он продолжил: – Так или иначе, оба эти убийства мог совершить любой из нас. Поехали дальше.

– Следующая – Агата... Или сначала Леру? – сказал Ван.

Эллери отрицательно покачал головой:

– Нет, прежде было покушение на меня. Вчера в подвале. Накануне ночью, по-моему, как раз перед тем, как это случилось с Карром, я заговорил о подвале на Голубой вилле. Услышав мои слова, убийца, как я полагаю, сначала отрезал Карру руку и прилепил к двери табличку, а потом выскользнул наружу и устроил мне ловушку. Когда Карр свалился, в холле были все, так что каждый мог это подстроить. Раз я чуть не стал жертвой убийцы, меня, наверное, можно исключить из списка подозреваемых...

Эллери смотрел, какой будет реакция на его слова. По и Ван молча переглянулись и выразили несогласие всем своим видом.

– Лады. Признаю: доказательств, что я это не подстроил специально, нет. Пострадал несильно. Тогда – сегодняшнее утро, убийство Леру... – Эллери ненадолго задумался. – Здесь есть кое-что странное. Убийство вне дома, да еще таким способом – удар по голове... В отличие от двух предыдущих на этот раз обошлось без отрезанных рук. Совершенно другое убийство.

– Согласен. Но это ничего не меняет: убийцей может быть любой из нас троих, – сказал По.

Эллери погладил острый подбородок:

– Твоя правда. Давайте об убийстве Леру потом поговорим. Хочу еще немного подумать.

Остается Агата. Как мы выяснили, губную помаду кто-то вымазал раствором цианистого калия, или натрия, или еще какой-то отравой. Вопрос только один: когда и как это было сделано?

Косметичка с помадой все время лежала в комнате Агаты. Сама Агата с позавчерашнего дня, после убийств Орци и Карра, все время была на взводе, нервы у нее расшатались, поэтому, надо полагать, она держала дверь запертой. У убийцы не было возможности проникнуть в ее комнату. С другой стороны, она пользовалась помадой каждый день. Умерла сегодня

утром, а это значит, что помада была отравлена вчера – в период где-то с обеда до утра.

– Послушай, Эллери...

– Да, Ван?

– Мне кажется, сегодня у Агаты помада другого цвета, не такая, как всегда.

– Что?

– Цвет очень яркий. Чересчур. Я даже подумал, что у мертвых таких губ не бывает... Вчера и позавчера у нее была другая помада – розовая. Бледно-розовая.

– Ага! – Эллери забарабанил пальцами по краю стола. – То есть у нее в косметичке были две помады, и одна из них – розовая. Понятное дело. Выходит, другую – красную – кто-то намазал ядом заранее. В первый или второй день, когда Агата еще не была настороже и преступник мог залезть к ней в комнату и отравить помаду. Но до сегодняшнего утра она этой помадой не красилась.

– Бомба замедленного действия, – сказал По, проводя рукой по бороде. – И снова любой из нас мог это сделать.

– Так получается. Но послушай, нельзя же без конца твердить одно и то же: раз убийца – один из нас, значит, любой мог это сделать.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Проголосовать – спокойно проговорил Эллери. – Шучу, конечно. Но почему бы нам не выслушать мнение каждого? Ван, вот ты кого больше всех подозреваешь?

– По, – на удивление легко вынес свой приговор Ван.

– Что?! – По изменился в лице и затушил в пепельнице только что начатую сигарету. – Это не я. Э... Хотя что бы я ни сказал, вы все равно не поверите.

– Конечно, мы не можем просто принять твои слова на веру. Я согласен с Ваном: из нас троих ты вызываешь больше всего подозрений, – равнодушно заметил Эллери.

Не скрывая волнения, По заявил высоким голосом:

– Почему? Какие на мне подозрения?

– Мотив.

– Мотив? Мотив, говоришь? Для чего мне понадобилось убивать четырех моих друзей? Объясни, Эллери.

– Я слышал, твоя мать сейчас лечится в психбольнице.

Эллери говорил спокойно. У По перехватило горло, руки мелко задрожали, костяшки пальцев в стиснутых кулаках побелели.

– Это случилось несколько лет назад. Твою мать задержали за попытку убить пациентку вашей клиники. У нее уже тогда с головой было не в порядке...

– Это правда, Эллери? – Глаза Вана округлились от удивления. – А я не знал...

– Отец замаял это дело. Ведь могла пострадать репутация клиники. От пострадавшей пациентки, наверное, откупились. Адвокат, уладивший скандал, – друг моего отца. Вот откуда я все узнал. Жена главврача, видимо, не справилась с психологической нагрузкой. Женские нервы слабые, не по силам ей оказалось. Может, подумала, что эта пациентка собралась увести у нее любимого мужа...

– Заткнись! – резко оборвал его По. – Не смей болтать о моей матери!

Эллери, присвистнув, умолк. По все так же сидел, сжав кулаки и опустив голову. Наконец с его губ сорвался еле слышный смешок:

– Хочешь сказать, что я сумасшедший? Как у тебя все просто... – Выражение его лица изменилось; теперь он смотрел на Эллери и Вана со злостью. – Тогда и я вам скажу кое-что. У вас обоих тоже есть свои мотивы.

– Хм... Давай, рассказывай.

– Начнем с тебя, Ван. Когда ты учился в школе, грабители убили твоих родителей. И младшую сестренку вместе с ними. Поэтому ты вполне мог затаить что-то против нас, студентов, с удовольствием сочиняющих истории об убийствах.

Ван побелел, как мел, слушая язвительные слова По, но нашел в себе силы возразить:

– Если я на вас злился, зачем мне было вступать в Клуб детективов? – Он говорил тихо. – Это дело прошлое. И мне ни разу в голову не приходило, что фанаты детективов могут радоваться убийствам людей. Поэтому я все это время состоял в клубе и с вами сюда поехал.

– Кто знает, кто знает... – По решил сменить мишень: – Теперь про тебя, Эллери.

– Ну и какой же мотив у меня?

– Ты можешь, конечно, говорить что угодно, но ведь Карр отказывался тебе подчиняться и порядком тебя доставал. Скажешь, нет?

– Доставал? Меня? – Глаза Эллери округлились от удивления. – Ага! А остальные три убийства – это так, для маскировки, ты это хочешь сказать?.. Идея хоть куда! Тебя это, конечно, разочарует, но Карр – не та фигура, которая могла бы меня достать. Мне вообще совершенно неинтересно, что обо мне думают другие. Пора бы уж тебе это уяснить, По. Или ты и впрямь думаешь, что Карр так мне надоел, что я захотел его на

тот свет отправить?

– Тебе было достаточно любого, самого незначительного повода. Все равно что надоедливую муху прихлопнуть.

– Ого-го! Неужто я такой бессердечный?

– «Бессердечный» – не совсем подходящее слово. Но в тебе явно не хватает чего-то человеческого. Думаю, убить тебе ничего не стоит. Согласен, Ван?

– Может быть. – Тот кивнул с ничего не выражавшим видом.

Тревога, мелькнувшая было на лице Эллери, тут же уступила место кривой улыбке.

– Да, видно, придется обратить внимание на свои манеры. – Он пожал плечами.

Все трое замолчали. Сгущавшаяся в холле атмосфера мрака и безысходности крепко сковывала сердца, не давая им вырваться на свободу. Окружавшие людей десять белых стен раньше не казались такими кривыми.

Сколько они так просидели?

За стенами в ветвях деревьев зашумел ветер. Он словно дал сигнал легкой барабанной дробью по крыше.

– О-о! Дождь пошел? – пробормотал Эллери, глядя на скапливавшийся на окне в потолке бисер дождевых капель.

Шум дождя стал громче. Потoki воды хлынули с неба с таким ожесточением, будто хотели полностью изолировать и без того запертых на острове людей...

И тут вдруг Эллери издал неразборчивый возглас и вскочил, не отводя взгляда от потолка.

– В чем дело? – По с подозрением посмотрел на него.

– А-а! Нет! Подожди... – Не закончив фразы, Эллери оттолкнул стул и бросился к выходу. – Следы!

Дождь лил как из ведра. Его шум смешивался с гулом накатывавших на берег волн, и этот звук эхом прокатывался по острову, будто собираясь перенести его с нынешнего места в иное время и пространство.

Эллери выскочил под дождь, не боясь промокнуть. Он побежал не вокруг, через арку в соснах, а прямо через рощу к Голубой вилле – точнее, к тому, что от нее осталось.

По пути он остановился и посмотрел назад. Убедившись, что По и Ван следуют за ним, крикнул:

– Скорее! Дождь размочит следы!

Эллери прибавил хода. Несколько раз его ноги цеплялись за кусты и переплетенную траву, но он, виляя между деревьями, все-таки пробился к саду, где нашел Леру. Следы еще можно было различить.

Подбежали По и Ван. С трудом переводя дыхание, Эллери указал на следы.

– Постарайтесь запомнить всё как есть. Представьте, что от этого зависит наша жизнь.

Втроем они стояли под холодным дождем, стараясь запечатлеть в памяти цепочки следов на земле, которые наполнялись водой, размывались и постепенно теряли свою форму.

Через некоторое время Эллери повернулся на каблуках и, как гребнем проведя ладонью по упавшей на лоб намокшей пряди, сказал:

– Пошли, а то простудимся.

* * *

Сменив мокрую одежду, тройка вновь собралась за столом в холле.

– Можете подсесть поближе? Это важно, – предложил Эллери, открывая принесенную из комнаты тетрадь и доставая ручку. После коротких колебаний По и Ван встали со своих стульев и сели рядом с ним. – Давайте нарисуем схему, пока не забыли. Нет возражений?

Он нарисовал вытянутый по вертикали прямоугольник, занявший весь тетрадный лист.

– Вот участок, на котором была построена Голубая вилла.

Внутри прямоугольника, в верхней части, Эллери нарисовал еще один прямоугольник, вытянутый по горизонтали.

– Это то, что осталось от здания, – груда кирпичей. А здесь – лестница для спуска с обрыва вниз, к скалам.

Он сделал отметку посередине большого прямоугольника, с левого края.

– Десятиугольный дом внизу справа. Нижняя кромка – ряд сосен. Леру лежал в саду, вот здесь.

Правее и ниже от центра Эллери нарисовал человеческую фигуру, обозначив место нахождения трупа. Посмотрел на По, потом перевел взгляд на Вана.

– А теперь следы. Как они выглядели?

– Во-первых, были следы от входа на участок – через арку в ряду сосен – к лестнице у обрыва, – ответил По, беспокойно теребя бороду. – И еще три цепочки перемешанных следов от входа к телу Леру и обратно. Потом...

– Две цепочки от лестницы до места, где лежал Леру. Тоже попеременно, – проговорил Эллери, отмечая стрелками следы на схеме. По кивнул.

– Все верно. Как-то так получается. Ван, как считаешь?

– Да. По-моему, так.

– О'кей. Готово.

Закончив рисовать стрелки, Эллери положил тетрадку так, чтобы всем троим было хорошо видно.

– Я увидел Леру, когда, миновав арку, вышел к Голубой вилле. Тут и вы подоспели, и мы вместе подбежали к телу. Подняли его с По и понесли в Десятиугольный дом тем же путем, каким пришли. Ван шел за нами. Поэтому три запутанных следа, которые идут к телу Леру и обратно, естественно, принадлежат нам троим. Если мы исключим эти следы из нашего расследования...

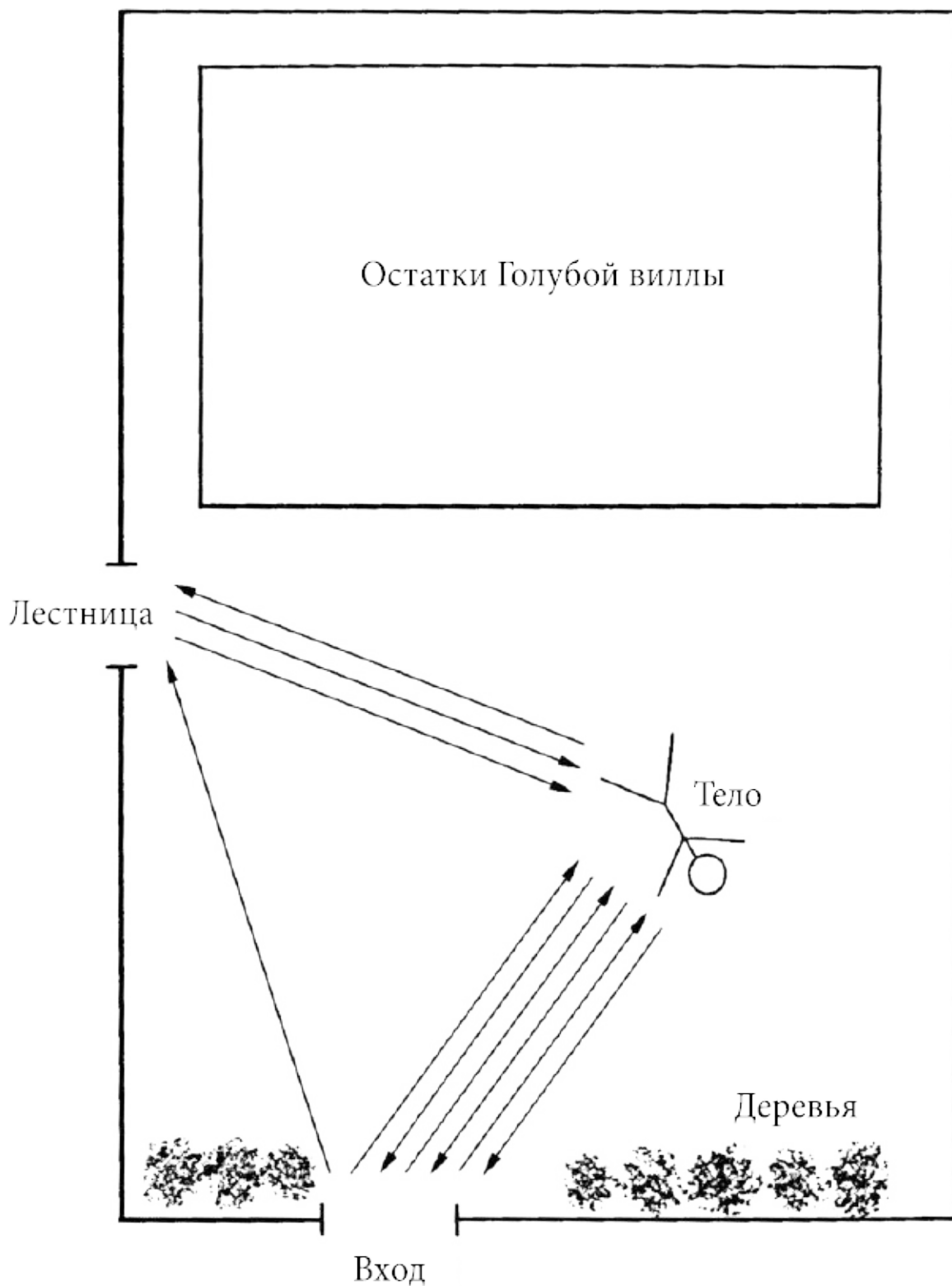
Эллери остановился на полуслове и провел рукой по мокрым волосам.

– Вам ничего не кажется странным?

– Станным? Ты следы имеешь в виду? – спросил По, нахмурившись.

– Именно. Кто побывал на месте преступления? По, Ван, я и еще преступник. Значит, если добавить Леру, всего должно быть пять следов, ведущих к его телу. Мы эти пять следов и имеем. Однако...

– Постой, Эллери, – прервал его По, глядя на схему в тетради. – Если не обращать внимания на наши следы, которые мы оставили, когда нашли тело Леру, то останется след, идущий от входа к лестнице, два следа от лестницы к телу и еще один – обратно от тела к лестнице...

Рис. 3. Место преступления

- Видишь, в чем проблема?
- Угу.

– Я думаю, мы можем смело утверждать, что следы от входа к лестнице принадлежат Леру. Естественно, что один из двух следов от лестницы к телу тоже его. Значит, остальные два следа – от лестницы к телу и обратно – это следы преступника. Но встает вопрос: откуда появился преступник и куда он ушел?

– Лестница...

– Именно. Однако там, внизу, ничего нет. Только море. Помните? Под лестницей есть что-то вроде маленькой площадки, справа и слева лишь острые утесы. С моря на остров, сюда, наверх, можно попасть либо по лестнице с этой площадки, либо по ступенькам – там, где бухточка и причал. Как же убийца добрался до площадки? И куда он с нее подевался? Чтобы добраться до бухты, надо каким-то образом обойти отвесную кручу. Там глубоко. А это можно сделать только вплавь. В такую погоду? Интересно, какая сейчас температура воды?

– У-у... – тихо простонал По, доставая из портсигара сигарету.

Ван, не сводя глаз с лежавшей на столе тетради, протянул вопросительно:

– И?..

– Вопрос: зачем убийца проделал все именно таким образом? Что скажете?

Похоже, в такой незавидной ситуации один только Эллери получал удовольствие от загадывания загадок. Ван ничего не ответил и сунул руки в карманы «аляски».

– Хм-м, – прочистил горло По и продолжил: – Убийца находится в этом доме. Это один из нас. Зачем ему понадобилось спускаться по лестнице, а потом вплавь возвращаться сюда? Ведь можно было пройти по земле. Он мог запросто вернуться по своим следам. Никто ничего не понял бы, у нас ведь тут экспертов нет. Но он этого не сделал. Значит, была важная причина, для того чтобы вернуться по воде. Но какая?

– Совершенно верно. И ответ на этот вопрос очевиден, мне кажется.

Удовлетворенно кивнув, Эллери встал со стула:

– Давайте пожуюем чего-нибудь. Три часа уже.

– Есть? – Ван с недоумением посмотрел на него. – Как можно сейчас есть, Эллери? Так почему убийца?..

– Потом, потом. Не надо так торопиться. Мы с утра ничего не ели.

Эллери повернулся и направился на кухню.

– Ну что ж... – перекусив старыми припасами и чашкой кофе, начал Эллери. – Заморив червячка, займемся нашей задачей. Нет возражений?

– Нет, конечно. Только давай без мистификаций, – отозвался По. Ван ответил кивком в знак согласия.

Слова и поступки Эллери, после того как разговор зашел о следах, приводили По и Вана в недоумение. За едой они не спускали с него глаз, однако все это время Эллери сохранял полную невозмутимость, и с лица его не сходила обычная улыбка.

– О'кей. – Он оставил чашку с тарелкой и вновь открыл свою тетрадь. По и Ван расселись за столом, стараясь держаться подальше друг от друга. – Еще раз, что мы имеем... – Мельком взглянул на схему и продолжил: – Мы пришли к выводу, что преступнику принадлежат только те следы, которые ведут от лестницы к телу Леру и обратно. Это означает, что он пришел со стороны моря, и туда же вернулся. Предположим, что убийца – один из нас, и попробуем проследить его маршрут...

Итак, он вышел из Десятиугольного дома, спустился к бухте, доплыл до площадки в скалах, поднялся по лестнице и вышел к Голубой вилле. После убийства тем же путем вернулся назад. По сказал, что убийца имел причину так поступить, но из чего это следует? Чем больше я ломаю голову над этим вопросом, тем меньше понимаю, зачем это надо было делать. Полная ерунда. Нет никакого смысла так поступать. И вообще эта идея совершенно нереалистична.

– Но тогда получается, что убийца не один из нас, а кто-то другой. Так ведь, Эллери? Некто, пришедший с моря, приплывший на остров извне.

– А почему бы и нет, По? – Эллери закрыл тетрадь. – Самый логичный вывод в этой ситуации: убийца не среди нас, он кто-то другой. Мы не можем покинуть остров, но у других людей есть достаточно способов, чтобы добраться до него. И не надо глупых догадок насчет возможности сделать это вплавь. У убийцы есть лодка.

– Лодка...

– Почему Орци и Леру были убиты рано утром? Потому что лучшее время, чтобы попасть на остров незамеченным, – ночь или раннее утро. Как вам кажется?

Глядя на По и Вана, Эллери вытащил из кармана пачку «Салема» и, увидев, что она пуста, бросил ее на стол.

– Хочешь? – предложил По и толкнул свой портсигар Эллери.

– По, похоже, со мной согласен. – Эллери сунул сигарету в рот и зажег спичку. – А ты, Ван?

– Думаю, ты прав. По, можно мне тоже сигарету?

– Не вопрос.

Эллери подвинул Вану портсигар По.

– Но если все так, как ты говоришь, зачем убийце понадобились таблички? – задал вопрос По.

– Что главное в этих табличках? То, что на них не только «Жертвы», но еще «Детектив» и «Убийца». – Эллери с полузакрытыми глазами выпустил изо рта облачко дыма. – Во-первых, эти таблички заставили нас поверить, что «Убийца» – кто-то из нашей семерки. В результате мы оказались беззащитными перед лицом, так сказать, внешней угрозы.

– А во-вторых?

– Психологическое давление. У последних оставшихся в живых возникает взаимное недоверие, и дело может кончиться тем, что они поубивают друг друга. Возможно, в этом и есть цель убийцы. И рук марать не надо. Так или иначе, его окончательная цель – убить всех семерых.

– Кошмар! – пробормотал Ван, закуривая.

– Есть еще один вопрос, – сказал По, прижимая к виску толстый большой палец. – Почему убийца после убийства Леру тут же направился к морю?

– Что значит «почему»? – спросил Ван, возвращая По портсигар.

– Преступник старался создать впечатление, будто никаких «чужаков» на острове нет и убийства совершил один из нас. Раз так, было бы умнее оставить на месте преступления больше следов – например, между входом и лестницей и обратно. Сделать это было бы несложно.

– А может, он не обратил внимания на свои следы?

– И вернулся на большую землю? Но когда же он приладил на дверь табличку с «Третьей жертвой»?

– Да-а, тут...

Видя, что Ван не знает, как ответить, По повернулся к Эллери:

– А ты что скажешь?

– Думаю, дело было так, – ответил Эллери и положил сигарету в пепельницу. – Нельзя исключать, что убийца, как сказал Ван, упустил из виду проблему следов. Но предположим, что он все-таки обратил на нее внимание. В таком случае ему следовало бы оставить еще один след в оба конца между входом на территорию виллы и лестницей. Однако он этого не сделал. Ситуация не позволила. Объяснить это можно, поразмыслив об обстоятельствах убийства Леру.

Тот умер от ударов по голове. По характеру следов, начинающихся от лестницы, похоже, что за ним кто-то бежал. Скорее всего Леру увидел внизу, на площадке, человека и лодку. Убийца, наверное, как раз собирался

отчалить от острова.

Сообразив, что происходит, Леру бросился бежать. Убийца увидел его и помчался в погоню. Леру, наверное, кричал, звал на помощь, но убийца догнал его и убил. После этого его охватила паника – ведь крики Леру могли кого-нибудь разбудить. Вдруг мы выскочили бы из дома... Конечно, убийца мог где-то спрятаться, но допустить, чтобы мы увидели лодку, было нельзя. Поэтому ему пришлось оставить следы как есть, вернуться на площадку под лестницей и оттуда на лодке переплыть в бухту. Ему надо было понять, не ищем ли мы Леру. На его счастье, мы ничего не услышали и шума не подняли. Тогда он поднялся к Десятиугольному дому, заглянув в окно кухни, убедился, что все еще спят, проскользнул в дом и приладил табличку на дверь. Плюнул на следы и уплыл с острова. Посчитал, что, раз время уже не такое раннее, слишком рискованно снова возвращаться к Голубой вилле.

– Хм-м... То есть убийца был на острове всю ночь?

– Я полагаю, он приплывал сюда каждый вечер. С наступлением ночи высаживался на берег и следил за нами.

– Прячась за окном в кухне?

– Очень может быть.

– И оставлял лодку в бухте или на площадке среди скал?

– Возможно, он ее прятал. Выпустить воздух из маленькой резиновой лодки и сложить ее – задача несложная. Ее можно отнести в рощу или укрыть под водой, привязав какое-нибудь грузило.

– Резиновая лодка? – По нахмурил брови. – Можно на ней доплыть до большой земли?

– В этом нет необходимости, когда совсем рядом есть замечательное убежище.

– Кошачий остров?

– Именно. Кошачий остров. Думаю, у убийцы там лагерь. Туда легко дойти на веслах от нашего острова.

– Вот оно что... Он там, ты считаешь?

– Давайте еще разок разберемся в действиях убийцы. – Эллери закрыл тетрадь и отложил в сторону. Незаметно в его руках появилась колода карт с ангелом-велосипедистом. Он стал раскладывать их на столе. – Прошлой ночью убийца переправился сюда с Кошачьего острова. Понаблюдав за нами, высматривая возможность совершить следующее убийство, но на этот раз у него не получилось, и на рассвете он вернулся на площадку. Дождь, начавшийся ночью, к тому времени скорее всего еще не кончился. Поэтому его следов, ведущих от входа на территорию виллы к лестнице, не

осталось.

Пока он готовил лодку на площадке, дождь кончился. Теперь уже на земле следы оставляли четкие отпечатки. В этот момент появился Леру, хотя мне непонятно, что он там делал в это время.

Леру увидел лодку и убийцу. Тот схватил первый попавшийся камень, бросился за Леру и заставил его замолчать навеки. Боясь, что кто-нибудь выскочит из дома на крики Леру, преступник прыгнул в лодку и поплыл в бухту. Подождал немного и, поняв, что никто из нас еще не проснулся, пробрался в Десятиугольный дом и прикрепил табличку на дверь комнаты Леру. Вот как-то так все было.

Не отрывая большого пальца от виска, По оперся локтем о стол и сердито пробурчал:

– Ну и кто же этот настоящий убийца, который прячется на Кошачьем острове?

– Сэйдзи Накамура, конечно, – без малейшего колебания отвечал Эллери. – Я с самого начала это твержу. Когда я говорил про тебя, про свои подозрения, это ж было просто так, несерьезно.

– Допустим на минуту, что Сэйдзи действительно жив. Не знаю, как вы, но я лично не могу представить, какой у него может быть мотив. Зачем ему понадобилось всех убивать? Представить не могу. Или ты просто думаешь, что он чокнулся?

– Мотив, говоришь? Конечно, есть. И весьма серьезный.

– Какой же? О чем ты? – одновременно воскликнули По и Ван, подавшись вперед.

Эллери ловко собрал карты, разложенные веером на столе.

– Мы здесь обсуждали, какие мотивы могут быть у каждого из нас. Судили, рядили... А с Сэйдзи Накамурой все куда яснее. Я понял это сегодня ночью, когда вернулся к себе.

– Seriously?

– И в чем же дело, Эллери?

– Не в чем, а в ком. В Тиори Накамура. Помните ее?

В полутемном холле на какое-то время воцарилась тишина.

Ее нарушал только доносившийся издалика шум волн. Дождь, стучавший по крыше, прекратился.

– Тиори Накамура? Это которая... – Голос Вана стал еле слышен.

– Да, она самая. С младшего курса. Которая умерла из-за нашей глупости и пофигизма в прошлом году, в январе. Та самая Тиори Накамура.

– Накамура – Сэйдзи Накамура – Тиори Накамура... – пробормотал По как заклинание. – Но этого не может быть.

– Может. Это единственно возможная причина. Тиори была дочерью Сэйдзи Накамуры.

– А-а...

По нахмурил брови, щелчком выбил сигарету «Ларк» из портсигара и сунул в рот. Ван молчал, закинув руки за голову. Эллери собрал карты, положил колоду на коробочку, в которой она лежала, и продолжил:

– Именно Сэйдзи Накамура виновен в убийствах, которые произошли на острове полгода назад. Он сжег здесь кого-то, типа своего двойника – либо пропавшего садовника, либо другого человека того же возраста, роста и телосложения и с такой же группой крови, как у него. Сэйдзи Накамура жив и сейчас мстит нам за то, что мы убили его дочь...

Речь Эллери оборвал клопочущий звук, вырвавшийся из горла По.

– Что с тобой?!

– По?!

Стул под студентом-медиком оглушительно закрипел. Он резко наклонился вперед всем массивным корпусом и свалился на пол.

– По!

Эллери и Ван бросились к нему, попытались поднять. По оттолкнул их руки, и в тот же момент его тело скрутила чудовищная сила. Все было кончено.

Он упал навзничь, руки и ноги дернулись вверх в страшной конвульсии, и По испустил дух.

От валявшейся на голубом кафельном полу сигареты «Ларк», отброшенной им после единственной затяжки, поднимался дымок. Не в состоянии ничего предпринять, Эллери и Ван лишь ошарашенно смотрели на недвижимую «Последнюю жертву», распростертую перед ними.

Надвигались сумерки, небо по-прежнему затягивали низкие, будто налитые свинцом тучи, но дождь все никак не собирался. Ветер, раскачивавший деревья, стих; шум волн, бившихся о берег, превратился в едва слышную унылую мелодию.

Двое оставшихся в живых обитателей Десятиугольного дома перенесли тело По в его комнату.

На полу были разбросаны кусочки пазла. Картинка почти не продвинулась вперед по сравнению с тем, когда Ван ее видел. На симпатичных, наклоненных набок мордашках лисят была глубокая грусть.

Стараясь не задеть картинку, Эллери и Ван положили большое тело По на кровать. Ван укрыл его одеялом, а Эллери закрыл умершему глаза. От перекошенного болью рта По пахло горьким миндалем.

Помолчав с минуту в память о своем приятеле, двое вышли из комнаты, не сказав ни слова.

– Еще одна бомба замедленного действия... Черт! – Голос Эллери дрожал от ярости. Он раздавил ногой на полу истлевшую до пепла сигарету. – Кто-то отравил цианидом сигареты, которые По привез сюда. Забрался в его комнату и впрыснул яд шприцем.

– Сэйдзи Накамура?

– А кто же еще?

– Но ведь тогда мы тоже в опасности!

Ван плюхнулся на стул. Эллери подошел к столу и зажег лампу. В ее мерцающем свете на десяти белых стенах холла заплясали причудливые тени.

– Сэйдзи Накамура... – как бы про себя проговорил он, не в силах оторвать взгляд от огонька лампы. – Если подумать, Ван, то Сэйдзи был хозяином Десятиугольного дома. Естественно, он знал все о географии острова, конструкциях зданий и наверняка имел запасные ключи от всех комнат.

– Запасные ключи?

– Ну да. Он прихватил их с собой, после того как поджег Голубую виллу и ушел в подполье. Он может свободно проникнуть в любую комнату. Отравить помаду Агаты и убить Орци было просто. Отравить сигареты По – тоже. Он бродил по этому дому как призрак, плетя свою смертоносную паутину. А мы оказались жалкими мошками, залетевшими в ловушку, которая называется Десятиугольный дом.

– Помню, я где-то читал, что он был архитектором...

– Похоже на то. Очень может быть, что он сам этот дом и спроектировал. Наверняка его творение... Хотя стоп! Подожди!

Эллери внимательно обвел глазами холл.

– Что такое, Эллери?

– Я сейчас подумал о чашке, из которой отравили Карра.

– У которой одиннадцать углов?

– Да. Помнишь, ты спрашивал: зачем здесь одна такая чашка?

– Помню, конечно.

– Я тебе ответил, что это шутка Сэйдзи. Но может быть и другой смысл, намек на что-то. Спрятать одиннадцатиугольник в доме, где все десятиугольное... Никаких идей нет?

– Одиннадцать углов в декагоне? Если это намек... – пробурчал себе под нос Ван, и тут его брови непроизвольно поползли кверху. – Это может означать, что в доме есть одиннадцатая комната?

– Точно! – Эллери кивнул с серьезным видом. – Мне тоже пришла в голову эта мысль. В доме, кроме центрального холла, десять трапециевидных комнат одинакового размера. В одной комнате – ванная, туалет, умывальник, плюс еще девять комнат – кухня, прихожая и семь комнат для гостей. Если, кроме этих комнат, есть еще одна, тайная...

– Хочешь сказать, Сэйдзи мог следить за нами не через окно в кухне, а пользуясь тайной комнатой?

– Именно.

– Но где она может быть?

– С точки зрения планировки дома она может быть только в подвале. У меня есть идея... – На губах Эллери появилась легкая улыбка. – Эта чашка – ключ от секретной комнаты.

* * *

Они нашли *это* в чуланчике, устроенном под полом кухни.

В самом чуланчике ничего необычного не было. Часть пола в кухне, чуть меньше квадратного метра, занимал люк, крышка которого легко поднималась, стоило лишь потянуть за ручку. Под крышкой открылось свободное пространство примерно полметра глубиной. Его стенки и дно были выложены крашенными белой краской досками. Внутри ничего не было.

– Здесь, Ван! – Эллери ткнул пальцем вниз. – Я прикинул, что, если комната в самом деле существует, она должна быть в кухне, там же, где и чашка. Так оно и вышло.

Эллери осветил пространство фонариком. На дне, прямо посередине, было отверстие несколько сантиметров в диаметре, которое можно заметить, лишь зная о его существовании. Вокруг отверстия был вырезан паз.

– Ван! Поддай чашку.

– А с кофе что делать? Тут осталось...

– Да выплесни ты его!

Эллери взял чашку и растянулся на полу. Опустил правую руку вниз и вставил чашку в паз.

– Порядок! Точно подошла!

Ключ подошел к одиннадцатигранной замочной скважине.

– Попробую повернуть.

Как и ожидал Эллери, чашка подалась под его рукой – механизм в пазу провернулся и со щелчком встал на место.

– Готово! Открываю!

Эллери осторожно извлек чашку из отверстия, и тут же белое дощатое дно тайника беззвучно отъехало вниз и в сторону.

– Классная штука! – сказал Эллери. – Тут, наверное, шестеренки или еще какая-то фигня, чтобы никто не слышал...

Взору Эллери и Вана открылась лестница, которая вела в подвал, в секретную комнату.

– Ну что, пошли, Ван?

– Может, не стоит? – Тому явно хотелось убежать. – А вдруг он там нас поджидает?

– Не дрейфь ты! Солнце только село. Сэйдзи еще не появился. В крайнем случае нас все-таки двое против одного. Справимся как-нибудь.

– Но...

– Боишься? Тогда оставайся тут. Я полезу один.

– Ой, подожди, Эллери!..

* * *

В нос ударил влажный прокисший запах подвала.

При свете фонарика, который был единственным источником света, Эллери и Ван шагнули в черневшую перед ними дыру.

Лестница оказалась старой, но прочной. Даже не скрипнет, если ступать осторожно. Эллери двигался впереди очень внимательно, стараясь не повторить оплошности, допущенной день назад.

Десяток ступеней вниз, и они, как и ожидалось, оказались в довольно большой комнате. Она начиналась прямо под кухней и заканчивалась где-то под центральным холлом. Пол и стены – голый бетон. Ни мебели, ничего. Потолок невысокий – Эллери почти доставал его головой; там и сям в нем были просверлены маленькие дырочки, сквозь которые в комнату проникали тонкие лучики света.

– Это лампа, – прошептал Эллери. – Над нами холл. Отсюда слышно все, о чем мы там говорили.

– Значит, Сэйдзи прятался здесь?

– Да. Наверняка он отслеживал каждый наш шаг. И, я думаю, должен

быть потайной ход из этой комнаты наружу.

Эллери медленно провел лучом фонарика по стенам. Грязный бетон в черных пятнах. Тут и там тонкие трещины, следы ремонта...

– Здесь, – сказал Эллери, прекратив водить фонариком по стенам. Справа от лестницы, в глубине комнаты, в углу, виднелась старая деревянная дверь. Юноши подошли к ней, Эллери протянул руку к ручке, покрытой рыжей ржавчиной.

– Куда она ведет? – приглушенным голосом спросил Ван.

– Сейчас посмотрим.

Эллери повернул ручку. Дверь подалась с громким скрипом. Эллери задержал дыхание и потянул ручку. Дверь отворилась.

Оба охнули и закрыли носы руками.

– Что за...

– Ну и вонь!

В темноте клубилось отвратительное зловоние. Казалось, от него того и гляди вывернет желудок.

Эллери и Ван сразу сообразили, что является источником этого смрада. Так пахнет разлагающаяся плоть. От физического отвращения кожа на миг покрылась крупными мурашками.

Запах гниющего мяса.

Запах тухлятины.

Руки Эллери не переставали дрожать, но он все же сумел крепче перехватить фонарь и направить его на скопившийся за дверью мрак.

Непроглядная тьма. Как они и думали, перед ними был проход, который вел куда-то наружу.

Эллери осветил ниже. Луч скользнул по грязному бетонному полу и наткнулся на...

– А-а-а!!! – закричали в один голос Эллери и Ван.

Вот он, источник ужасного запаха. Большой кусок плоти ужасного цвета и неопределенной формы. Торчащие желто-белые кости. Темные, открытые в пустоту глазницы...

Сомнений не оставалось – перед ними был полуразложившийся труп человека.

Время уже за полночь...

В Десятиугольном доме никого. Огонь в керосиновой лампе погас, и

только мрак цеплялся за царившую в доме безлюдную тишину.

Доносившийся издалика гул моря звучал, как музыка из другого измерения. Одинокие звезды заглядывали в десятиугольное окно в потолке, напоминавшее на фоне темного неба разверстый рот.

И вдруг...

Где-то внутри дома раздался отрывистый гул.

За ним последовали совершенно другие звуки, напоминающие вздохи живого существа. Вздохи превратились в тихие стоны, а стоны – в нестихающий низкий вой, который нарастал с каждой минутой...

Через какое-то время Десятиугольный дом уже охватили языки пламени.

Белые стены здания были словно обернуты прозрачным багряно-алым шелком.

Поднимались густые клубы дыма. Ночное небо сотрясалоь от оглушительного гула. Гигантский столб пламени яростно рвался вверх, будто желая подпалить плывущие облака.

Разраставшееся над островом зарево было видно даже на большой земле – в городке S.

Глава 10

День шестой

1

Его разбудил телефонный звонок.

Он с трудом поднял тяжелые веки, взглянул на часы у изголовья. Восемь утра.

Кёити Морису вяло поднялся с кровати и протянул руку к трубке.

– Алло! Морису слушает. Да... Что?! Еще раз... Да. Десятиугольный дом на Цунодзиме сгорел? Точно? – Он отбросил одеяло, крепко сжал трубку в руке и резко бросил: – И что? Что со всеми? А-а...

Из него будто ушла вся сила, он тяжело кивнул.

– Как же так? А я... О! О'кей. Понятно. Буду. Спасибо.

Морису положил трубку и потянулся за сигаретами. Сон как рукой сняло. Он закурил, глубоко затянулся и постарался успокоиться. Выкурил сигарету до фильтра, тут же сунул в рот вторую и снова снял трубку.

– Такааки? Это я, Кёити.

– Эге! Что случилось? Чего ты в такую рань? – Голос Такааки на другом конце провода звучал невнятно.

– Плохие новости, – сообщил Морису. – Десятиугольный дом сгорел.

– Что-о?!

– Вроде вместе со всеми.

– Не может быть! Как?.. Ты не шутишь? Первое апреля только завтра.

– Какие уж тут шутки... Мне только что звонили.

– Но...

– Я сейчас еду в S. Ты тоже? Симаде можешь сообщить?

– Да...

– Встретимся там. Все собираются в актовом зале профсоюза рыбаков, возле пристани. Понял?

– Понял. Сейчас звоню Симаде. Мы приедем вместе.

– Лады. До встречи.

* * *

31 марта, понедельник. Одиннадцать тридцать утра. Цунодзима.

Куча народу бродила по острову, заглядывая во все уголки.

Останки Десятиугольного дома, напоминавшие обгорелый труп фантастического чудовища, все еще дымились. На небе ни облачка. Море, окружавшее остров со всех сторон, ярко, по-весеннему, сверкало. Светлый мирный пейзаж совершенно не вязался с мрачным свидетельством разыгравшейся на острове трагедии, и резкий контраст был невыносим для всех, кто видел эту картину.

– Инспектор! Мы получили сообщение, что родственники погибших уже почти все собрались в S, – объявил в мегафон молодой офицер полиции.

Тучный мужчина за сорок, которого называли «инспектором», прижимая ко рту носовой платок, громко прокричал в ответ:

– Понял. Пусть везут. Сообщи, когда будут на месте. И чтобы сюда их пока не пускали.

Инспектор вернулся к разговору с медэкспертом, изучавшим обгоревшее до неузнаваемости тело.

– А это? – спросил он.

В воздухе висели невыносимое зловоние и поднимавшийся от пожарища жар.

– Мужчина, – ответил эксперт, лицо которого закрывала большая маска. – Невысокого роста. На затылке довольно глубокая рваная рана, очевидно, нанесенная каким-то тупым предметом.

– Хм... – Инспектор кивнул и отвел глаза от трупа. – Ну а у вас как дела? – окликнул он другого эксперта, который обследовал еще один труп, лежавший среди разбросанных кирпичей.

– Тоже мужчина скорее всего. Здесь, судя по всему, был источник пожара.

– Ого!

– Вокруг разлили керосин и подожгли. Похоже, он и себя керосином облил.

– Что ж тогда – самоубийство?

– Ну, сначала надо ознакомиться с другими актами, хотя вполне возможно.

Инспектор поморщился и торопливо направился подальше от пожарища. Офицер последовал за ним с вопросом:

– Трупы можно убирать?

– Подожди, пока родственники не приедут, – не раздумывая ответил инспектор. – Без них можно накосячить – перепутать тела и то, что вокруг

них валяется... Потом не разберешь, кто есть кто.

Быстро, почти бегом, он направился в подветренную сторону.

– После такого обед в глотку не полезет, – пробормотал он про себя, убирая платок от носа и вдыхая полной грудью соленый ветер.

* * *

Сквозь серо-пепельные холодные жалюзи было видно светлое, ясное море. Он находился в большой, казенного вида, без единого украшения, комнате.

Актный зал профсоюза рыбаков городка S.

Беспорядочно расставленные длинные складные столы и стулья. Люди, встревоженно переговаривающиеся друг с другом. Тихие, больше напоминающие шепот голоса...

Морису в одиночестве сидел у окна, потеряв счет выкуренным сигаретам, которыми была наполнена стоявшая перед ним дешевая пепельница.

Цунодзима, пожар в Десятиугольном доме.

Сердце бешено колотилось в груди.

Все погибли...

Такааки и Симада появились далеко за полдень, уже почти в час. Оглядели актный зал и, заметив Морису, сразу направились к нему.

– Ну что там? Какие новости? – выпалил Такааки.

Морису слабо покачал головой:

– Подробности пока не известны. Родственники только-только поплыли на остров для опознания тел.

– Неужели все и вправду погибли?

– Да. Десятиугольный дом сгорел дотла. На пожарище были найдены все.

Плечи Такааки опустились, несколько секунд он стоял не шевелясь.

– Что это было? Поджог? Несчастный случай?

– Понятия не имею.

Киёси Симада подошел к окну и через щелку в жалюзи посмотрел наружу. Такааки взял стул и подсел к Морису.

– Ты рассказал им о письмах?

– Нет еще. Не успел. Но собираюсь. Я и мое письмо с собой прихватил.

– Понятно.

Они ошеломленно смотрели друг на друга и вдруг услышали голос Симады.

– Нас всех надули, – пробормотал он, по-прежнему глядя наружу.

– Что?! – Такааки и Морису удивленно обернулись на него, а Симада серьезно продолжил:

– Конечно же, это не несчастный случай. Это убийство. Мечь.

Несколько человек, находившихся в зале, покосились на странную тройцу. Симада быстро понизил голос до шепота:

– Мы не можем здесь разговаривать. Пойдем отсюда.

Такааки и Морису кивнули, не сказав ни слова, и тихо поднялись со стульев.

Тяжелая стальная дверь отворилась, и, выйдя в коридор, они услышали, как один из стоявших там к ним спиной мужчин сказал:

– ...Я слышал, кого-то из этой компании вроде убили.

2

Втроем они вышли на берег, спустились с дамбы к кромке воды и уселись на установленные там бетонные тетраподы.

Простиравшееся перед ними в ярких солнечных лучах море вызывало раздражение своим показным спокойствием. Царившее на берегу умиротворение никак не вязалось с тем, что творилось в душе.

– Неужели все погибли? – Руки Такааки, лежавшие на коленях, дрожали. – Какой же я идиот!

– Конан-кун!

Симада перевел взгляд на Такааки, а тот, качая головой из стороны в сторону, продолжал:

– Вот мы всё вынюхивали, вынюхивали, а какой толк? Никакого. Даже здесь побывали три дня назад, и что? Надо было по крайней мере предупредить ребят на острове.

– Тут никто не виноват. – Симада провел рукой по впалым щекам и проговорил, будто обращаясь к самому себе: – Кто еще, кроме нас, принял бы всерьез эти письма и засуетился? Даже если б мы сообщили в полицию, нам посоветовали бы не обращать внимания на такую ерунду и дали от ворот поворот.

– Может, и так, конечно.

– Я упорно настаивал, что Сэйдзи Накамура жив и тем, кто на острове, грозит опасность; а что еще я мог сделать? Плыть туда со своими

догадками, не имея убедительных доказательств, что всем на острове грозит смертельная опасность? Бесполезно.

– Симада-сан! – прервал его Морису. – Предположим, что все, кто был на острове, действительно убиты. Означает ли это, что Сэйдзи Накамура жив?

– А как еще? – уклончиво отвечал Симада. – Кто же тогда убийца?

– Н-да...

– Симада-сан, а что вы думаете об этих письмах, подписанных Сэйдзи? Имеют они отношение к тому, что произошло на острове? – спросил Такааки.

Симада страдальчески скривился.

– Мы можем только предполагать, учитывая, что произошло.

– По-вашему, за пожаром и письмами стоит один и тот же преступник?

– Да, я так считаю.

– То есть письма – это вроде предупреждение от убийцы?

– Мне кажется, тут другое. Непонятно – ведь письма были доставлены адресатам после того, как все уехали на Цунодзиму. Убийца, наверное, имел другую цель.

– Какую?

– Конан-кун, в тот день, когда мы первый раз встретились, ты стал анализировать свое письмо и вывел из него тройной смысл. Помнишь?

– Угу. Обвинение. Угроза. Намек, чтобы еще раз задуматься над тем, что произошло на Цунодзиме в прошлом году.

– Точно. – Симада бросил на море мрачный взгляд. – Мы ухватились за этот намек и занялись расследованием событий, происшедших на острове в прошлом году. И нам удалось откопать правду. Но, как мне кажется, преступник не мог этого предвидеть. Наверняка он не предполагал, что мы сунем нос так глубоко. По-моему, истинное намерение автора писем – это обвинить вас в убийстве и дать наводку на Сэйдзи Накамуру.

– На Сэйдзи?

– Подписавшись Сэйдзи Накамурой, преступник вложил в наши головы мысль о том, что погибший архитектор, возможно, остался жив. Суть его замысла – сделать из Сэйдзи козла отпущения.

– То есть, Симада-сан, вы подозреваете...

– Кодзиро Накамуру? – осторожно спросил Морису. – Теперь мы знаем, что Тиори на самом деле дочь Кодзиро, и получается, человек, у которого был мотив убить всех, это не Сэйдзи, а Кодзиро.

– Что касается мотива, я согласен: Кодзиро первый на подозрении. Но... – Такааки взглянул на Симаду. – Ведь он все время был в Бэппу.

- Помнишь, что сказал тот парень, Конан-кун?
- Э?..
- Сын рыбака, который отвез членов Клуба детективов на остров.
- А-а, ну да...
- Он что сказал? Что на лодке с мотором до острова добраться и вернуться обратно – раз плюнуть. Разве не мог Ко-сан это сделать?
- О-о...
- Он говорил нам, что несколько дней сидел дома, писал статью. На звонки не отвечал, гостей не принимал. Вопрос: так ли это было на самом деле? – Не сводя глаз с моря, Симада тихо покачивал головой. – Да. Конечно, очень жаль такое говорить о друге, но я не могу не подозревать его. Он потерял дочь. Единственный мостик, связывавший его с любимой недоступной для него женщиной, рухнул. С этого началось – помнишь, что он нам говорил? – а потом родной брат убил его любимую. Для мотива больше чем достаточно. Кроме того, Ко-сан – бывший владелец Десятиугольного дома. Ничего удивительного, что он каким-то образом узнал о поездке на остров тех, кто убил его дочь. Написал вам письма, чтобы вы подумали, что Сэйдзи остался жив, и переключил на него все подозрения, дав выход давно сдерживаемой ярости. А одно письмо адресовал себе, чтобы тоже казаться одной из «жертв».
- Теперь все трое в молчании смотрели на море.
- Похоже на правду, – наконец тихо проговорил Морису. – Не вижу, у кого еще могли быть мотивы, чтобы убить на острове сразу всех. Так что Кодзиро – первый подозреваемый. Однако, Симада-сан, все это лишь предположения, не больше.
- Да это-то понятно, Морису-кун. – Симада иронически усмехнулся. – Просто предположения. И ни одного доказательства. Искать их я не собираюсь. И полиции свои соображения докладывать – тоже.
- Заметив два катера, появившиеся из-за мыса J, он встал.
- Полиция возвращается. Пойдемте обратно.

– А кто эти трое? – обратился к стоявшему рядом полицейскому инспектору, только что вернувшийся с места происшествия на Цунодзиме. Местный агент по сделкам с недвижимостью по имени Масааки Тацуми сообщил, что в сгоревшем Десятиугольном доме остановились студенты университета К**. Они были друзьями его племянника, поэтому Тацуми

разрешил им провести на острове неделю, начиная со среды.

У него был поименный список членов Клуба детективов, высадившихся на острове. Получив его, полиция обратилась в университет и связалась с семьями студентов. Некоторые из них жили в общежитиях далеко от родительского дома, поэтому в S собрались не все родственники. Тем не менее в ходе проведенного опознания в основном удалось определить принадлежность останков. Инспектор попробовал опросить родственников погибших, но мало чего от них узнал.

– Что? Вы о ком? – решил уточнить полицейский.

Полнотелый инспектор ткнул пальцем в сторону окна:

– Вон та троица.

– А-а, вроде приятели погибших... Из того же университетского клуба. С обеда здесь топчутся, спрашивают, что да как...

– Ага! – Инспектор слегка наклонил в сторону крупную голову.

Два парня, прислонившись к окну, переговаривались друг с другом. Рядом, спиной к полицейским, стоял долговязый мужчина за тридцать и смотрел в окно.

Вынув руки из кармана куртки, которую он порядком испачкал на острове, инспектор подошел к троице.

– Прошу извинить. Вы из того же кружка, в котором состояли погибшие студенты?

Двое юношей быстро подняли глаза на инспектора.

– Я из полиции. Меня...

– Да-а, тяжелая у вас работенка. – Смотревший в окно долговязый обернулся к инспектору.

Тот тихо щелкнул языком.

– Так это ты? А я смотрю – спина уж больно знакомая...

– Вот так встреча! Хотя у меня была мысль, что ты здесь появишься.

– Симада-сан, вы знакомы? – удивился один из стоявших рядом студентов.

– Я же тебе говорил, Конан-кун, что у меня связи в полиции. Знакомьтесь. Осаму Симада, инспектор первого отдела уголовного розыска префектурального управления полиции.

– Симада? Значит, вы...

– Ты правильно догадался: этот дядя – второй сын священника.

– Кхе... – Инспектор Симада громко кашлянул и сердито взглянул в лицо младшему брату, который по комплекции был полной противоположностью старшему. – Ты что тут делаешь?

– У меня с прошлой недели с этими парнями кое-какие дела. Долгая

история, поэтому распространяться не буду. – Киёси Симада повернулся к юношам. – Это Морису-кун, член Клуба детективов при университете К**, а это Каваминами-кун, тоже раньше состоял в этом клубе.

– Хм. – Озадаченный инспектор перевел взгляд на студентов. – Я – инспектор Симада. Вот ведь беда какая! Просто дикий случай, – официальным тоном проговорил он, тяжело опускаясь на стоявший рядом стул. – Детективами, значит, интересуетесь? Клуб организовали, да? Хм-м... В молодости я тоже много детективов читал. И чем вы в своем клубе занимаетесь?

– Читаем, в основном детективы, пробуем сами писать... – ответил Морису.

В этот момент к ним подошел полицейский в штатском и передал инспектору несколько страниц. Симада бегло просмотрел их и кивнул.

– Отчет судмедэкспертов, – сказал он, обращаясь к Такааки и Морису. – Предварительный пока. На более детальный потребуется какое-то время.

– Может, вы нам расскажете, что произошло? Насколько возможно, конечно, – попросил Такааки. – Как такое случилось? Нам бы хоть немного узнать...

Инспектор бросил взгляд на брата и сжал губы.

– Потом этот тип все равно всю душу вытрясет, так что чего уж... давайте здесь поговорим.

– Спасибо.

– Судя по останкам – правда, они в плохом состоянии, – все, кто был в доме, за исключением одного человека, были мертвы еще до пожара. Очень похоже на убийство. Тот, который исключение, погиб в огне, но здесь уже пахнет самоубийством. Он облил себя керосином, и очаг возгорания, судя по всему, находился в его комнате. Наверняка мы пока сказать не можем, но этот человек, возможно, убил всех и после этого покончил с собой. Прошу учесть, что это конфиденциальная информация. Имя покойного... – Инспектор взглянул на отчет, который держал в руках. – Ага! Мацуура... Дзюнья Мацуура. Вы знали его, конечно?

Морису и Такааки кивнули со вздохом.

– Это и в самом деле самоубийство? – ошеломленно спросил Симада-младший.

Инспектор наморщил переносицу и сердито взглянул на брата.

– Я только что сказал, что сейчас пока ничего нельзя утверждать наверняка. Я жду отчета с подробностями о причинах смерти остальных. Кстати... – Он вновь обернулся к студентам. – Что за человек этот Дзюнья

Мацуура? Что вы о нем думаете?

– Что за человек? Как сказать... – отвечал Морису. – В апреле он должен был пойти на четвертый курс юридического факультета. Учился отлично, здорово соображал, язык хорошо подвешен. Хотя немного странный.

– Понятно. И еще, Морису-кун...

– Да?

– Правильно я понимаю, что ваш клуб организовал на Цунодзиме что-то вроде общежития?

– Думаю, можно и так сказать. Хотя к официальной деятельности клуба это не имело отношения.

– Члены группы ладили между собой, находились в приятельских отношениях?

– Да, пожалуй. Думаю, между ними все было нормально.

Вновь появился тот же полицейский и что-то прошептал инспектору Симаде на ухо.

– Добро. Понял. – Тот сунул руки в карманы куртки и медленно поднялся со стула. – У меня сейчас другие дела, но, вполне возможно, в скором времени надо будет встретиться с членами вашего клуба. И вы тоже приходите, Каваминами-кун, хоть вы и бывший.

– Хорошо. – Такааки покорно кивнул.

– Ну, тогда до скорого. – Инспектор бросил взгляд на брата и направился к выходу, но вдруг обернулся к Морису и Такааки, будто что-то вспомнил. – Предположим, все в самом деле совершил Дзюнья Мацуура. Какие у него могли быть мотивы, как думаете?

– Хм-м... – Морису в раздумье склонил голову. – Я просто не могу поверить. Чтобы Эллери пошел на такое...

– Кто?

– Ой! Мацуура. Эллери – что-то вроде псевдонима.

– Эллери... Был такой писатель – Эллери Куин. Здесь есть какая-то связь?

– Да. В нашем клубе так заведено, обычай такой, что ли, – члены клуба зовут друг друга по именам знаменитых иностранных писателей.

– Ого! Все?

– Нет. Только часть.

– У всех, кто поехал на Цунодзиму, были такие псевдонимы, – пояснил Такааки.

В глазах инспектора Симады мелькнул интерес.

– А у вас, Каваминами-кун, когда вы состояли в клубе, тоже было

такое имя?

– Ну да.

– И какое же?

– Даже неловко как-то... Меня звали Дойл. Конан Дойл.

Инспектор рассмеялся.

– Ха-ха! Великий писатель... – И, поддавшись настроению, поинтересовался у Морису: – А вас, верно, зовут Морис Леблан?

Морису чуть нахмурил брови и пробормотал: «Нет». На мгновение на его губах появилась печальная улыбка, и, опустив глаза, он тихо ответил:

– Ван Дайн.

Глава 11

День седьмой

Вторник, 1 апреля 1986 года. Из утреннего выпуска газеты А**.

Еще одно групповое убийство: Десятиугольный дом, Цунодзима

31 марта на месте пожара, возникшего рано утром в Десятиугольном доме на острове Цунодзима (город S, префектура Оита), были обнаружены тела проживавших там шести студентов университета К**: Ёсифуми Ямасаки, 4-й курс медицинского факультета (22 года), Тэцуро Судзуки, 3-й курс юридического факультета (22 года), Дзюнъя Мацуура, 3-й курс юридического факультета (21 год), Ёко Ивасаки, 3-й курс фармацевтического факультета (21 год), Юми Оно, 2-й курс литературного факультета (20 лет), Хадзимэ Хигаси, 2-й курс литературного факультета (20 лет). Планировалось, что они будут проживать в Десятиугольном доме в течение недели, начиная с 26 марта.

Как показало следствие, имеются подозрения, что из шести погибших пятеро были убиты еще до начала пожара. Расследование происшествия, которое по количеству жертв превосходит групповое убийство, имевшее место на том же острове на Голубой вилле в сентябре прошлого года, когда погибли четыре человека, продолжается (...)

Тот же день. Из вечернего выпуска той же газеты.

В подвале Десятиугольного дома обнаружен труп

(...) В результате последующего расследования в подвальном помещении под сгоревшим Десятиугольным домом был обнаружен труп мужчины, погибшего насильственной смертью. Тело уже почти превратилось в скелет. Смерть наступила четыре-шесть месяцев назад. Возраст убитого – более сорока пяти лет. Судя по характеру повреждений, смерть наступила от удара по голове тупым предметом.

Подвальное помещение было обнаружено после пожара. Есть достаточно оснований предполагать, что убитым является садовник Сэйити Ёсикава (46 лет), пропавший без вести после того, что произошло

*на острове в сентябре прошлого года. Ведется работа по опознанию тела
(...)*

Глава 12

День восьмой

1

Студенческий городок университета К** врезался в рельеф, рассекая склон горы и занимая обширное пространство. В одном из уголков кампуса стояло трехэтажное здание из армированного бетона, в котором размещались университетские кружки и секции. Миновал день после того, как на Цунодзиме нашли шесть трупов. В среду, 2 апреля, после обеда десять членов Клуба детективов собрались в «клубной комнате» на втором этаже.

В небольшой комнате царил беспорядок. Тесноты добавляли два длинных конференц-стола, и студентам приходилось сидеть, чуть ли не прижавшись друг к другу. Среди них был и бывший член клуба Такааки Каваминами. Киёси Симада, брат инспектора, который вел дело об убийствах на Цунодзиме, не пришел.

Тактичность проявляет? А может, у него дела?

Кёити Морису почувствовал легкое беспокойство, но быстро с ним справился.

Не важно. Он все равно ничего не знает. Он ничего не заметил и не должен заметить.

Инспектор Симада прибыл с двумя подчиненными, опоздав на несколько минут.

В комнате было накурено. При виде табачного дыма инспектор нахмурился; заметив Такааки и Морису, махнул им рукой как старым знакомым и обратился к собравшимся:

– Спасибо всем, что пришли. Меня зовут Симада.

Представившись, он с невозмутимым видом уселся на приготовленный для него стул.

Познакомившись с членами клуба, инспектор вкратце рассказал им о случившемся на Цунодзиме. Затем, не торопясь, перешел к главному, поглядывая на студентов и время от времени сверяясь с тетрадью, которую держал в руках.

– Еще раз назову имена погибших на Цунодзиме. Ёсифуми Ямасаки,

Тэцуро Судзуки, Дзюнъя Мацуура, Ёко Ивасаки, Юми Оно и Хадзимэ Хигаси. Вы должны их хорошо знать.

Морису слушал голос инспектора, и перед его мысленным взором проплывали лица этой шестерки.

По, Карр, Элери, Агата, Орци и Леру.

– Мы полагаем, что пятеро из этих шести к моменту начала пожара уже были мертвы. Оно и Хигаси соответственно задушили и убили ударом по голове. Ямасаки, Судзуки и Ивасаки скорее всего были отравлены. Последний из них – Мацуура – еще был жив, когда вспыхнул пожар. Вероятно, он облил комнату керосином, потом облил себя и поджег.

– Выходит, Мацуура убил пять человек и покончил с собой? – спросил один из членов Клуба детективов.

– Выходит, так. Что касается яда, которым, как предполагается, были отравлены трое, то у родственников Мацууры большая аптека в О, и он часто бывал у них. Это все объясняет. Сейчас мы продолжаем расследование, исходя из этого факта.

Но есть одна проблема. Мы никак не можем понять мотив. Поэтому я и собрал вас здесь сегодня, чтобы поговорить об этом. Надеюсь, вы мне поможете.

– А может, все это совершил кто-то другой?

– Очень маловероятно.

Морису чуть не вздохнул с облегчением при этих словах инспектора, который продолжал:

– Прежде всего все указывает на то, что Дзюнъя Мацуура совершил самоубийство. Далее, пять человек были убиты разным образом и в разное время. Одна умерла за три с лишним дня до пожара... обстоятельства у всех разные. Мы слышали, что рыбаки редко посещают этот район, и, руководствуясь здравым смыслом, трудно предположить, что кто-то переплыл на остров на лодке и несколько дней убивал людей.

– Извините, господин инспектор, – прервал Симаду Такааки. – В прошлом году на Голубой вилле при схожих обстоятельствах погиб при пожаре Сэйдзи Накамура. И вроде установили, что он был убит.

– Да, с тем делом много странного. – Инспектор набычился и внимательно посмотрел на юношу. – Главная причина, почему мы так решили в то время, – это исчезновение садовника. Он должен был быть на острове, но его там не нашли. Естественно, подозрения пали на него. Мы решили, что убийца – садовник. Но теперь под развалинами Десятиугольного дома обнаружено тайное подвальное помещение, а в нем – труп мужчины, смерть которого наступила от неестественных

причин. Про это писали во вчерашних газетах. Судя по предполагаемому времени смерти, возрасту и физическим параметрам, это тот самый садовник.

– Ага! Понятно.

– Соответственно нам пришлось срочно поменять нашу интерпретацию прошлогоднего дела. Сейчас мы полагаем, что причина смерти Сэйдзи Накамуры – самосожжение, и все это дело – своего рода групповое самоубийство, им организованное. – Инспектор многозначительно посмотрел на Такааки и Морису. – У нас есть новые факты в поддержку этой версии от некоторого источника.

«Киёси Симада что-то рассказал? – подумал Морису. – Не должен. Он же ясно сказал, что не собирается делиться с полицией фактами, которые стали ему известны, и своими соображениями. Вроде ему можно верить. Даже если его брат – полицейский. Но это значит, что...

Неужели Кодзиро Накамура разговорился?»

– Ну ладно. – Инспектор Симада бросил беглый взгляд на студентов. – Кто из вас знал, что эти ребята собираются на остров?

Морису и Такааки подняли руки.

– Хм... Только двое? А вы знаете, кому первому пришло в голову отправиться на Цунодзиму?

– Они уже давно хотели туда поехать, – ответил Морису. – И благодаря кое-каким связям смогли договориться, что поживут в Десятиугольном доме.

– Ты говоришь: связям?

– Да. Мой дядя, его фамилия Тацуми, занимается недвижимостью. У него много проектов. Он купил Десятиугольный дом у прошлого владельца. Ну, я и сказал ребятам, что могу его попросить.

– О! Масааки Тацуми? Так ты и есть его племянник? А сам, выходит, с ними не поехал?

– Нет. У меня не было никакого желания ехать туда, где всего полгода назад произошла такая страшная трагедия. Все радовались, а мне даже подумать об этом было противно. И потом, там комнат на всех не хватило бы.

– Как так? Я слышал, в доме было семь комнат для гостей.

– Фактически не семь, а шесть. Можете спросить у дяди, но в одной комнате жить было нельзя. В дождь она протекала. В той комнате ничего не было. Только встроенные шкафы и старая мебель, нуждавшаяся в починке. Все стены в пятнах, потолок того и гляди обвалится. Пол сгнил, даже дыра в одном месте появилась.

– Я понял. И кто в группе, как бы это сказать... был организатором поездки?

– Я рассказал об этом доме Леру... извините, я имел в виду Хигаси. Потому что он должен был стать следующим главным редактором... ну, то есть первым человеком в клубе. Но он всегда советовался с Мацуурой.

– То есть двое – Хигаси и Мацуура?

– Да, верно.

– Кроме личных вещей, они привезли с собой продукты, одеяла и все такое. Кто это организовал?

– Все приготовил мой дядя, а я помог доставить на остров. За день до их приезда я нанял у рыбаков моторную лодку и перевез вещи.

– Хм... Это надо будет проверить. Так положено.

Поглаживая второй подбородок, инспектор еще раз обвел взглядом собравшихся студентов.

– Может, у кого есть идеи насчет мотива, толкнувшего Дзюнья Мацууру на это преступление?

По комнате пронесся негромкий шелест голосов. Морису тоже подключился к разговору, хотя в голове у него были совсем другие мысли.

...Нежное белое лицо.

...Хрупкая фигурка – кажется, обними ее покрепче, и сломается.

...Длинные черные волосы, спадающие на шею.

...Тонкие брови, придававшие лицу выражение легкой растерянности.

Опущенные в смущении миндалевидные глаза.

...Тонкие губы, на которых играет легкая улыбка. Нежный, как у котенка, голосок.

...Тиори.

Они любили друг друга, избегая чужих взглядов. Тиха, но глубока была эта любовь.

О! Тиори, Тиори, Тиори...

Он не рассказывал об этом никому – ни членам клуба, ни друзьям. Она – тоже. Не потому что они стыдились своей любви и хотели скрыть ее. Просто они боялись. Боялись, что маленькая вселенная, существовавшая только для них двоих, разрушится, как только о ней узнает кто-то посторонний.

И вот разом все рухнуло. В ту ночь в январе прошлого года. Ошибки быть не могло – ее лишили жизни эти шесть человек. Да, именно так.

Если б только он остался тогда рядом с Тиори до конца...

Как он упрекал, как клял себя за это! И как ненавидел этих шестерых...

Так же неожиданно он потерял в прошлом отца, мать и маленькую сестренку. Без всякого предупреждения жестокие своенравные руки лишили его тепла, которое давала ему семья, унеся ее туда, куда он не в состоянии дотянуться. И когда после всего этого он нашел дорогого ему человека – Тиори, – наступила та ночь...

Это совсем не несчастный случай.

Конечно, Тиори не могла так напиться, потому что очень хорошо знала, что у нее слабое сердце. Она не могла сопротивляться этой перепившейся компании, и они насильно ее напоили. И вот чем кончилось...

Они ее убили.

Убили.

– Кёйти! – окликнул Морису сидевший рядом с ним Такааки.

– А? Что?

– А как с письмами?

– Что-то хотите сказать? – спросил инспектор Симада, услышав, как переговариваются Каваминами и Морису.

– Мы вам кое о чем забыли сообщить, – ответил Такааки, доставая из кармана конверт с письмом. – Вот что пришло по почте в тот день, когда группа отправилась на остров. Мне и Морису тоже.

– Письма от Сэйдзи Накамуры?

– Ага!

– Оба получили? – Инспектор взял конверт и ознакомился с содержимым.

– Точно такие же письма пришли по адресам, где проживали погибшие на Цунодзиме, включая Мацууру.

– Это может быть как-то связано с тем, что произошло на острове?

– Не могу сказать. Но это вполне может быть и чья-то дурацкая шутка, не имеющая к данному делу отношения. Потому что отправитель письма – мертвец.

Инспектор Симада криво усмехнулся, показывая желтые зубы.

Морису подхихикнул полицейскому и тут же опять погрузился в воспоминания.

Он узнал, что Сэйдзи Накамура – отец Тиори, до того, как она сказала ему об этом. Еще он слышал, что Сэйдзи поселился на островке

Цунодзима, расположенном недалеко от берега у городка S, и что он большой оригинал. Полгода прошло, как Морису потерял Тиори. Все это время он жил как полубольной, не в силах справиться с одолевавшими его печалью и гневом. А одним осенним днем чуть не лишился дара речи, узнав о трагической смерти живших на Цунодземе родителей Тиори. Тогда он и представить не мог, что это происшествие поможет ему в будущем дать выход жившей в нем ярости.

Его не оставляла мысль о том, как заставить шестерых парней и девушек, которые довели Тиори до смерти, признать свою вину и расплатиться за содеянное. Громко крикнуть им в лицо: «Вы убили Тиори!»? Нет, он не может довольствоваться этим. У него отняли то, чего нельзя заменить, без чего он не мыслил жизни. Вот чего они его лишили.

Он жаждал только одного – мести и твердо решил для себя, что отомстит за Тиори. Этот его волевой порыв стал обретать форму – он понял, что должен их убить, – лишь когда ему стало известно, что его дядя, Тацуми Масааки, приобрел Десятиугольный дом.

Голубая вилла на Цунодземе – отчий дом Тиори. Там произошла трагедия с ее родителями. Шесть грешников, которые собираются на остров, чтобы потешить свое любопытство... Эти мысли разжигали в нем неистребимое желание расцветить тех, кто погубил Тиори, свежими красками и избавить от них мир.

Сначала он думал положить на Цунодземе всех шестерых, а потом умереть самому. Но это означало похоронить себя среди грешников, как бы поставить себя с ними на одну доску. А он должен свершить над ними праведный суд. Отомстить во имя справедливости.

После долгих раздумий в голове его созрел план.

План убить всех шестерых, а самому остаться в живых.

Первую стрелу он выпустил в начале марта, уверенный, что добыча попадет в ловушку.

«Мой дядя приобрел Десятиугольный дом. Хотите поехать на остров? Я могу его попросить. Ну, как?»

Как и следовало ожидать, наживку они проглотили.

Когда все было решено, он взял на себя приготовления к поездке.

Выбрал подходящие дни, подходящие для всех, учел долгосрочный прогноз погоды.

Для реализации замысла требовались ясная погода и спокойное море. Ему повезло – прогноз на последнюю декаду марта был хороший. Конечно, полагаться на прогнозы – дело рискованное, но в данном случае риска не было никакого: ведь если бы ситуация изменилась к худшему, он без проблем

мог отложить поездку даже в день отъезда.

В конце концов было решено ехать 26 марта, на неделю.

Он приготовил спальные принадлежности, продукты, все, что могло понадобиться. Постельное белье взял напрокат, шесть комплектов. Отъезжающим на остров всячески показывал, что будет жить с ними, а всех остальных старался убедить, что на остров едут только шесть человек, а он – в стороне.

Он написал девять писем от имени Сэйдзи Накамуры. У них было две цели. Первая: естественно, предъявить обвинение. Кто-то во что бы то ни стало должен узнать: те, кого он обвиняет, убили девушку по имени Тиори Накамура. Вторая: расшевелить «письмами мертвеца» – этой пленительной приманкой – Такааки Каваминами.

Отправление письма от Сэйдзи Накамуры его брату Кодзиро тоже было частью его стратегии – Морису полагал, что Такааки, характер которого он знал очень хорошо, доберется до младшего брата. Получив письмо, Такааки начнет все вынюхивать и в конце концов явится за советом к нему. Он ждал этого. Даже если самому придется обратиться к Такааки, есть прекрасный повод – эти самые письма с угрозами.

Письма он написал на процессоре. Эти аппараты были установлены в университетских лабораториях, и студенты свободно могли ими пользоваться. В супермаркете он купил лист пластика и изготовил два комплекта табличек, извещавших будущих жертв об ожидавшей их участи.

Во вторник, 25 марта, за день до отплытия на остров, он отправил письма из О, после чего поехал в S и с помощью рыбаков перевез на Цунодзиму приготовленные припасы. Вернулся в S и, соврав дяде, что хотел бы поехать в Кунисаки, попросил у него машину. В багажник положил резиновую лодку с подвесным мотором, компрессор и канистры с керосином. На лодке дядя обычно отправлялся на рыбалку. Все это добро хранилось в чулане за гаражом, у дяди до него доходили руки только в сезон – летом и осенью, поэтому можно было не беспокоиться, что он обнаружит пропажу.

За мыс J даже в дневное время почти никто не плавал. Он спрятал лодку и компрессор в зарослях у берега и, убедившись, что прошло достаточно времени, отогнал машину обратно. Сказал дяде, что вернется к вечеру в О, а на следующий день опять поедет на Кунисаки. На самом же деле он поехал в О, чтобы взять свой мотоцикл, и посреди ночи снова вернулся на мыс J.

Днем дорога на машине от О до мыса J занимает порядка полутора часов. Но ночью на 250-кубовом мотоцикле эту дорогу можно уложить в

час. А если мотоциклист имеет опыт езды по бездорожью, он может срезать путь и махнуть напрямик через пустоши и неудобья. Морису спрятал мотоцикл в перелеске, покрыв чехлом защитного цвета, с такой маскировкой можно было не опасаться, что кто-то его найдет.

Затем он собрал и накачал лодку, надел гидрокостюм. И при свете луны и автоматического маяка, установленного на мысе J, в одиночку отправился по морю к Цунодзиме.

Погода стояла почти безветренная, но было ужасно холодно. Ночь, видимость плохая. Раньше он уже брал несколько раз лодку у дяди, поэтому управлялся с ней легко, но его подвел собственный организм, и плавание до острова оказалось гораздо труднее, чем он ожидал.

Плохое самочувствие объяснялось тем, что он уже второй день ничего не пил. Отказ от воды был частью его плана.

От мыса J до Цунодзимы он плыл около получаса. Высадился на той самой площадке в скалах. Надо было спрятать лодку.

Он сложил ее и плотно запечатал в резиновый мешок вместе с компрессором и подвесным мотором, которые прежде обернул в водонепроницаемую ткань. Крепко перевязал мешок веревкой и опустил в воду между большими скалами, выбрав место, куда не достигают волны. Сверху придавил камнем. Другой веревкой примотал мешок к скале. Одну канистру с керосином пристроил здесь же, под скалами, другую еще раньше спрятал в кустах на мысе J.

Повесив на плечо большой фонарь, он по залитой лунным светом лестнице поднялся к Десятиугольному дому. Занял комнату слева от входа – ту, где протекал потолок и не было мебели. Устроился на ночлег в спальном мешке, который принес в дом днем.

Ловушка для душегубов была готова.

На следующий день, 26 марта, шестерка приехала на остров.

Никто ничего не заметил, никто ни о чем не подозревал. Теперь, что бы ни произошло, им целую неделю предстояло жить без связи с большой землей. Но даже это их ничуть не насторожило. Охватившая всех жажда приключений усыпила бдительность.

В тот вечер Морису раньше всех удалился в свою комнату, сославшись на простуду. Вот почему он не пил воду.

Ему было известно, что симптомы легкого обезвоживания организма

очень напоминают симптомы простуды. Просто симулировать болезнь он не решился – боялся, что По, учившийся на врача, заметит его игру. А если тот осмотрит его и подтвердит, что он болен, никому в голову не придет его в чем-то подозревать.

Оставив новоявленных обитателей острова за веселой болтовней, он переоделся в гидрокостюм, положил в рюкзак все, что могло понадобиться, и выбрался из комнаты через окно. Спустился на площадку, подготовил лодку и поплыл по ночному морю к мысу J. Оттуда на мотоцикле вернулся в O.

Дома он был около одиннадцати. Конечно, устал, но все, что предстояло сделать, было еще впереди.

Он поспешил позвонить Каваминами. Ему нужен был свидетель, готовый подтвердить, что он находился в O.

Ответа не было, но, если Каваминами взлезет в это дело, как надеялся Морису, он обязательно ему позвонит. Очень может быть, что уже звонил, и не раз. Обязательно спросит, куда Морису ездил, а ответ готов: рисовать.

Картина. Она должна служить доказательством того, что, пока шестерка сидит на острове, он занимается делами здесь. Картина – будды, вырезанные в скале. Точнее, не картина, а картины. Он приготовил их заранее. Три штуки. Первая – набросок углем, на котором работа с цветом только началась. На другой цвет уже лежал плотно, краски положены шпателем по всей картине. Третья – законченный вариант.

Естественно, на всех трех вариантах была одна и та же сцена – вид, на который Морису набрел прошлой осенью, когда бродил с разбитым сердцем в горах Кунисаки. По памяти он заранее подготовил три полотна разной степени готовности, заменив краски осени на весенние. Первую картину поставил на мольберт и, взяв письмо, которое прислал сам себе, стал дожидаться звонка Каваминами. Если связаться с ним не удастся, придется искать другого «свидетеля», думал он, стараясь подавить толкавшиеся в голове тревожные мысли.

Наконец ближе к полуночи раздался телефонный звонок.

Как он и предполагал, Каваминами все-таки проглотил наживку. Он рассказал, что ездил в Каннава к Кодзио Накамуре. Там он познакомился с неким Киёси Симадой, и это обстоятельство не могло не вызывать у Морису пусть легкое, но беспокойство.

С одной стороны, лишней «свидетель» не помешает. Но в то же время, если этот «свидетель» станет совать нос не в свое дело, ничего хорошего не будет. Хорошо хоть эта парочка и его в свою детективную игру записала.

К счастью, ее внимание направлено не в настоящее, а в прошлое. По

крайней мере можно было не беспокоиться о том, что Каваминами и Симада рванут на остров вслед за шестеркой. Чтобы произвести на них впечатление, Морису придумал выражение «кабинетный детектив», заявив, что будет играть в их группе эту роль. Сообщив «партнерам», что на следующий день поедет на Кунисаки писать свою картину, попросил их позвонить вечером. И еще посоветовал им съездить в Адзиму к Масако Ёсикаве. Цель? Надо было максимально отвлечь внимание Каваминами и Симады от Цунодзимы.

После того как они ушли, он немного поспал. Перед рассветом сел на мотоцикл, добрался до мыса J и на лодке поспешил на Цунодзиму.

В холле Десятиугольного дома никого не было. Убедившись в этом, он разложил на столе приготовленные таблички.

Зачем понадобились эти таблички? Он хотел дать понять объектам своей мести, что значит стать жертвой? Или его преследовало странное чувство долга, заставлявшее думать, что будет нечестно, если он не объявит заранее об ожидающем их наказании? Или ему просто хотелось поиздеваться над ними? Скорее всего все вместе, решил его поврежденный ум.

* * *

На следующий вечер он смог вернуться в свою комнату даже раньше, чем накануне. Правда, перед этим немного поцапался с Карром, но в итоге все обошлось, и он ушел к себе.

Из-за обезвоживания его пошатывало. Перед тем как надеть гидрокостюм, он осушил до капли целый кувшин воды, который дала ему Агата запивать лекарства.

С третьего дня в его планы не входило возвращаться по ночам на большую землю. Требовалось как можно скорее поправить водный баланс и восстановить силы.

В ту ночь путь от Цунодзимы до О выдался еще тяжелее, чем накануне. Сколько раз он собирался отказаться от борьбы и сдаться? Остается загадкой, откуда в его истощенном теле оказалось столько сил.

Вернувшись к себе, он первым делом удовлетворил мучившую его жажду. Даже когда приехали Каваминами с Симадой и они принялись обсуждать происшествие на Цунодзиме, он продолжал чашка за чашкой накачиваться чаем.

Поскольку возвращаться в О с острова в последующие дни он не

собирался, надо было, покончив с ролью «кабинетного детектива», посетить у партнеров по расследованию сомнения в правильности их действий. Он заявил, что выходит из этого дела, дав понять, чтобы они больше к нему не обращались.

Резкие слова, высказанные им в адрес Симады, отражали его истинное настроение. Он помнил, как разозлился, узнав, что Симада и Каваминами начали копаться в обстоятельствах рождения Тиори.

Как и накануне, он вернулся на остров, когда еще не рассвело, и, пробравшись в свою комнату, старался успокоить в утреннем полумраке кипевшую в нем злость.

4

Почему его первой жертвой стала Орци? Тому было несколько причин. Прежде всего это был своего рода акт милосердия по отношению к ней. Ранняя смерть избавит Орци от паники и страха, которые ожидали ее.

Орци... Она и Тиори очень дружили. Что-то в фигуре Орци, вечно робко опускавшей глаза, напоминало Тиори. Активного участия в ее убийстве она скорее всего не принимала – просто наблюдала за тем, что происходило. Но это не означало, что он должен избавить ее от своей мести.

Другой важной причиной было золотое кольцо, которое он увидел на среднем пальце левой руки Орци.

Прежде он ни разу не видел у нее драгоценностей. Потому-то кольцо сразу и бросилось ему в глаза. Точно такое же в свое время он подарил Тиори на день рождения.

Орци была подругой Тиори. Он помнил ее полные слез глаза на похоронах Тиори. Видимо, она получила это кольцо на память о Тиори.

Если они так дружили, Орци вполне могла знать, что Цунодзима – родной дом Тиори. Или была в курсе, что у него с Тиори были отношения.

Внутри кольца были выгравированы инициалы – его и Тиори. КМ и ТН. Даже не зная от Тиори о наших с ней отношениях, Орци вполне могла заметить гравировку после смерти Тиори. Если на острове начнутся убийства, она с большой вероятностью сможет вычислить мотив и личность убийцы.

Вот почему он убил Орци первой. Другого выбора не оставалось.

Выскользнув в холл из своей комнаты, он напрямик направился к комнате Орци. Дядя дал ему ключ, который подходил ко всем помещениям

Десятиугольного дома. Естественно, никому это знать не полагалось. Он открыл дверь и вошел. Стараясь не разбудить Орци, быстро накинул на шею веревку и стал тянуть изо всех сил.

Глаза Орци открылись так широко, что, казалось, вот-вот выскочат из орбит; рот скривился. Лицо синело прямо на глазах, она уже не сопротивлялась... и испустила дух. Он сделал все аккуратно – ровно уложил Орци, поправил на постели сбившееся белье. Что ни говори, а ему было жаль ее.

Он попробовал снять кольцо с ее пальца. Конечно, ему хотелось оставить его на память о Тиори, но еще он боялся, что кто-то заметит выгравированные на нем инициалы. Однако пальцы Орци очень распухли – может, с непривычки жизнь на острове повлияла, – и кольцо не снималось.

Пока кольцо оставалось на пальце Орци, инициалы были не видны. Но он не мог просто так расстаться с дорогим воспоминанием, связывавшим его с Тиори.

И решил действовать жестоко – отрезать кисть левой руки.

Отхвати он только средний палец, это привлекло бы внимание – о кольце могли вспомнить. Кроме того, отрезанная кисть – это прямая параллель с тем, что произошло на Голубой вилле в прошлом году. Он рассчитывал, что это принесет эффект, и добился результата – прибывшая на остров компания получила намек на существование «тени Сэйдзи Накамуры».

С помощью ножа, приготовленного как одно из орудий предстоящих убийств, ему с большим трудом удалось отделить кисть от тела. Он закопал ее за домом, чтобы потом, когда все закончится, извлечь из земли и снять кольцо.

Давая понять, что убийца мог проникнуть в дом снаружи, он открыл шпингалет на окне и отпер дверь. Наконец, финальный аккорд. Он достал из ящика на кухне табличку с надписью: «Первая жертва» и приклеил на дверь.

* * *

Он намазал синильной кислотой губную помаду Агаты за день до убийства Орци, днем 27-го. Таблички обитатели Десятиугольного дома уже видели, но настороженность, которую вызвал этот зловещий знак, была еще не так сильна, что позволило ему улучшить момент и пробраться в комнату Агаты.

Он рассчитывал, что результат наступит примерно в то же время, когда обнаружат тело Орци. Но из-за того, что он торопился и успел намазать ядом лишь один «карандаш» помады, «бомба замедленного действия» сработала гораздо позже ожидаемого.

Следующим номером программы стала чашка-одиннадцатигранник.

Он обнаружил эту чудную чашку в тот вечер, когда на острове высадилась команда Клуба детективов. Повертев чашку в руках, понял, что ее можно использовать.

Утром второго дня, расставив сначала на столе таблички, он унес чашку к себе. Вместо нее поставил другую, которую достал из шкафа на кухне. Там чашек было с запасом.

Яд он украл в лаборатории факультета естественных наук. Синильную кислоту, цианистый калий и мышьяковую кислоту. Чашку он отравил мышьяковой кислотой, потому что она без запаха. На третий день перед ужином незаметно – все еще не отошли от потрясения, вызванного смертью Орци, – заменил отравленную чашку на одну из шести, стоявших в кухне на столе.

Вероятность, что чашка-одиннадцатигранник достанется ему, составляла один к шести. Достанься она ему, он просто не стал бы из нее пить. Но хитрость не понадобилась – и Карр стал «Второй жертвой».

Карр умер от яда у него на глазах. Его конец был куда натуралистичнее и ужаснее, чем смерть Орци. Он, Морису, совершил страшное преступление. Осознание этого факта отозвалось болью в сердце. Но пути назад уже не было. Пришлось собрать все душевные и физические силы, чтобы хладнокровно и решительно свершить свою месть.

Перед рассветом все наконец разошлись по комнатам. Подождав, пока народ уснет, он пробрался в комнату Карра, отрезал у трупа левую кисть и бросил ее в ванну. Это был еще один намек на события, разыгравшиеся на острове прошлой осенью, а заодно и маскировка причины, побудившей его отрезать кисть у Орци. Потом выбрал из оставшегося у него второго комплекта табличек ту, на которой было написано: «Вторая жертва», и прилепил ее на дверь.

Сделав свое дело, он отправился на пепелище Голубой виллы.

В его ушах звучали слова, сказанные Эллери как раз перед тем, как Карр рухнул на пол: *Может, там был подвал.*

О подвале ему рассказал дядя. Там среди всякого мусора он спрятал пластиковые канистры с керосином, которые вместе с другими запасами привез на остров на рыбацкой лодке.

Эллери, похоже, думал, что в подвале кто-то прячется. Рано или

поздно ему взбредет в голову полезть туда и проверить.

Морису подмел в подвале пол и специально оставил следы, чтобы сложилось впечатление, будто там кто-то был. Позаимствовал из ящика с рыболовными принадлежностями, которые привез с собой По, леску и натянул поперек лестницы. Как он и ожидал, на следующий день Эллери угодил в расставленную ловушку.

Дурачок Эллери...

Конечно, мозги у него работали просто замечательно. Но при этом он оставался невероятно беспечным и бестолковым. Разве у настоящего сыщика хватит ума лезть сломя голову в подозрительный подвал? Горе, а не сыщик. Отделался вывихом лодыжки, и хотя в душе Морису надеялся, что Эллери сломает себе шею, всерьез он все же не рассчитывал увеличить свой «боевой счет» с помощью детского трюка с леской.

Чего он не ожидал, так это ситуации с Агатиной помадой. Приглядевшись как следует, понял, что Агата пользуется помадой другого цвета, не той, что он отравил. Если и на следующий день она не умрет, придется придумывать другой способ отправить ее на тот свет.

Он был погружен в мысли, когда По предложил обыскать все комнаты. Это его не особо озаботило. Конечно, он учел такую возможность. Таблички, клей и нож были спрятаны в кустах; одежду, которую он испачкал кровью, отрезая руки, закопал. Канистры с керосином стояли в подвале; яд он носил при себе. Вряд ли дело дойдет до личного осмотра. Правда, в комнате могли найти его гидрокостюм... Ну и что? Можно соврать что-нибудь, если они на него наткнутся.

Но ему категорически не хотелось, чтобы те, кто пока еще оставался в живых, увидели, что собой представляет его комната. Конечно, всегда можно оправдаться тем, что у организатора поездки и должна быть самая плохая комната, но будет лучше, если никто этого не увидит. Потому он и не поддержал предложение По.

В тот вечер из-за истерики, случившейся с Агатой, все против ожиданий рано разошлись по комнатам. В ту ночь он не собирался покидать остров, но провести ее просто так, ничего не делая, не имело смысла. А вернувшись в О и встретившись там с Каваминами, он получит железное алиби.

Чувствовал он себя хуже некуда. Небо затянули тучи, и это его беспокоило, хотя по радио передали прогноз, что дождя и волнения на море не ожидается. И он решил вернуться в О, как уже делал два раза. Добравшись до города, первым делом поехал к себе. Привязал к мотоциклу картину – надо было как-то показать, что он возвращается с Кунисаки – и

поехал к Каваминами.

Ночью прошел небольшой дождь, не помешавший, однако, его планам. На пятый день, 30 марта, он благополучно вернулся на остров, когда небо еще только начало светлеть. На подходе к скалам заглушил лодочный мотор и подгреб к берегу на веслах. Привязав лодку к скале, стал вытягивать ее из воды, и в это время случилось то, чего он никак не ожидал.

Ему показалось, что кто-то вскрикнул. Он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову. На лестнице, где-то посередине, стоял Леру и изумленно смотрел вниз.

«Он меня увидел! Я должен его убить!» – мелькнуло в голове Морису.

Что мог здесь делать этот трус Леру в такое время? Да еще один? Спокойно обдумать ответы на эти вопросы времени не было. Возможно, Леру заметил веревку, обвязанную вокруг скалы, что-то заподозрил и решил проверить. Так или иначе, он его заметил. Может, полная картина в голове у Леру сразу и не сложилась, но он наверняка понял, что происходит.

Морису схватил валявшийся рядом камень и бросился следом за Леру, пустившимся наутек. Преследователя охватил страх, а у преследуемого началась настоящая паника. Он то и дело спотыкался, и расстояние между ними быстро сокращалось. Леру громко позвал на помощь, надеясь, что в Десятиугольном доме его услышат. Морису уже почти догнал его, размахнулся и швырнул камень, метя Леру в затылок. Послышался тупой удар – камень угодил в цель, и Леру упал лицом вниз. Морису подобрал камень и стал бить по разбитой голове Леру, нанося удар за ударом...

Убедившись, что тот мертв, он поспешил обратно на площадку. Конечно, он понимал, что на земле остались его следы и их могут заметить, но охватившая его паника не позволяла адекватно оценить ситуацию. Он боялся, что в доме услышали крики Леру и кто-то выскочит посмотреть, в чем дело. Скользя взглядом по следам, убедился, что по ним невозможно определить того, кто их оставил. Следы как следы; в конце концов, не полиция будет их изучать. Придя к такому выводу, он выбросил эту тему из головы.

Больше всего Морису боялся, что появится кто-то из обитателей Десятиугольного дома. Если они увидят лодку, это конец.

Он прыгнул в лодку и быстро поплыл к бухточке. Там загнал лодку под

причал, благо места хватало – причал прилично возвышался над водой, – и стал наблюдать за тем, что творится наверху. Крики Леру никого не разбудили. Повезло.

Забравшись на причал, он сложил лодку и спрятал ее в сарае. Конечно, это было рискованно, но возвращаться на прежнюю «стоянку» еще опаснее. Пробравшись в Десятиугольный дом, он приклеил к двери комнаты Леру табличку «Третья жертва» и забрался в спальный мешок.

Поспать толком не удалось – нервы были напряжены до предела. Он чувствовал вялость и усталость во всем теле. Его мутило. Заверещал будильник в часах. Он поднялся, направился на кухню попить воды и наткнулся на тело Агаты. В то утро она решила сменить помаду.

«Хватит убийств! Не могу больше смотреть на трупы!» – кричало все внутри. Он утратил над собой контроль, тошнота подкатила к горлу. Он чувствовал себя на грани психического и физического истощения.

Но как он мог теперь сдать? Нельзя просто взять и убежать.

В его измученной страданием душе то возникал, то исчезал образ его возлюбленной, ушедшей туда, откуда не возвращаются.

* * *

Они сидели за десятиугольным столом все вместе: он и оставшиеся в живых – Эллери и По. Развязка приближалась.

Ситуация складывалась не в пользу По. Хотя потом Эллери и отрицал это, но в тот момент все шло к тому, что именно По приписали бы все происшедшие на острове убийства.

Сердце Морису чуть не остановилось, когда Эллери заинтересовался следами, оставленными на месте убийства Леру. «Без паники. Все обойдется. Без паники, без паники...» – говорил он себе, отчаянно борясь с вновь подступающей тошнотой. Эллери посмотрел на следы и отвернулся. Морису вздохнул с облегчением. И вдруг Эллери опять вспомнил о следах.

«Неужели я где-то допустил ошибку? Ведь она может оказаться роковой».

Он бросился вслед за Эллери к месту, где стояла Голубая вилла. Когда Эллери попросил их с По запомнить расположение следов, Морису понял, в чем была его ошибка. Он клял себя за глупость и думал: «Всё, конец!»

Он понимал, что по мере того, как число жертв растет, а подозреваемых – уменьшается, площадь для маневра сужается. В принципе он приготовился к ситуации, если вдруг потребуются решительные

действия. В самом худшем случае, возможно, придется схватиться с несколькими противниками сразу. Поэтому он всегда носил в кармане куртки небольшой нож.

Пока Эллери изучал следы, Морису несколько раз думал напасть на него и По с этим ножом. Но если они отобьются и скрутят его, это будет конец всему. Пока непонятно, обвинит его Эллери в убийстве Леру или нет.

Ежась от давящего звонкого голоса Эллери, он раздумывал, как лучше поступить.

На его счастье, мысль Эллери ушла в другом направлении – его замкнуло на том, что убийца – не один из них, а некий человек, приплывший на остров на лодке.

Конечно, Эллери имел в виду Сэйдзи Накамуру. Он и в самом деле верил, что тот остался жив. Морису и подумать не мог, что «тьень Сэйдзи» будет так долго, вплоть до самого решающего момента, играть для него роль спасательного круга.

В голове вдруг разом прояснилось.

У Эллери кончились сигареты, и По протянул свой портсигар. «Вот он, момент!» – подумал Морису.

Он быстро вынул из кармана куртки некий предмет. Это была маленькая плоская коробочка. В ней лежала одна сигарета «Ларк», которую он отравил цианистым калием. Это оружие Морису приготовил в самом начале, рассчитывая применить его против По, если представится возможность.

Он тоже попросил сигарету, взял портсигар. Замена произошла под столом. Он достал из портсигара две сигареты – одну сунул в рот, другую положил в карман. Вместо нее в портсигаре оказалась сигарета с отравой.

По курил очень много, поэтому вполне мог взять еще одну сигарету, как только портсигар окажется в его руках. Но может получиться и по-другому – он не станет курить и протянет портсигар Эллери. Хотя какая разница? Все равно кто-то из них умрет. И останется разобраться с последним...

Отравленную сигарету закурил По.

В холле осталось двое.

Даже теперь, когда По был мертв, Эллери продолжал верить, что убийца – Сэйдзи. Похоже, Морису совсем не вызывал у него подозрений.

То есть спешить необходимости не было. Надо лишь тщательно выбрать момент. Хотелось, конечно, чтобы последняя жертва совершила «самоубийство». Ради него.

Дурачок Эллери...

Эллери помогал ему до последнего.

Эллери мнил себя великим сыщиком, а на деле оказался ни на что не способным клоуном. По иронии судьбы, он случайно в точности предсказал такой финал – последними в живых остаются «Детектив» и «Убийца».

В то же время Морису пришлось отдать должное ясности ума Эллери, которая через чашку-одиннадцатигранник привела их в финале к открытию одиннадцатой комнаты Десятиугольного дома. Морису сам задавался вопросом о предназначении этого предмета. Но ему в голову не могло прийти, что это ключ к устройству, открывавшему вход в тайную комнату. Хотя Каваминами и рассказывал ему о любви архитектора Сэйдзи Накамуры к хитроумным приспособлениям...

Эта находка никак не угрожала положению Морису. Наоборот, она стала наилучшим подтверждением версии Эллери о том, что Сэйдзи и есть убийца.

Вдвоем они вошли в подвал. Эллери сразу принялся искать выход наружу, и они наткнулись на ужасный труп.

Увидев его, он сразу все понял. Это был труп пропавшего без вести Сэйити Ёсикавы.

Ёсикава был убит полгода назад. Сэйдзи напал на него в Голубой вилле, и, спасаясь от свихнувшегося архитектора, тот убежал сюда и умер. Или Сэйдзи заманил сюда садовника и убил.

Морису сказал об этом Эллери, который стоял и со страхом смотрел на труп. Эллери несколько раз кивнул и, прикрывая платком нос, сказал:

– Все верно. И это значит, что Сэйдзи подложил вместо себя кого-то другого тогда, в сентябре. – И добавил: – Ладно, Ван, пошли. Надо выяснить, куда ведет этот ход.

Они обошли труп и двинулись дальше. «Провожу тебя до самого конца», – подумал Морису. Ему стало казаться, что Эллери его подозревает.

Пыль толстым слоем покрывала пол, и было ясно, что здесь уже давно никто не ходил. Он подумал, что Эллери вполне мог притворяться, что ни о чем не догадывается и только и ждет подходящего момента, чтобы наброситься на него.

Морису шел за ним в темноте, сжимая нож в кармане.

Потайной ход заканчивался дверью, за которой они слышали плеск

волн.

Эллери отворил дверь. Волны зашумели громче...

Дверь была прорублена где-то посередине обращенного к бухте утеса. За ней находился небольшой выступ вроде узкой террасы. Под ним простиралась непроглядная тьма. Судя по всему, до воды оставалось еще прилично.

Глядя под ноги, Эллери сделал осторожный шаг и посветил вокруг фонариком. Обернулся с удовлетворенным видом и сказал:

– Дверь так расположена, что ее трудно заметить – что сверху, что снизу, с моря. Отсюда по камням можно довольно легко добраться до каменных ступенек. Сэйдзи пользуется этим путем, когда хочет проникнуть в Десятиугольный дом.

* * *

– Ночью Сэйдзи обязательно появится, – сказал Эллери, когда они вернулись в холл. – Мы нашли этот тайный ход. Через него он придет или же через прихожую – нам бояться нечего. Нас же двое. Давай попробуем его поймать.

Кивнув, Морису стал готовить кофе на двоих. Накануне, когда По раздавал желающим снотворное, он тайком вытряс из пузырька несколько таблеток и теперь положил их в одну из чашек, так, чтобы Эллери не заметил.

С невинным видом Морису протянул чашку Эллери, и тот без малейших подозрений быстро осушил ее.

– Что-то меня в сон клонит... Ну да, напряжение вроде спало. Ты как, Ван? Я вздремну немного, лады? Если что, буди меня сразу.

Это была последняя реплика великого детектива перед уходом со сцены.

Через мгновение голова Эллери уже лежала на столе, он беззаботно спал. Убедившись, что тот полностью вырубился, Морису перетащил его в комнату и положил на кровать.

Эллери должен совершить «саможжение», решил он. Конечно, при исследовании его останков могут обнаружить следы снотворного, но Морису рассчитывал, что, обнаружив труп Сэйити Ёсикавы, полиция придет к заключению, что смерть Сэйдзи Накамуры в прошлом году была самоубийством. Происшедшее в Десятиугольном доме схоже с обстоятельствами того дела, и это, несомненно, должно оказать влияние на

мнение полиции.

Дождь прекратился и вроде не собирался снова.

Морису спустился к бухте, приготовил лодку, потом достал из подвала бывшей Голубой виллы керосин. Выкопал кисть левой руки Орци, снял кольцо и отнес кисть в ее комнату. Оставшиеся таблички, запачканную кровью одежду, яд, нож – весь компромат, подлежащий уничтожению, – перенес в комнату Эллери. Открыл там окно и облил все керосином. Поступив так же с другими комнатами, принес в холл газовый баллон, открыл вентиль и вышел из дома. Выплеснул через открытое окно остатки керосина на тело Эллери и швырнул в комнату пустую канистру.

Эллери дернулся – видимо, начал приходить в себя после снотворного, но Морису уже бросил бензиновую зажигалку на пропитавшуюся керосином кровать.

Пламя вспыхнуло и стало быстро завоевывать пространство. Он захлопнул окно, отскочил от дома на несколько шагов и зажмурился.

За плотно закрытыми веками на сетчатке все еще бешено плясал огненный водоворот.

* * *

На следующее утро долгий, казавшийся чуть ли не вечным, сон Морису прервал звонок дяди. Тот рассказал ему о происшествии на острове. Морису связался с Каваминами и немедленно выехал в S.

Первым делом он направился к дяде и взял у него машину, сказав, что хочет поехать на мыс J, выяснить, что случилось на острове. Он и в самом деле поспешил на мыс, но лишь для того, чтобы положить в багажник лодку и компрессор, спрятанные там. В это время общее внимание было обращено не на мыс J, а на Цунодзиму. Пригнав машину дяде, он положил лодку обратно в чулан. Покончив со всем, отправился к пристани на встречу с Каваминами и Симадой.

7

После встречи в Клубе детективов университета К** Кёити Морису поспешил домой. Эллери, он же Дзюнья Мацуура по неизвестной причине и, возможно, в состоянии психического расстройства убил пятерых своих приятелей и совершил самоубийство. Похоже, полиция приняла эту

версию и успокоилась. На встрече с инспектором на конкретном мотиве этого преступления так и не сошлись, хотя несколько эпизодов, рисующих, каким человеком был Эллери, Осаму Симада взял на заметку.

В итоге все получилось даже лучше, чем рассчитывал Морису.

Он уже уничтожил две картины, написанные, чтобы подтвердить его алиби. Они стали больше не нужны. Все необходимое сделано. Бояться больше нечего.

Все кончилось, подумал Морису. Свершилось, наконец.

Мсть состоялась.

Эпилог

Море в сумерках, покой.

Волны, окрашенные в багрянец лучами заходящего солнца, приходя издалека, накатывали на берег и отступали обратно.

Как и когда-то, он сидел в одиночестве на волнорезе, глядя на погружавшееся в сумерки море.

Тиори...

Он несколько раз повторил про себя это имя.

Тиори, Тиори...

Закрыв глаза – вспыхнувшее в ту ночь пламя все еще стояло у него перед глазами. Гигантский погребальный костер, на котором горела десятиугольная ловушка, захлопнувшаяся за своей добычей.

На это видение наложился ее образ. Он попробовал окликнуть ее. Но она смотрела в сторону и не отвечала.

Что не так, Тиори?

Языки пламени плясали как сумасшедшие, полыхали все ярче. Наконец они охватили образ его возлюбленной, контуры его расплылись, и она исчезла.

Он тихо поднялся.

У воды резвились дети. Он постоял, прищурившись глядя на эту сцену.

Тиори...

Он еще раз произнес ее имя, на этот раз громче. Но, сколько ни закрывал глаза, сколько ни смотрел на небо, она больше не являлась ему. Его мучило ощущение бездонной пустоты; казалось, в душе ничего не осталось.

Море было готово раствориться в ночи. Волны, уносившие последние краски закатного солнца, что-то ласково нашептывали.

Вдруг кто-то легонько хлопнул его по плечу. Он удивленно обернулся.

– Эй, давненько не виделись.

Высокий худой человек стоял перед ним и дружелюбно улыбался.

– Я поинтересовался у вашего консьержа, где тебя искать, и он сказал, что ты часто бываешь на берегу.

– М-м...

– Неважно выглядишь. Я понаблюдал за тобой немного; показалось, ты о чем-то задумался.

– Да так просто... А у вас ко мне какое-нибудь дело?

– О нет! Ничего особенного.

Человек присел, сунул в рот сигарету и проговорил негромко: «Сегодняшняя норма».

– Времени уже порядком прошло. Полиция вроде закрыла дело. Что думаешь?

– А чего тут думать? Эллери все и сделал.

– Я не о том. Я имею в виду, нет ли за этим другой правды.

Что он хочет сказать?

Ничего не сказав, Морису перевел взгляд на море. Человек поднес зажигалку к «сегодняшней норме» и заглянул ему в глаза.

– Я как-то сказал, что подозреваю Ко-сан. Мне казалось, он мог быть убийцей. Но у меня полно свободного времени, вот я и попробовал закинуть сеть воображения шире. И мне пришла в голову забавная мысль. Хочу, чтобы ты меня выслушал.

Неужто все насквозь видит?

Он не ответил и отвел взгляд.

Этот человек... Неужели...

– Да не надо сразу отказываться. Ты послушай. Идея бредовая, так что ты, верно, поднимешь ее на смех. Может, опять станешь ругать меня, но я предлагаю отнестись к ней чисто как к продукту моего воображения.

– Давайте не будем, – проговорил Морису в ответ бесцветным голосом. – Всё в прошлом, Симада-сан.

Он повернулся и, не обращая внимания на оклик Симады, стал спускаться с волнореза к кромке воды, где играли дети.

Душа его погрузилась в смятение.

Что за...

Он тряхнул потяжелевшей головой, стараясь преодолеть охватившее его волнение.

Не может быть. Этот человек не мог ничего заметить. Но даже если богатое воображение вдруг открыло ему правду, что с того? У него нет ни единого доказательства. Он ничего не сможет сделать.

Верно, Тиори?

Он обратился к своей возлюбленной. Но она не отвечала. Он больше не видел ее.

Почему?..

Тревога на миг захлестнула его, как цунами. Тяжелый мокрый песок прилипал к ногам. И тут он увидел что-то блестящее.

Это...

Он склонился над своей находкой, лицо его застыло от удивления. Из

скривившегося рта вырвался короткий вздох.

Перед ним была бутылочка из зеленого стекла. Она лежала у самой воды, наполовину занесенная песком. Внутри бутылки он увидел несколько сложенных листков.

О-о...

С бледной горькой улыбкой он поднял бутылку и обернулся на человека, который все так же сидел на волнорезе и смотрел на него.

Это приговор?

Дети на берегу собирались домой. Он медленно подошел к ним, держа бутылку в руке.

– Эй, паренек! Сделай одно дело.

Мальчишка удивленно посмотрел на него снизу вверх.

С улыбкой, полной того же спокойствия, какое царит по вечерам на море, он протянул ему бутылку:

– Передай вон тому дядьке, хорошо?

---

notes

СНОСКИ

Эллери Куин – общий псевдоним дуэта писателей, Ф. Даннэя (наст. имя Даниэль Натан) и Манфреда Б. Ли (наст. имя Эмануэль Б. Леповски).

2

Декагон – десятиугольник.

Эмма Орци (1865–1947) – британская писательница венгерского происхождения, известная, помимо прочего, тем, что впервые вывела в роли главного расследователя в детективном романе женщину. Старик в углу – прозвище одного из ее героев, «сидячего детектива», который решает дела не выходя из любимой чайной.

4

Мономания – навязчивая или чрезмерная увлеченность одной идеей или субъектом; одностороннее однопредметное помешательство.

«Фукусукэ» – традиционная японская кукла, изображающая сидящего на коленях большеголового мужчину. В Средние века кукла являлась символом вечной молодости и богатства и до сих пор ассоциируется со счастьем и удачей.

«Маньёсю» – старейшая антология японской поэзии, относящаяся к VIII в. В стихотворениях, вошедших в антологию, упоминается около 150 видов различных растений.

«Кокин вакасю» – антология японской лирической поэзии, созданная в начале X в.

«Хэйан» – период в истории Японии с 794 по 1185 г., отмеченный расцветом культуры.

В фольклоре народов стран Восточной Азии, в том числе в Японии, популярен сюжет о зайце или кролике, живущем на Луне. Это представление возникло в результате зрительной иллюзии – конфигурация пятен на лунной поверхности может восприниматься как фигура зайца.

Учебный год в Японии начинается в апреле.

11

Стандартный размер одного татами составляет $1,8 \times 0,9$ м.

«Кун» – именной суффикс в японском языке, использующийся, как правило, в разговоре приятелей или при обращении старшего к младшему.

Японские имена и фамилии могут записываться разными иероглифами, даже если произносятся одинаково, поэтому при знакомстве люди нередко спрашивают, как пишется та или иная фамилия. Каваминами переводится как «Река Юга».

В свою очередь, ряд одних и тех же иероглифов (это касается большинства иероглифов китайского происхождения) могут читаться по-разному. В данном случае «кава» и «минами» могут быть прочитаны как «ко» и «нан».

Матушка Гусыня (*англ.*) – фольклорный персонаж англосаксонской и французской культуры, с чьим именем в заглавии с XVII в. издавались сборники сказок, стихов и т. п.

«Морису» можно перевести как «надежный защитник».

«Бирлстоунский гамбит» – термин Фрэнсиса Невинса-мл., автора книг о творчестве Эллери Куина (общий псевдоним дуэта американских авторов детективного жанра Д. Натана и Э. Леповски, индивидуально работавших под псевдонимами Фредерик Даннэй и Манфред Б. Ли соответственно). Он использовал его для описания детективной интриги в повести А. Конан Дойла «Долина ужаса»: Бирлстоун – название поместья, где ведет расследование Холмс.

В японском языке иероглифы «верх» 上 и «низ» 下 имеют общий элемент — 一, означающий «один», «единица».

Спасибо (*англ.*).

Тон'а (1289?–1372) – буддистский монах, выдающийся поэт и ученый японского Средневековья. Кэнко Ёсида (1283–1350) – японский писатель и поэт, которого в Японии называли «одним из четырех небесных поэтов».

Эту стихотворную строфу можно перевести так: «Ночная прохлада/
Рисовые колосья пробудились/Ладонь вместо подушки/На коноплянике
тоже осень/От ветра достаётся всем», служит для передачи
зашифрованного послания Кэнко Ёсиды своему корреспонденту.

То же касается и ответа Тон'а, содержание которого не так важно, как зашифрованное в нем послание: «Ночь печальна/Мой добрый друг/Ты не пришел/И все же скоро посетишь меня».

«Цурэдзурэгуса» – сборник эссе (в русском переводе называется «Записки от скуки»), написанных Кэнко Ёсидой в 1330–1332 гг., относится к главным произведениям японской средневековой литературы.

Японцы предпочитают пить виски, наполовину разбавленный водой, – мидзувари.

«Повесть о Гэндзи» – или «Повесть о блистательном принце Гэндзи» – выдающееся произведение японской классической литературы, созданное в период расцвета японской культуры – в эпоху Хэйан (794–1185 гг.).

Глициния по-японски – «фудзи».